АРМЯНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

(На материалах социологического исследования в Армении и Беларуси)

ARMENIAN SOCIOLOGICAL ASSOCIATION

TENDENCIES TOWARD AND RISKS OF RADICALIZATION OF THE SOCIETY

(Based on findings of the sociological study conducted in Armenia and Belarus)

ЕРЕВАН 2019
YEREVAN 2019

УДК 316
ББК 60.5
Т 330

Рекомендовано к печати решением Совета Армянской Социологической Ассоциации

Главный редактор - Погосян Г.А., академик НАН РА, доктор социологических наук, профессор

Рецензенты - Арутюнян М.А., доктор философских наук,
Джиджян А.Р., кандидат философских наук, доцент
Технический редактор - Сафарян М.Н.

Тенденции и риски радикализации общества: На материалах
Т 330 социологического исследования в Армении и Беларуси.- Ереван: Европринт, 2019. - 208 с.

В коллективной монографии «Тенденции и риски радикализации общества (На материалах социологического исследования в Армении и Беларуси)» опубликованы материалы международного исследовательского проекта, финансируемого с армянской стороны по тематическому гранту Государственного комитета по науке Министерства образования и науки РА. С этой целью в рамках комплексного изучения проблематики радикализма в современном армянском обществе в 2018 г. в трех городах республики (Ереван, Гюмри, Ванадзор) было проведено социологическое исследование сотрудниками Института философии, социологии и права Национальной Академии наук РА в сотрудничестве с Армянской социологической ассоциацией (руководитель группы Г.А. Погосян).

Книга предназначена для социологов, политологов, преподавателей вузов, политических деятелей и широкого круга лиц, интересующихся проблемами современного общества.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-9939-857-73-2

© Европринт, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……4

ГЛАВА 1. Проявления радикальных настроений в современном армянском обществе……9

1.1 Теоретические основы изучения политического радикализма…...9

1.2 Цели и задачи совместного исследовательского проекта……..33

1.3 Политический радикализм и предпосылки "Бархатной" революции в Армении……45

ГЛАВА 2. Радикализм и экстремизм: Аттитюды и поведение…….63

2.1 Отношение современного армянского общества к проблеме терроризма……...63

2.2 Радикализм в современном армянском обществе: масштаб участия в протестах……83

ГЛАВА 3. Этнический радикализм в белорусском общественном сознании……125

Социологическая индикация этнического радикализма…….125

Проявления этнофобии в массовом сознании жителей Беларуси……132

Воспитание этнической толерантности……146

ГЛАВА 4. Стратегии включения личности в современные цивилизационные процессы: белорусский опыт……...161

Заключение……201

ВВЕДЕНИЕ

В историческую эпоху промышленного переворота и буржуазных революций радикализм выступал в качестве альтернативы эволюционному общественному развитию. Родиной радикализма принято считать Англию. Появление радикализма, так же как и революций XVIII–XIX вв., было подготовлено Просвещением с его новыми требованиями к человеку, к промышленному развитию и борьбой против монархического авторитаризма. Сам термин «радикализм» (от лат. *radicalis* – коренной или *radix* – корень) означает буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений в любой деятельности[1]. Европейский радикализм повсеместно выступал в роли идеологического и культурного фермента социальных преобразований.

В XX в. функции радикализма в значительной мере продолжали осуществлять социал-демократические, социалистические и другие левые, неолиберальные, а также современные неоконсервативные движения и партии. Для современного радикализма также характерны нечувствительность к конкретной ситуации, склонность к «простым» решениям и крайним средствам[2].

Классическое определение политического радикализма или радикализма в политике – это социально-политические идеи и действия, направленные на кардинальные, решительные, «коренные» изменения существующих социально-политических институтов.

Для Армении с ее монолитным в национальном и религиозном отношении населением так называемую «группу риска» составляет в основном молодежь. Из всех различных видов радикализма в Армении наиболее рисковым является политический радикализм, в особенности развитый в молодежной среде. Парламентские выборы 2017 г. и президентские выборы 2018 г. показали, что наше общество становится все более требовательным. Молодежь как более активная часть общества выражает свое недовольство уже посредством конкретных действий в

[1] Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3 : Н–С. с. 395-96.

[2] Философский энциклопедический словарь /Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская.Энциклопедия, 1983, с. 245.

виде акций протеста и т.д. Новое поколение, совершенно другое, вышло на политическую авансцену. Оно проявляет более активную гражданскую позицию. Общество начинает понимать, что до тех пор, пока оно не предпримет резких шагов, власть не отступит. Таким образом, постепенно идет эскалация протестного движения, поскольку в логике развития этого процесса – его радикализация.

С целью более подробного изучения распространенности радикалистких настроений в общественном сознании наших стран было решено провести социологическое исследование среди городского населения республики. Программа исследования предполагала сравнительное с белорусскими коллегами изучение проблемы радикализма. Совместно с ними была разработана общая методология и программа исследования в рамках совместного научного проекта «Социокультурные факторы и индикаторы современного радикализма: выявление рисков для Беларуси и Армении». Основная проблематика проекта исходила из того, что современные социально-культурные трансформации актуализируют радикальные тенденции и различные проявления националистических, шовинистических и расистских настроений, повышая риск дестабилизации общества. Исследование факторов и выявление индикаторов современного радикализма с использованием в том числе и эмпирических методов социологического исследования должно было способствовать отслеживанию общественных рисков в сфере межгосударственных, межличностных и межэтнических отношений и выявить наличие и степень выраженности радикальных установок, в том числе среди конкретных социально-демографических групп населения в различных населенных пунктах и городах.

Целью нашего проекта являлось осуществление комплексного теоретико-методологического и эмпирического исследования феномена современного радикализма с целью выявления и моделирования возможных негативных влияний и рисков для политической, социальной и этно-культурной ситуации в Армении и в Беларусии, а также выработки оптимальных стратегических программ и практических рекомендаций по их предупреждению и нейтрализации последствий.

Исследователи давно отмечали, что по основным показателям Армения вышла за пределы критического уровня, за которым реформы оказались несостоятельными. Как и во многих других постсоветских

странах, провозглашенное реформирование было практически сведено к беспрецедентному переделу собственности в Армении. Борьба за власть и собственность закончилась становлением не массового среднего класса, а малочисленной группы крупных собственников, в чьих руках сосредоточилась вся полнота экономической, финансовой и информационной власти. В результате образовалась новая финансово-промышленная элита, поставившая государство на службу своим групповым интересам. Борьба финансовых элит определила характер и содержание верхушечных переворотов в структурах власти, ставших источником социально-политической и духовной деградации человека и общества[3].

Объединение исследовательских усилий белорусских и армянских ученых при изучении проблемы радикализма и экстремизма позволило умножить полезный эффект от научной деятельности в деле гармонизации общественных отношений в наших странах. В рамках совместного белорусско-армянского научного исследования использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также формально-логический метод теоретического моделирования. Для всестороннего анализа белорусские и армянские ученые применили социологический метод количественного исследования, а именно стандартизированное интервью с использованием специально разработанной анкеты. При описании и анализе полученной информации были использованы математические методы линейного распределения данных и корелляционные таблицы. Белорусская сторона предоставила армянской стороне методологию проведения социологического исследования по выявлению индикаторов этнического радикализма, актуализировала сведения об институциональном опыте регулирования этно-культурных отношений в Республике Беларусь. Коллектив армянских ученых Института философии, социологии и права НАН Армении предоставил оригинальные методики социально-культурного и социально-политического анализа изучаемых процессов, создания и публикации научно-теоретических материалов, современную научную

[3] Погосян, Г.А. Армянское общество.Тенденции и риски радикализации / Г.А. Погосян // Социологический Альманах. – Минск: Беларуская навука, 2018. - № 9.- С.43-51.

литературу по изучаемой проблематике. Совместными усилиями был разработан весь необходимый для эмпирического исследования инструментарий.

Однако, в процессе реализации совместного проекта в Армении резко обострилась ситуация. В стране произошла «Бархатная революция», основными событиями которой стали мирные протесты в Армении и радикальные политические настроения, о которых предупреждали, в том числе, и участники совместного исследовательского проекта. В начале проекта, в октябре 2017 года, авторами было отмечено, что при всех кризисных явлениях в стране вполне возможны различного рода всплески радикальных настроений и акций. Это свидетельствует о том, что радикализация общества возможна по различным основаниям, в опыте Армении недовольство социально-экономическим положением вылилось в поддержку политических трансформаций в обществе. По мнению политологов, процесс радикализации армянского общества разворачивался уже давно. Это было связано с тем, что общество выдвигало определенные требования, имея некоторые ожидания от властей, а власть, в свою очередь, реагировала либо медленно, с опозданием, либо вообще не реагировала. И как правило, в таких случаях находятся социальные группы, идущие на более резкие шаги. В итоге, по оценкам многих исследователей и политологов, на начало 2018 г. Армения переживала сильный системный кризис, который охватил все сферы жизнедеятельности страны. Этот кризис был обусловлен курсом проводимых реформ и способствовал порождению в обществе социально-политического конфликта и обострению радикальных настроений. Ситуация коренным образом изменилась весной 2018 года.

В Армении после первого срока президентства Сержа Саркисяна имели место трагические события во время протестов, когда погибло несколько протестующих. Протестное движение возобновилось после очередного выдвижения кандидатуры С. Саркисяна правящей Республиканской партией на должность Премьер-министра Армении.

Сегодня Армения продолжает демократические перемены. В связи с происходившими событиями исследователями с армянской стороны производился замер уровня доверия граждан к различным социальным институтам в стране. Так, результаты исследования позволили ранжировать полученные оценки по уровню доверия со стороны

респондентов: от институтов с высоким уровнем доверия до институтов, деятельность которых вызывает неодобрение.

Анкетирование в рамках совместного исследования в Армении проходило в апреле-мае 2018 года, то есть в самый разгар серьезных политических трансформаций. Многие наблюдатели отмечали высокий уровень организации и сплоченности населения в дни «Бархатной революции», что говорит об осознанности действий многих пришедших на площадь. Выявление индикаторов радикальных настроений в обществе важен с точки зрения прогнозирования событий и анализа их динамики.

Таким образом, представители армянского исследовательского коллектива фактически предвосхитили события, запустив весьма актуальное эмпирическое исследование.

Над написанием коллективной монографии работали армянские и белорусские исследователи. В частности, автором Введения, Главы 1 и Заключения является доктор социологических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Республики Армения Г.А. Погосян. Автором Главы 2 является кандидат философских наук В.Г. Осипов. Автором Главы 3 является доктор социологических наук, профессор Ю.М. Бубнов, а авторами Главы 4 являются кандидат социологических наук И.В. Лашук и научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси М.И. Веренич.

ГЛАВА 1. ПРОЯВЛЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1.1 Теоретические основы изучения политического радикализма

В Новое время радикализм выступил под буржуазно-демократическими лозунгами, опираясь на доктрину «естественного права» и прогресс разума. Основные идеи английского радикализма формировались под влиянием утилитаризма и конкретизировались в требованиях ограничения королевской власти, в программах судебных реформ, реализации концепции общего блага и всеобщего избирательного права[4].

Несмотря на структурную и организационную слабость, европейский радикализм повсеместно выступал в роли идеологического и культурного фермента социальных преобразований. Так, в России радикальные реформаторы группировались вокруг журнала «Современник», вокруг инициаторов судебных, школьных и других реформ[5].

Политических экстремистов XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали как «заговорщиков по профессии», всегда стремящихся «...опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий»[6] .

В XX в. функции радикализма в значительной мере продолжали осуществлять социал-демократические, социалистические и другие левые, неолиберальные, а также современные неоконсервативные движения и партии. Для современного радикализма также характерны рассудочный догматизм и утопизм, нечувствительность к конкретной ситуации, склонность к «простым» решениям и крайним средствам[7] .

В новейшее время радикальные умонастроения чаще всего воспроизводит деклассированная и люмпенизированная интеллигентская среда[8].

---

[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 7, с. 287–288.
[7] Философский энциклопедический словарь Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: СоветскаяЭнциклопедия, 1983, с. 245.
[8] Там же.

В условиях государственного монополистического капитализма произошел значительный рост численности лиц умственного труда, сопряженный с ухудшением социального положения, падением престижа и «люмпенизацией» широких групп интеллигенции. Состояние всеобщей неуверенности и нестабильности создает благоприятную социально-психологическую почву для радикальных настроений, сопровождающихся соответствующими действиями[9].

Основаниями радикализма являются стремление угнетенных слоев населения изменить свое социально-политическое положение в обществе и различные интеллектуальные концепции, представители которых критически относятся к существующим политико-культурным отношениям и считают, что данная ситуация может быть изменена только при помощи политических и организационных действий[10].

Формы радикализма можно различать по степени активности его представителей. Умеренные радикалы стремятся к реформированию общества щадящими средствами с минимумом насилия. Революционеры пытаются осуществить глубокие преобразования всех общественных институтов на принципиально новой основе. Экстремисты настаивают на самых решительных способах достижения целей, вплоть до террора[11].

Классическое определение политического радикализма, или радикализма в политике – это социально-политические идеи и действия, направленные на кардинальные, решительные, «коренные» изменения существующих социально-политических институтов. Вместе с тем сам радикализм не связан непосредственно с какой-либо одной определенной идеологией – это всего лишь особого рода энергетическая политико-психологическая основа любой идейно-политической конструкции[12].

Политический радикализм играет дестабилизирующую роль в обществе. Особенно расширяются причины для радикализма в переходных обществах. Однако они неизбежно будут уменьшаться в процессе стабилизации общества. Радикализм может перерасти в экстремизм и терроризм – одни из

---

[9]Философский энциклопедический словарь /Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская Энциклопедия, 1983, с. 246.

[10] Национальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politike.ru/termin/radikalizm-politicheskii.html.–Дата доступа: 15.09.2017.

[11] Там же.

[12] Радикализм и экстремизм в политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.org/6- 44027.html. – Дата доступа: 15.09.2017.

крайних и чрезвычайно вредных для любого общества форм радикализма. Экстремизм является духовной, мировоззренческой сущностью терроризма[13].

Придание словам и действиям радикальных групп политического содержания превращает разнородные социальные образования в инструмент борьбы за власть. Вместе с тем естественная эскалация радикализма в ходе политической борьбы с неизбежностью формирует идеологию и практику допустимости любых насильственных средств. Именно по этому алгоритму из радикальной среды могут сначала выделиться экстремистские, а затем и террористические группы и организации[14].

Радикализм есть защитная реакция индивида (особенно молодого человека) на непонятные для него процессы, происходящие в обществе. Он желает решительно и мгновенно изменить хаотический, по его мнению, ход явлений и создать простой и ясный порядок вещей. Однако политическое оформление их в программы, лозунги и призывы и есть экстремизм, ибо последний хочет заменить многосложную, трудную и долгую работу по переустройству общества мощным и коротким действием. Именно поэтому радикализм и экстремизм выступают закономерными явлениями в демократическом обществе[15].

Не так давно, 7 апреля 2017 г., активисты, представляющие неправительственные организации (НПО) со всей Европы, встретились около Праги (Чехия) для объединенной сети конференций ***Rewind Radicalization: построение стратегий по борьбе с экстремизмом***[16]. Целью конференции было изучение тенденций, стоящих за повышением уровня радикализма в европейских странах, а также обеспечение платформы для разработки новых стратегий и методов противодействия экстремизму. Участники конференции отметили, что в течение последних нескольких лет рост уровня интереса к ультраправым идеологиям был

---

[13] Радикализм и экстремизм в политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.org/6- 44027.html. – Дата доступа: 15.09.2017.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Rewind Radicalization: Building up strategies against extremism : International UNITED Conference near Prague, 7–12 April 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unitedagainstracism.org/conferences/conference-archive/rewind-radicalisation. – Date of access: 28.04.2017.

заметен почти во всех европейских странах. Это было и в случае с референдумом в Великобритании (Brexit), и в связи с растущим притоком беженцев из Ближнего и Дальнего Востока. Такое опасное развитие приводит к еще более быстрой радикализации. К тому же, если радикальные объединения были запрещены в прошлом, то уже выросли новые группы, а Facebook сделал их создание легким для граждан с подобными радикальными мнениями. С его помощью они теперь легко могут объединяться и действовать вместе. Между тем, местные НПО, свободные группы и активные граждане, борющиеся против преступлений на почве ненависти, подвергаются нападению, иногда не только на словах, но и физически.

На заседаниях активисты приняли участие в дебатах на тему: «Является ли Европа радикализованной?». Участники дискуссии затронули огромный круг вопросов, в том числе относительно национальных выборов, происходящих по всей Европе, новейшей истории Европы и наличию связи между радикализмом и глобализацией. Они говорили о провале политики дерадикализации и мультикультурализма в европейских странах[17].

Социальные медиа играют ключевую роль в распространении расистских идей и крайне правой идеологии, они также открывают возможности для общения с теми, кто распространяет эти сообщения. Необходимо профессионально анализировать механизмы, концепции и терминологию социальных сетей и цифрового пространства. Нужно лучше понять, как социальные медиа используются для распространения расовой ненависти, чтобы разработать эффективные стратегии борьбы с ними. В конце участники конференции пришли к заключению, что необходимы широкие государственные меры, включая вовлечение молодежи в политическую повестку дня, обязательную политику для общественных работников и постоянную связь с организациями гражданского общества[18].

[17] Rewind Radicalization: Building up strategies against extremism : International UNITED Conference near Prague, 7–12 April 2017 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unitedagainstracism.org/conferences/conference-archive/rewind-radicalisation. – Date of access: 28.04.2017

[18] Там же.

Характерной чертой нового тысячелетия является экстремизм, особенно одна из его самых уродливых форм – терроризм. Принимаются декларации и резолюции, разрабатываются и имплементируются национальные, региональные и глобальные планы действий по борьбе с терроризмом и воинствующим экстремизмом. Борьба с этим явлением принимает затяжной характер и ведется с переменным успехом на фоне роста его масштабов, частоты и форм проявления, степени жестокости актов и неразборчивости в средствах.

Эти негативные явления не обошли стороной и постсоветское пространство, где "… культурно-цивилизационные процессы современности стали сопровождаться, в качестве побочного эффекта, ростом нетерпимости, терроризма, религиозного экстремизма, обострением межнациональных отношений и прочими негативными явлениями"[19].

Чтобы эффективнее бороться с воинствующим экстремизмом и особенно с таким его проявлением как терроризм, необходимо, прежде всего, выяснить причины, его порождающие, факторы, которые способствуют или препятствуют его возникновению и развитию, формам его проявления и т.д. Неслучайно поэтому в последние годы в повестку дня мирового сообщества встал вопрос о необходимости интенсифицировать исследования указанных феноменов с целью формирования более эффективной, последовательной и согласованной политики и действенных механизмов противодействия и предупреждения. Данный вопрос актуален и для ЕАЭС, где вследствие открытия друг для друга границ странами Союза, являющееся важнейшим фактором интеграции свободное перемещение рабочей силы "создает риски чрезмерного притока в страну … криминальных и экстремистских элементов под видом рабочей силы, к появлению новых нетрадиционных угроз безопасности для государств-членов"[20].

Экспертное изучение выявило, что благоприятной средой для возникновения и укоренения экстремистских настроений являются главным образом политические, социальные, экономические,

---

[19] *Абдина А.К.* О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана // Социологический Альманах. Минск, 2012. Вып. 3, с.164.

[20] *Осадчая Г.И.* Евразийский Экономический Союз: Первые итоги интеграционных процессов // Социологический Альманах. Минск, 2017. Вып. 8, с. 58.

религиозные (конфессиональные) и межэтнические противоречия и тем более конфликты или даже нарастающие напряженность и раскол в социуме по данным параметрам, что может привести к конфликтам. Также было установлено, что важнейшей предпосылкой для возникновения и распространения экстремизма, его идеологической и эмоциональной базой является радикализм. Именно тот или иной конкретный тип радикализма формирует специфическую модель экстремистских взглядов и практик, структурирует и подпитывает их.

Сегодня фактически отсутствуют единая интерпретация и согласованные дефиниции, не разработана методологическая база исследования комплекса явлений, покрываемых терминами (концептами) “радикализм”, “экстремизм” и "терроризм". Так, Реми Кросс и Дейвид Сноу отмечают, что “социологические представления о радикализме и радикалах часто были неопределенными и нечеткими… Эта концептуальная двусмысленность частично объясняется тем фактом, что радикализм и радикалы часто определяются в зависимости от контекста”[21]. В разных странах и в разные периоды времени данные понятия могут наполняться различным содержанием, восприниматься и трактоваться по-разному. Ряд исследователей придерживается той точки зрения, что радикализм “означает способ мышления и связанную с ним модель поведения, для которых характерны: фундаментализм…, утопизм…, революционизм”[22]. Как уже отмечалось выше термин “радикализм” (от латинского radicalis – коренной) означает буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений в любой деятельности[23].

На наш взгляд, радикализм характеризуется абсолютизацией *“простых” решений* для сложных и многогранных социальных, политических, экономических, межэтнических, религиозных, экологических и иных проблем, оправданием и идеализацией *насилия* как “эффективного” средства прямого и незамедлительного действия,

---

[21] *Cross R., Snow D.A.* Radicalism within the Context of Social Movements: Processes and Types // Journal of Strategic Security. 2012. Vol. 4. № 4. p. 116.

[22] *Самойлов С.Ф., Плотников В.В.* Концептуализация понятий социального и политического радикализма и экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30), с. 258.

[23] Новая философская энциклопедия (В четырех томах). М.: Мысль, 2010. С. 395-396. см.также http://ponjatija.ru/node/9943

иллюзорной надеждой тем самым преодолеть социальную и политическую беспомощность, отсутствием толерантности и готовности к диалогу и компромиссам.

В современной политологии превалирует точка зрения, согласно которой радикализм и экстремизм – это два разных явления. Широкое распространение получило представление о том, что радикализм отличается от экстремизма тем, что он проявляется в сфере идей, тогда как экстремизм – в сфере действий: "… «(Р)адикализм» как идеологию, как систему определенных политических взглядов недопустимо смешивать с «крайними», экстремистскими формами политических практик. … (Э)кстремизм нацелен прежде всего на действие. Радикализм же – это скорее обдуманные мысли по изменению чего-либо, которые, скорее всего, поддерживает общество, но не поддерживает власть"[24]. В Резолюции Европейского парламента от 25 ноября 2015 года о предотвращении радикализации и вербовки европейских граждан террористическими организациями сказано: "…(Р)адикализация стала термином, используемым для описания явления приобретения людьми нетолерантных мнений, взглядов и идей, которые могут привести к насильственному экстремизму" [25].

Действительно, все больше исследователей и политиков-практиков, включая государственных деятелей, склоняются к интерпретации экстремизма исключительно как *совокупности определенных действий*. Тем самым, идеи, взгляды и их распространение не подпадают под данную интерпретацию экстремизма и относятся – открыто или по умолчанию – к радикализму. Так, в "Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом" приводится именно такое определение понятия экстремизм: "…«(Э)кстремизм» – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват … или … удержание

[24] *Бенько Л.А., Должиков В.А.* Радикализм как "угроза" национальной безопасности в современной Российской Федерации // Известия Алтайского гос.университета, 2012. № 4 (76). Том 1, с. 236.

[25] European Parliament Resolution of 25 November 2015 on the prevention of radicalization and recruitment of European citizens by terrorist organizations (2015/2063(INI): adopted in Strasbourg on 25.11.2015).
URL:http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2015-0410+0+DOC+XML+V0//EN (Дата обращения: 17.09.2017), пункт В.

власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон"[26] [статья 1.3].

Из этого не следует, однако, что радикализм это только радикальные идеи и представления. Он может включать в себя и радикальную деятельность. По мнению некоторых исследователей такая деятельность может быть двух видов: - не связанная с применением политического насилия (акции протеста, несанкционированные пикеты, перекрытия автодорог и т.п.) – и деятельность, в основе которой лежит применение насилия в различных видах (терроризм, геноцид, массовые репрессии и т.д.)[27]. Следует отметить, что опасность радикализма заключается еще и в том, что он может порождать ответный радикализм, усиливая спираль конфронтации, недоверия и противоборства.

Формы радикализма можно различать по степени активности его представителей. Умеренные радикалы стремятся к реформированию общества щадящими средствами с минимумом насилия. Революционеры пытаются осуществить глубокие преобразования всех общественных институтов на принципиально новой основе. Экстремисты настаивают на самых решительных способах достижения целей, вплоть до террора[28] .

Терроризм – это практика террора, использование насилия и устрашения. В Преамбуле к Конвенции Совета Европы 2005 года о предупреждении терроризма подчеркивается, что "… по своему характеру или смыслу акты терроризма имеют целью устрашение населения или противоправное принуждение того или иного правительства или той или

[26] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Подписана 15 июня 2001 года в Шанхае Президентами Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан и Председателем Китайской Народной Республики). URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168301&subID=100064359 (Дата обращения 17.09.2017).

[27] *Арчаков М.К.* Политический радикализм: проблема концептуального осмысления" // Вестник Амурского гос.университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 50, с. 72.

[28] Радикализм политический // Национальная политическая энциклопедия. URL: http://politike.ru/termin/radikalizm-politicheskii.html (Дата обращения 15.09.2017).

иной международной организации к совершению или несовершению каких-либо действий или серьезную дестабилизацию или разрушение основополагающих политических, конституционных, экономических или социальных структур той или иной страны или международной организации.”[29]. Именно на этих характеристиках заостряют внимание многие национальные законы о борьбе с терроризмом. В статье 5 “Закона Республики Армения о борьбе с терроризмом” террористическая акция определяется как “непосредственное совершение преступления террористического характера посредством взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывчатых элементов, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, сильнодействующих веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальной, этнической, религиозной или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, влекущих человеческие жертвы, причинение значительного имущественного ущерба или общественно-опасные последствия.”[30]. А статья 217 Уголовного Кодекса РА гласит: “Терроризм - это действие, которое направлено на причинение смерти или тяжких телесных повреждений, или угроза их причинения гражданскому лицу или лицу, не участвующему активно в боевых действиях при вооруженном столкновении в случае, если целью данного действия по своему характеру или свойству является террор населения, или воздействие на принятие решения, или совершение действия или воздержания от этого государственного органа или международной организации или должностного лица, а также любое другое

[29] Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) URL: http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-soveta-evropy-o.html (Дата обращения 17.09.2017).

[30] Закон Республики Армения о борьбе с терроризмом (Принят 22 марта 2005 г.). URL:http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2282&lang=rus (Дата обращения 17.09.2017). http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2282&lang=rus (Дата обращения 17.09.2017).

предусмотренное международными договорами Республики Армения действие, считающееся терроризмом…"[31].

В международно-правовой сфере, однако, до сих пор нет определения терроризма. В нескольких принятых международных Конвенциях содержатся рабочие определения конкретных видов противоправных действий, на борьбу с которыми направлены эти международно-правовые документы[32], но нет ни одного определения терроризма, террористов или террористических актов. Не содержится определения и в Европейской конвенции 1977 года о пресечении терроризма и в Конвенции Совета Европы 2005 года о предупреждении терроризма.

Источниками радикализма являются не только неблагоприятная социально-экономическая и политическая среда, но и мировоззренческие и идеологические представления, техногенные и экологические угрозы, духовные факторы, социально-психологические установки и характеристики личности, интернализованные модели поведения и т.д. Реальный или иллюзорный рост социальной несправедливости и неравенства, расширение масштабов бедности, безработицы и коррупции, демонтаж системы социальных гарантий, правовая незащищенность личности и собственности, отказ от демократических преобразований и усиление авторитарных тенденций, слабое правовое государство и гражданское общество, дезинтеграция традиционной системы ценностей, латентные и эксплицитные нормативные конфликты, отсутствие доступа к эффективным политическим и образовательным институтам и многое другое являются объективными факторами, генерирующими и укрепляющими радикализм и экстремизм.

Радикализм порождается и невозможностью изменить существующее положение дел демократическими методами, отсутствием каналов для

---

[31] Уголовный Кодекс Республики Армения (принят 29.04.2003 г.)., статья 217. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show (Дата обращения 15.08.2017).

[32] Международная конвенция 1997 г. о борьбе с бомбовым терроризмом. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml. Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml. Международная конвенция 2005 г. о борьбе с актами ядерного терроризма. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml. (Дата обращения 17.09.2017).

выражения недовольства и нежеланием государственных структур и политических акторов и контрагентов учесть высказанное недовольство. Неспособность властвующих элит эффективно решать назревшие в обществе проблемы, найти пути выхода из затяжных кризисов и назревающих или обостряющихся конфликтов тоже является фактором, способствующим радикализации недовольных социальных групп, слоев или отдельных лиц.

Очевидно, что основу для появления радикализма составляет недовольство эффективностью политико-управленческого аппарата государства, но это не может объяснить довольно широкого распространения радикализма. "Катализатором является отсутствие выбора для реализации своих возможностей и исправления «недочетов» в своей жизни, отсутствие государственного заказа на воспитание молодежи, сужение пространства личностного выбора из-за направленности социальных практик на выживание и удовлетворение материальных потребностей"[33] .

Протестной активности способствует возрастающая неудовлетворенность существующим социально-экономическим положением и неопределенностью своего будущего. "Радикализму свойственно единение личности с аргументацией непосредственных действий, которые рассматриваются как служение идее с готовностью идти на самые разрушительные действия, что представляет реальную угрозу обществу"[34].

Источником радикальных настроений выступает и ксенофобия - явление, которое воспринимает этническую, религиозную и даже социальную инаковость как угрозу, что пробуждает страх и ненависть и реакцию в виде нетерпимости, отторжения или отчуждения. Особую опасность представляют экстремистские формы ее проявления. По мнению И. Н. Харитонова, эти формы "включают приверженность крайним взглядам, призывающим к радикальным нетолерантным поступкам, дискриминации, сегрегации и депортации, расизму, фашизму

[33] *Полтавская Ю.Н.* Радикализм и экстремизм в современной России: политические смыслы // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 2, с. 106.

[34] *Круглов А.Е.* Молодёжный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества. Саратов: СГСЭУ, 2006. с. 12.

и насилию, групповое и индивидуальное поведение, реализующие данные взгляды"[35].

Одним из факторов, которые "подогревают" и поддерживают экстремизм, является нелегитимное и незаконное использование насилия государственными структурами, нарушение фундаментальных прав и свобод человека в отношении лиц и групп, которые подозреваются и/или обвиняются в совершении актов терроризма, принадлежности к запрещенным экстремистским организациям и т.д. Об этом факторе заговорили недавно и в основном косвенно. Так, Европейский парламент в Резолюции от 25 ноября 2015 года о предотвращении радикализации и вербовки европейских граждан террористическими организациями заявляет: "…(Д)олжен быть обеспечен правильный баланс между общественной безопасностью и уважением фундаментальных прав, включая право на безопасность, неприкосновенность частной жизни и на свободу выражения своего мнения, на свободу религии и ассоциаций"[36] [пункт N].

Генеральный Секретарь ООН в своем докладе "План действий по предупреждению воинствующего экстремизма" (декабрь 2015г.) непосредственно обращается к правительствам с призывом в своих усилиях по борьбе с воинствующим экстремизмом соблюдать законность и действовать в соответствии со своими обязательствами по международному праву в области прав человека, а также, в соответствующих случаях, с нормами международного гуманитарного права. "Некоторые права не должны нарушаться даже во время введения в государстве чрезвычайного положения, при котором существование нации находится под угрозой"[37]. К сожалению, нередко эти правильные заявления носят декларативный характер, поскольку конкретные факты не упоминаются и виновные не указываются. А ведь хорошо известно, что в борьбе с настоящими или предполагаемыми террористами даже

[35] *Харитонов И.Н.* Кризис политики мультикультурализма и ксенофобия в странах Европы // Социологический Альманах. Минск. 2012. Вып. 3, с. 187.

[36] European Parliament Resolution of 25 November 2015 on the prevention of radicalisation and recruitment of European citizens by terrorist organisations (2015/2063(INI): adopted in Strasbourg on 25.11.2015). URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//ep//text+ta+p8-ta-2015-0410+0+doc+xml+v0//en (Дата обращения: 17.09.2017).

[37] План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Доклад Генерального секретаря ООН. Декабрь 2015 г. Документ ООН A/70/674, с. 7-8.

демократические страны иногда не соблюдают международно-правовые нормы и требования национального законодательства. В качестве примера можно привести расследования по проблемам существования тайных тюрем ЦРУ в Восточной Европе, тюрьмы Гуантанамо, использование диктаторских режимов на Ближнем Востоке, применения пыток и т.д. Можно отметить и недавние события в Армении, когда ряд СМИ и адвокаты публично утверждали о том, что подсудимые по делу группы "Сасна црер" подвергались насилию и пыткам как в местах лишения свободы, так и в здании суда.

Иначе говоря, государственные структуры сами нарушают закон, создают прецеденты неуважения к верховенству закона, к неотчуждаемым правам человека и т.д. и тем самым содействуют распространению и укоренению радикальных взглядов о том, что решение любых вопросов, конфликтов и т.д. лежит вне плоскости права и законности. Это, вероятно, самый важный момент. Ведь нарушения совершаются представителями правоохранительных органов, уполномоченных государственных структур, которые должны стоять на страже закона. Именно это порождает и подпитывает правовой нигилизм и т.д., что является питательной средой для распространения радикальных и экстремистских представлений и идей.

Как справедливо замечает российский исследователь А. Е. Круглов, «на фоне трансформации практически всех политических институтов происходит изменение соотношения личных и общественных интересов со значительным преобладанием личных. В процессе социализации стали усиливаться стихийные процессы, изменилась ценностная ориентация молодежи, что, в конечном счете, приводит к усилению протестной активности»[38].

Протестной активности способствует возрастающая неудовлетворенность существующим социально-экономическим положением и неопределенностью своего будущего. Именно такое положение приводит к возникновению радикализма. «Радикализму свойственно единение личности с аргументацией непосредственных действий, которые рассматриваются как служение идее с

[38] *Круглов, А. Е.* Отечество как цель, ценность воспитания молодежи / А. Е. Круглов, Н. Н. Седова // Воспитательная работа: проблемы реформирования : материалы «круглого стола». – Волгоград, 2000, с. 32–35.

готовностью идти на самые разрушительные действия, что представляет реальную угрозу обществу»[39].

В свое время акции протеста против подорожания электроэнергии в Ереване и в других городах республики вызвали международный резонанс. При этом было очевидно, что многие эксперты явно затрудняются давать адекватные оценки. Действительно, акции протеста против подорожания электроэнергии вызвали всеобщий интерес, и комментариев, мнений было много, равно как и разных подходов к происходящему. Искали в событиях то руку Кремля, то происки американцев, то еще что-то. Но еще несколько лет назад, 2013 году мы отмечали, что на авансцену в Армении выходит новое поколение. Так в интервью под названием «Протесты в Ереване: общество трансформируется, а власти должны успевать за ним», данном информационному агенству *ИА REGNUM* от **29 июля 2013 г**. мы отмечали, что активное участие молодежи в акциях протеста против подорожания проезда в общественном транспорте свидетельствует о том, что в Армении постепенно «поднимает голову» поколение, не жившее при СССР, мыслящее более непринужденно и свободно. Акции протеста и успехи гражданских активистов свидетельствуют о том, что армянское общество трансформируется. Активизируется молодежь, которая не жила при социализме, лишена многих комплексов и мыслит свободно. Она активно пользуется интернетом и возможностями социальных сетей для самоорганизации. Она показала, что готова бороться за свои права, за свой город и добиться успеха. Таким образом, в обществе формируется прослойка, которая выражает свой протест конкретными действиями внутри страны, вместо того, чтобы паковать чемоданы и эмигрировать, как поступают многие представители старшего поколения.

Пока что спектр тем протеста молодёжи узок: как правило, туда входят социальные и экологические проблемы города. Однако это только начало процесса и со временем охват проблем протестующей части общества расширится. Это своеобразный вызов и мессидж для властей, которые должны успевать за трансформацией общества. Они больше не могут

---

[39] *Круглов, А. Е.*Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества : дис. д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. Е. Круглов. – Саратов, 2006, с. 353.

игнорировать общественное мнение, поскольку могут столкнуться с протестной реакцией того же общества, как было в случае с решением мэра столицы по повышению тарифов на проезд в общественном транспорте.

Между тем условиях 35%-ой бедности и апатичности армянского общества, гражданская активность также имеет свои пределы. В бедных обществах люди мало подвержены стимулам СМИ и не проявляют особого интереса к гражданским идеям. Прежде всего их интересует решение острых социальных проблем. Помимо этого есть и естественные границы: в трёхмиллионном обществе насчитывается 300 тыс. подростков, 550 тыс. пенсионеров и порядка 600 тыс. домохозяек. Эта масса пассивна и не особо интересуется гражданскими акциями. Естественно, в этих условиях возможности распространения гражданской активности достаточно ограничены. Однако, тем не менее, активная молодежь может сыграть роль локомотива общества, встряхнуть другие слои и втянуть в процесс также и старшее поколение.

Мы тогда говорили и о том, что общество сидит на мине замедленного действия, и если социально-экономическая, психологическая, нравственная атмосфера в стране не начнет меняться к лучшему, а позиция власти не изменится, то социальных взрывов не миновать. Так, в частности, в интервью, данном агенству *АрмИнфо* от **5 марта 2014 г**. под названием «Армения сидит на мине замедленного действия, готовой взорваться в любой момент», я отмечал что, когда власть уверена, что одним только большинством кнопок можешь продавить любой законопроект в Парламенте, то она не утруждает себя излишними рассуждениями о возможных последствиях. В этом заключается вся пагубность монопартийной системы – отсутствие политической конкуренции, отсутствие системы сдержек и противовесов, которые и порождают подобные уродливые законопроекты, соглашения и решения.

Гражданские движения все чаще и активнее дают о себе знать, даже в чем-то вытесняя системную оппозицию. Гражданские инициативы, конечно, являются независимыми от партий образованиями. Более того, представители гражданского сектора устали от различных партийных движений, деятелей, как оппозиционных, так и провластных. Они не хотят иметь с ними дело, и мы это видели, например, в ходе зимних акций протеста против газовых соглашений, когда гражданские активисты

потребовали от вышедших им навстречу оппозиционных депутатов сложить свои мандаты. Кроме того, гражданские движения, в отличие от оппозиционных партий, не ставят цели прийти к власти. Их протест направлен против конкретных действий и решений правительства. Оппозиция, конечно, хочет оседлать эту гражданскую активность, использовать ее в своих целях, но, думаю, им это не удастся. У этого антагонизма между партиями и гражданским обществом есть глубокие корни, существует недоверие между ними.

События в Украине серьезно насторожили власти как в России, так и в Армении. Это стихийные движения, действующие независимо от тех или иных партий. Они способны смести все и вся, и думаю, что события на Майдане должны чему-то научить руководство нашей страны, вынудить его действовать в интересах простых граждан. Власти должны создать широкую коалицию с оппозицией и остальным обществом, вести с ними диалог, в противном случае мы рискуем столкнуться с угрозой дестабилизации. Народ ни в коем случае нельзя доводить до отчаяния, ведь если чаша терпения граждан будет переполнена, то здесь уже ни наличие карабахского конфликта, ни остальные внешние угрозы не смогут помешать этому бунту. Эта аргументация всегда служила сдерживающим фактором, но ситуация меняется. Наш народ постепенно выходит из апатии, я как социолог с уверенностью могу сказать, что Армения сидит на мине замедленного действия, готовой взорваться в любой момент. Общественное недовольство нарастает с каждым часом, оно достигло критической отметки, и власти должны понять всю опасность обстановки. Мы перешли все границы, и в этом усматривается угроза неуправляемого бунта, который ни власть, ни оппозиция не смогут обуздать.

Сегодня уже в реальности наблюдается то, о чем говорили несколько лет назад социологи. Мы видим, как на первый план выходит новое поколение. Это первое поколение «несоветских» молодых людей, родившихся и выросших в независимой Армении. Сегодня им по 22–23 года. Это другие армяне, и они будут строить другую Армению.

Однако в акциях протеста и на митингах присутствовали и представители старшего поколения. Но активность и инициатива исходили от молодых людей – нового поколения независимой Армении. Между тем, здесь очень важно понять, как к этому относится общество.

Многие восприняли происходящее с воодушевлением, даже с некоторой долей эйфории – вот, мол, какая у нас замечательная молодежь, какие они грамотные, организованные, улицы подметают за собой после демонстрации. Многие восхищались, и это совсем неплохо. Но проблема в том, что любое социальное противостояние, гражданское неповиновение имеет свою внутреннюю логику развития. Мы должны смотреть немного вперед – что может быть дальше? А дальше может быть хуже. Потому что радикализация – самая привычная логика развития социального противостояния. Не хотелось бы видеть, как через пару лет мы стали бы свидетелями того, как на улицах Еревана поджигают автомобили, громят витрины магазинов и грабят их содержимое. А такое возможно. Собирая митинги, акции протеста, общественность выражает протест. Правительство при условии, что оно достаточно мудрое, пытается войти в диалог, найти решение проблемы, пойти на компромисс. Но мы прекрасно понимаем, что все требования масс невозможно удовлетворить. Понятно, что правительство не может этого сделать – в итоге зарождается тенденция к обострению конфронтации. В чем-то правительство пойдет на уступки, в чем-то – нет. И общественность начнет предпринимать еще более резкие шаги, чтобы обратить внимание на свои требования. Так, например, когда митингующие увидели, что реакция властей слабая, решили идти на более резкие шаги – перекрыли одну из главных артерий столицы – проспект имени маршала Баграмяна. Завтра и этого им может быть мало. В данной ситуации плохой сценарий очень возможен. Потому что это вписывается в логику развития противостояния. Поскольку не все требования можно удовлетворить, идет радикализация процесса[40].

Когда власть применила силу для разгона акции протеста методами, которые полностью соответствовали нормам поведения полицейских сил на Западе, в Европе, на следующий день еще больше людей вышло на улицу. То есть радикализация процесса уже пошла. И хорошо, что полицейские отступили.

Все началось как чисто социальный протест. Но ведь всегда находятся силы, которые хотят «оседлать» его. Не секрет, что в определенный момент начали проскальзывать антироссийские мотивы. Одни используют процесс, чтобы направить его против России, другие

[40] Погосян, Г. Другая Армения // Голос Армении.– 2015 г., 7-е августа.

пытаются внушить, что он инспирируется Западом. Причем и те, и другие, возможно, имеют основания так считать. Об откровенно антироссийском векторе трудно говорить, но вот русофобский элемент, безусловно, игнорировать нельзя. И это, конечно, упущение российских и армянских властей. В конце концов, в армянском обществе немало людей евро-ориентированных. И наши либералы-западники никуда не испарились и хотят использовать протестное движение для достижения своих целей.

С другой стороны, когда вдруг западные политики, представители иностранных посольств в Армении приветствуют протестное гражданское движение в стране, призывают власти не притеснять демонстрантов, разве это не выглядит, мягко говоря, заинтересованным вмешательством? Ведь не так давно в Армении было аналогичное движение, направленное против пенсионной реформы. Но тогда никто – ни американское посольство, ни какое-либо другое - не призывал армянские власти не обижать манифестантов. Тогда почему-то гражданская активность не приветствовалась. Ответ очевиден: в этом случае протест был направлен в том числе и против российской компании, а в контексте пенсионной реформы фигурировали западные фирмы, которые эту самую реформу в Армении активно проталкивали. Словом, нюансов много, и все они вплетены в драматургию текущего процесса.

Сегодня меняется очень многое, причем меняется и в контексте глобального мирового развития, и мы не можем держаться в стороне от этих перемен. Во всем мире идет радикализация отношений и процессов, резкая дифференциация на пресловутый «золотой миллиард» и нищенствующую остальную часть населения планеты. Потому что дело не только в подорожании энерготарифов. Недовольство созрело давно и в определенный момент оно достигло пика.

Все проблемы сразу ни одно правительство не может решить. Даже если отменят один или два налога – разве тем самым можно будет победить бедность в стране, можно будет решить проблему коррупции, чудовищной социальной поляризации в обществе? У нас так много социально-экономических проблем, что социальные взрывы время от времени будут происходить. И каждый раз власти принимают временные меры, которые проблему во всей ее глубине не решают – они ее отодвигают, камуфлируют.

Как показывали наши социологические опросы, людей больше всего волновали социально-экономическое положение семьи, общества и страны в целом. Так, 20 декабря 2014 года в газете «Голос Армении» мы отмечали, что результаты наших соцопросов фиксируют изменения, касающиеся взглядов населения на будущее. Как правило, люди сегодня склонны планировать свою жизнь только на короткие сроки. Мало кто планирует на 10-15 лет вперед. Сегодня планирование сократилось до ближайших 2-3 лет. То же самое касается вопросов относительно планирования бизнеса. По результатам исследований мы видим, что ставка делается не на долгосрочное планирование, а на полгода, максимум год. Человек вложил деньги в бизнес и стремится как можно скорее вернуть их с процентами. А чтобы мыслить долгосрочными категориями, такого, увы, нет. И суть здесь не только в угрозе войны, но и в экономической блокаде, которая сказывается и на бизнесе, и на социально-психологической атмосфере в обществе, и даже на атмосфере в рамках отдельно взятой семьи. Мы входим в некий исторический период, который можно назвать **зоной турбулентности**. Во время авиаполетов в таких случаях экипаж объявляет, чтобы все пристегнули ремни, не волновались и перестали делать лишние передвижения по салону. Думаю, что нам всем - и «экипажу» и «пассажирам» нашего государства - тоже надо бы сплотить ряды, укрепить наше национальное единство, не поддаваться паническим настроениям. Любые попытки раскола в такой ситуации чреваты необратимыми историческими потерями[41].

К сожалению, в Армении правит олигархический менеджмент, обслуживающий в основном интересы крупного имущего класса. И понятно, что это вызывает недовольство всех остальных слоев населения, которых в разы больше.

Мы стоим на пороге серьезных событий, развитие которых пока видится в негативном плане. И в этой ситуации нужны люди, способные предлагать новые идеи, модели. Молодые ребята, ставшие инициаторами недавних акций протеста, делают большое дело, но они просто активно работают, а должны быть новые идеи, предложения. Нужно пробудить в армянском социуме креативную составляющую. Она есть, она была

[41] Погосян Г.А., Зона турбулентности, «Социологический демоскоп. Армения в зеркале общественного мнения», Том 2-ой, Ереван, 2016, с. 670-675.

всегда. У наших властей есть еще возможность последовательными верными шагами заработать кредит доверия населения.

Другое дело, пойдет ли власть на это. Кредит доверия населения власти не очень нужен, пока власть от этого населения не очень зависит. Истекшие 25 лет по пути демократического развития убедили в том, что выборы не действуют там, где они по определению не могут действовать. Не работает выборный механизм, потому и не меняется власть. Она умнее, хитрее, она приспосабливается, она пускает в ход различные механизмы воздействия на избирателей.

События июля 2016 г. показали, что несбывшиеся ожидания от властей привели к радикализации общества Армении. На протяжении целых шести дней вооруженная группа удерживала заложников в захваченном здании одного из полков патрульно-постовой службы полиции Еревана. Затянувшееся разрешение этой кризисной ситуации привело тогда к дальнейшему нагнетанию обстановки и росту радикальных настроений. Несколько дней сотни людей, граждан столицы устраивали акции протеста на территории захваченного здания ППС, требуя от властей отказаться от силового решения проблемы. В ночь на четверг, 7 июля 2016 г. произошли столкновения митингующих с полицией, в результате которых пострадали более полусотни человек[42].

Пока власти молчали, нашлись люди, взявшие инициативу в свои руки. В сложившейся ситуации, воспользовавшись расколом в обществе, вполне могла вмешаться третья сторона или внешние силы. Внимательное наблюдение за ситуацией и поведением демонстрантов подсказывало, что среди собравшейся толпы можно было найти кого угодно. Это была довольно разношерстная публика – от людей, искренне возмущенных событиями, до явных подстрекателей и провокаторов.

Процесс радикализации армянского общества шел давно. Это было связано с тем, что общество выдвигало определенные требования, имея некоторые ожидания от властей, а власть, в свою очередь, как всегда реагировала либо медленно, с опозданием, либо вообще не реагировала. И, как правило, в таких случаях находятся социальные группы, идущие на

[42] Несбывшиеся ожидания от властей привели к радикализации общества Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2160232.html.– Дата доступа: 15.09.2017.

более резкие шаги. Власти в любом случае должны были найти разумное решение, чтобы предотвратить кровопролитие. Разрешить ситуацию по определению должна власть, и для этого у нее имеются специальные силы, методы и техника.

Между тем всем хотелось бы видеть мирное разрешение создавшейся ситуации. Сама собой ситуация никогда не рассосется, как правило, здесь необходимы реальные и четкие шаги. Но этим должны заниматься власти, поскольку они отвечают за ситуацию в стране.

Успешно бороться с радикализмом и экстремизмом можно только укореняя толерантность, поддерживая межкультурный, межрелигиозный (или межконфессиональный) и межнациональный диалог в обществе. Нельзя не согласиться и с мнением Генерального Секретаря ООН, который в уже упоминавшемся докладе заявил, что "создание открытого, справедливого, инклюзивного и плюралистического общества, основанного на полном уважении прав человека и обеспечивающего экономические возможности для всех, представляет собой наиболее весомую и реальную альтернативу воинствующему экстремизму и наиболее перспективную стратегию, направленную на то, чтобы лишить его привлекательности"[43].

Необходимо отметить, однако, что в современном демократическом, правовом государстве защита прав, свобод и законных интересов личности не должна противопоставляться защите основ конституционного строя, безопасности государства и общества в целом. Именно поэтому во многих странах, в том числе и в Республике Армения, запрещается использование основных прав и свобод в целях насильственного свержения конституционного строя, разжигания национальной, расовой, религиозной ненависти, пропаганды насилия или войны[44] [статья 77].

Питательной средой для радикализма и экстремизма служат разочарование и чувство беспомощности, которые приводqт к отчуждению от политических институтов и процессов. Для преодоления

[43] План действий по предупреждению воинствующего экстремизма. Доклад Генерального секретаря ООН. Декабрь 2015 г. Документ ООН A/70/674, с 4.
[44] Конституция Республики Армения (принята 06.12.2015).
URL: http://www.president.am/ru/constitution-2015 (Дата обращения: 12.06.2017).

этих чувств и отчуждения очень важна демократическая политическая культура – культура демократического, позитивного, конструктивного гражданского участия.

Только *комплексный подход*, сочетающий исследования идеологии и практики радикализма, экстремизма и терроризма с проведением информационно-образовательных кампаний, социальных, экономических и политических реформ с целью дальнейшей демократизации и либерализации всех сфер жизни общества, повышения уровня и качества жизни, расширения прав и возможностей всех социальных слоев, особенно обездоленных и маргинализованных групп, обеспечения равноправного межконфессионального и межнационального диалога, объединение усилий на региональном и глобальном уровне, даст реальный шанс на победу в борьбе с этими уродливыми проявлениями социального зла.

* * *

Из всего сказанного выше можно извлечь три урока и сделать три судьбоносных вывода. Первый вывод: новое поколение, совершенно другое, вступило на политическую авансцену. Второй вывод: не стоит особо умиляться тому, что происходит в протестном движении, поскольку в логике развития этого процесса – его радикализация. И третий вывод: во взаимоотношения между властью и обществом привнесена новая культура. Это та модель, при которой общество начинает понимать, что до тех пор, пока оно не предпримет резких шагов, власть не отступит. Для властей это, конечно, плохо. Потому что ресурс отступления будет все меньше и меньше. И это уже новая реальность.

С целью более подробного изучения распространенности радикалистких настроений в общественном сознании нашей страны, было решено провести социологическое исследование среди городского населения республики. И поскольку программа исследования предполагала сравнительное с белорусскими коллегами изучение проблемы радикализма, мы вместе с ними разработали общую методологию и программу исследования в рамках совместного научного проекта «Социокультурные факторы и индикаторы современного радикализма: выявление рисков для Беларуси и Армении». Основная проблематика проекта исходила из того, что современные социально-культурные

трансформации актуализируют радикальные тенденции и различные проявление националистических, шовинистических и расистских настроений, повышая риск дестабилизации общества. Исследование факторов и выявление индикаторов современного радикализма с использованием в том числе и эмпирических методов, социологического мониторинга должно способствосать отслеживаию общественных рисков в сфере межгосударственных, межличностных и межэтнических отношений и выявить наличие и степень выраженности радикальных установок в том числе среди конкретных социально-демографических групп населения в различных населенных пунктах и городах.

Целью данного проекта являлось осуществление комплексного теоретико-методологического и эмпирического исследования феномена современного радикализма с целью выявления и моделирования возможных негативных влияний и рисков для политической, социальной и этно-культурной ситуации в Армении и в Беларуси, а также выработки оптимальных стратегических программ и практических рекомендаций по их предупреждению и нейтрализации последствий.

Поскольку новизна проекта состояла в теоретическом исследовании факторов и выявлении социологических индикаторов радикализма, то была предпринята попытка получения достоверных данных, характеризующих уровень общественно-значимых рисков проявления радикализма в наших странах, что в свою очередь могло позволить конструировать государственную социальную политику и учитывать их в деятельности различных государственных органов, общественных структурах, в том числе для Республики Армения: Министерства юстиции, Министерства культуры, Министерства образования и науки, Министерства диаспоры, Отдела по вопросам религии и национальных меньшинств Правительста РА, а для Республики Беларусь: Министерства информации, Министерства культуры, Министерства образования, Аппарата уполномоченного по делам религии и национальностей, Республиканского центра национальных культур, Белорусского общества дружбы и культурных связей.

В целом, научная идея проекта состояла в рассмотрении проблемы современного радикализма с использованием метода социологического мониторинга с применением оригинальных индикаторов. Для этого были использованы разработанные нами социологические индикаторы

радикализма с дифференциацией по формам и степени выраженности как в целом по стране, так и по различным социальным группам населения наших стран.

Наряду с теоретическим изучением проблематики предполагалось применить метод социологического изучения и мониторинга, который широко и успешно применяется в ряде случаев в глобальном масштабе в «страновых» исследованиях для выявления и обозначения самых разных социально значимых проблем. В прикладном аспекте, в качестве новации мы предложили, в частности, адаптировать и использовать разработанные социологические индикаторы различных форм и уровней этнического радикализма, апробированные и изложенные Ю.М. Бубновым в статье: «Социологический метод индикации этнического радикализма»[45].

Комплексное исследование феномена современного радикализма возможно в симбиозе теоретических и эмпирических методов исследования. При всей актуальности проблематики темы проекта следует отметить полемичность и фрагментарность исследований современного радикализма, операционально связанного с понятиями этнокультурный и религиозный радикализм, экстремизм, национализм, идентичность, тоталитаризм, фундаментализм и т.д. Как указывалось выше, термин «радикализм» используется как синоним термина «экстремизм», а сами эти термины часто носят некоторый оттенок субъективизма. Чаще всего под «экстремизмом» понимается интолерантность и действия насильственного характера, а понятие «радикализм» используется для обозначения комплекса политических идей и действий, нацеленных на коренное (радикальное) изменение существующих социальных и политических устоев и институтов. В современной литературе выделяются различные разновидности радикализма и экстремизма: «левый», «правый», религиозный, этно-националистический, молодежный и т.д.

Наиболее изученной, в этом отношении, является этно-религиозная и религиозно-политическая разновидность радикализма (экстремизма). Также следует отметить, что если с начала 70-90-х годов XX века зарубежные и советские авторы анализировали радикальные проявления и

[45] Ю.М. Бубнов. Социология. Научно-теоретический журнал. № 1, 2013, с. 81-93.

течения как в исламе так и в христианстве, то с начала XXI века религиозный радикализм и экстремизм упоминаются чаще всего в исламском дискурсе.

К основной группе проанализированных участниками проекта источников относятся работы исламоведов: В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, Г.Э. Грюнебаума и др. Если же говорить о направлениях исследования феномена, то это труды Жиля Кёпеля, Х. Декмеджяна, Э. Сивана, Р. Абдулатипова, И. Добаева, А. Игнатенко, Э. Кисриева, А.Р. Мухаметшина, Р. Набиева, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, Г.Э. Грюнебаума и др., посвященные изучению истории зарождения и становления исламского радикализма и фундаментализма.

Кроме того, большая группа работ посвящается современному состоянию и оценке экстремизма и радикализма, таким течениям как Аль-Каида, ваххабизм и салафизм, халифатизм («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», партия исламского освобождения) и др., в том числе и в контексте террористического алармизма: К. МакКоли, М. Юргенсмейера, М. Сейджмена, А. Дмитриева, А. Журавского, В. Кудрявцева и др. Психологи уделяют внимание изучению личности террористов и их поведению, фокусируют внимание на индивидуальных психологических факторах обращения к экстремизму и радикализму, на патологию личности, эмоции и т.д.: М. Кляйн, Дж. Хорган, А. Мерари, Дж. Пост.

Также можно отметить большую группу российских авторов, исследующих механизмы и тенденции распространения исламского радикализма и экстремизма в России (В. Тишков, В. Акаев, Р. Гаджиев, И. Добаев и др). Среди белорусских авторов можно отметить Р. Хасаневича, Н. Кутузову, А. Сивицкого, З. Канапацкую, Ю. Бубнова и др. В Армении, можно сказать, не многие авторы обращались к этой проблематике, но при этом можно отметить работы Г. Погосяна, В. Осипова, М. Арутюняна, Г. Тер-Арутюняна и других. Июльские события 2016 года и известные действия группы “Сасна Црер” поставили перед армянскими учеными задачу уделения серьезного внимания растущей тенденции проявлений радикализма в обществе.

1.2 Цели и задачи совместного исследовательского проекта

Белорусский и армянские народы, учитывая общее советское прошлое и современные интеграционные процессы, культурно-исторически

достаточно близки (общая история, общие исторические, политические и экономические традиции, схожая государственная идеология, участие наших стран в Евразийском экономическом союзе, смешанные браки), в течение последних нескольких десятилетий идут по своему собственному независимому геополитическому курсу. Каждая страна на своём пути достигла определённых успехов в налаживании межэтнических отношений и наработала немалый опыт межкультурного взаимодействия, который зачастую приобретается на собственных ошибках. Объединение исследовательских усилий белорусских и армянских учёных при изучении такой обоюдоважной социальной проблемы, каковой является радикализм (экстремизм), обогатит каждую из сторон-участниц проекта и умножит полезный эффект от науки в деле гармонизации общественных отношений в наших странах. Мультипликацией налаженного партнерства станет возможность совместного участия в конкурсах ЕК для ученых Восточно-Европейского партнерства, налаживание исследовательского взаимодействия с учеными из других стран СНГ, ЕС.

Структура исследования

Методологической базой исследовательского проекта служил социокультурный подход к анализу общественных явлений, в основе которого лежит убеждение, что социокультурные основания носят более устойчивый и автономный характер по сравнению с экономическими и политическими, которые в той или иной степени поддаются целенаправленному управленческому воздействию. Было запланировано и проведено комплексное исследование распространения этно-культурных радикальных настроений в современном белорусском и армянском обществах.

Для проведения прикладного исследования был разработан "Общий план научно-исследовательских работ", который включал:

1. Формулировку основных гипотез и теоретическое обоснование исследования.
2. Сбор статистической информации по отобранным параметрам, формирование базы данных. Анализ данных социологических исследований.

3. Разработку комплексной методики эмпирического исследования и определение социологических индикаторов и факторов современного проявления радикализма в масштабе страны.
4. Проведение специализированного социологического исследования по разработанной программе, где в качестве основного метода исследования применялся массовый анкетный опрос.

Все этапы планировались проводить синхронно в обеих странах. В Республике Беларусь с целью выявления уровня современного этно-культурного радикализма населения должен был проводиться опрос по республиканской многоступенчатой стратифицированной выборке. Критерием стратификации выборки выступал размер населенного пункта. В процессе построения выборки городское население республики было разбито на пять зон. Выборка строилась таким образом, чтобы отбор сельского населения осуществляется соответственно зоне городского населения, что должно было обеспечить репрезентативность полученных данных.

В Республике Армения с целью выявления радикальных настроений и отношения населения к проявлениям радикализма в обществе был проведен социологический опрос по репрезентативной национальной выборке, включающей основное городское население. При этом, была применена стандартная многоступечатая стратификационная случайная выборка.

Целью и задачей исследования (что обусловило его актуальность) было осуществить комплексное теоретико-методологическое и эмпирическое исследование феномена радикализма с целью выявления и моделирования возможных негативных влияний и рисков для политической, социальной и этно-культурной ситуации в Беларуси и Армении, а также выработки оптимальных стратегических программ и практических рекомендаций по их предупреждению и нейтрализации последствий.

Основные задачи исследования

Проведение структурной операционализации понятий «современный радикализм», «экстремизм» в социальных науках; систематизация методологических оснований, теоретических подходов к содержательному осмыслению понятий: «радикализм», «этнический радикализм», «этнокультурный радикализм»; исследование радикально-экстремистских конструктов в контексте современных этно-религиозных, культурно- и этно-лингвистических, культурно-конфессионально-религиозных и иных репрезентаций; выявление социокультурных, экономических, психологических, групповых и личностных факторов и причин, влияющих на возникновение интолерантности, ксенофобии и экстремистских установок личности и общества; разработка программы и проведение эмпирического исследования (в дальнейшем мониторинга) с целью изучения социологических индикаторов различных форм и уровней этнического радикализма в Республиках Беларусь и Армения; изучение и анализ данных опросов и осуществление сравнительного анализа с выявлением потенциальных рисков современного радикализма в Беларуси и Армении.

Предполагалась также разработка комплекса научно обоснованных рекомендаций, направленных на снижение опасности межэтнических, межрелигиозных конфликтов, радикализма и экстремизма в двух странах.

Наш проект основывался на многолетней исследовательской работе представителей временного творческого коллектива. Только за последние три года белорусскими участниками инициированного НИР было опубликовано более 10 статей, две монографии, более 15 тезисов докладов на конференциях. Значительная часть содержания этих публикаций составил анализ этнической и этно-культурной тематики:

- *Лашук И.В. Методологические основы социологического изучения социокультурных процессов в современном обществе //Этносоціологічний та упістемологічний дискуср у навуковому просторі. Киев:ТОВ «НВП «Інтерсервис», 2013. С. 142-157.*

- *Бубнов Ю.М.: Нацыянальны сегмент грамадзянскай супольнасці Рэспублікі Беларусь: манаграфія / І. А. Пушкін [і інш.]. Магілёў : МДУХ, 2015.*

- *Гражданское общество и государство (очерки теории и практики взаимодействия) / Е.М.Бабосов, Ю.М.Бубнов, И.В.Котляров, И.А.Пушкин,*

В.В.Юдин [и др.]; под общ. ред. Ю. М. Бубнова. Могилев: МГУП, 2014, 294 с.

- Бубнаў, Ю.М. Этнічная талерантнасць як фактар устойлівага паступальнага развіцця сучаснага беларускага грамадства / Ю.М. Бубнаў // Нацыянальны сегмент грамадзянскай супольнасці Рэспублікі Беларусь: манаграфія / І. А. Пушкін [і інш.]. Магілёў : МДУХ, 2015. С. 168–211.

- Бубнов Ю.М. Воспитание этнической толерантности. /Ю.М. Бубнов.//Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2014: материалы международной научно-практической конференции. / Под общ. ред. И.В.Рогозиной. Барнаул: Изд. АлтГТУ, 2014. С. 65-69.

- Бубнов Ю.М. Социальная девальвация этничности. /Ю.М.Бубнов. // Трансформационные процессы в белорусском обществе в Новейшее время (Дню Независимости Республики Беларусь посвящается) \Материалы Республиканской научно-практической конференции 18 апреля 2014 г. Барановичи: РИО БарГУ. 2014, С. 9-13.

- Пушкін І.А., Бубнаў Ю.М. Роль нацыянальных меншасцей у забеспячэнні ўстойлівага паступальнага развіцця беларускага грамадства ў навейшай гісторыі Беларусі. / Ю.М.Бубнов// Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук. - практ. канф., 29–30 мая 2013 г., г. Магілёў / УА "Магілёўскі дзяржаўны універсітэт харчавання"; пад рэдакцыяй Ю.М. Бубнава, І.А. Пушкіна. Магілёў:УА МДУХ, 2014. 357 с..

- Бубнов Ю.М. Социологическая индикация этнического радикализма. // Нижегородский музей. Специальный выпуск. Нижний Новгород, 2013. С. 46-53.

- Бубнов Ю.М. Формы этнической дискриминации. // Ю.М. Бубнов / Молодёжная галактика. №9 Ежегодный Альманах НИИКСИ Санкт-Петербургского государственного университета. СПб, 2013. №9, С.88-92.

- Бубнов Ю.М. Социологический метод индикации этнического радикализма. / Ю.М. Бубнов. / Социология. Научно-теоретический журнал. № 1 2013. С. 81-93.

- Веренич М.И. Инновационный потенциал социально - культурных проектов в сохранении и возрождении традиционных ценностей в Республике Беларусь// Семья и женщина в современном мире: социальные

и культурные аспекты: матер. межд. науч. конф., Минск, 2 февраля 2012 г. Минск: Право и экономика, 2012. С.253-255.

- Viarenichi M. Socio-Cultural Programs in Achieving Social Strategies and Improving Quality of Life - the Practice of the Republic of Belarus Iinternational conference "Human rights and european culture the right to happiness" -3rd edition, 13-15 december, 2012, Bucharest, Romania, Cambridge Scholars Publishing, 2013, P.41- 46).

Армянские участники проекта со своей стороны также публиковали множество научных работ по данной тематике:

- Gevorg Poghosyan. Armenian Migration, Yerevan, Europrint, 2014, 328 pg.

- Poghosyan G. Out-Migration from Armenia - In "Transboundary Migration in the Post-Soviet Space". Three Comparative Case Studies. Nikolai Genov, Tessa Savvidis (eds.), Peter Lang, Berlin, 2011, 39-77 pg.

- Погосян Г.А. «Несбывшиеся ожидания от властей привели к радикализации общества Армении» Սոցիոլոգիական դեմոսկոպ. Հայաստանը հասարակական կարծիքի հայելում. -Եր., Լիմուշ, 2016, Հատոր 2, էջ 756-758:

- Погосян Г.А. «Социальное ДТП» - Սոցիոլոգիական դեմոսկոպ. Հայաստանը հասարակական կարծիքի հայելում. - Եր., Լիմուշ, 2016, Հատոր 2, էջ 750-756:

- Gevorg Poghosyan, Los i kierunki modernizacji społeczeństwa Armenii - Armenia i Górski Karabach w procesach transformacji społecznej i politycznej, Wrocław 2014, s. 51-66.

- Погосян Г.А.,Социология бесовщины и плутовства (Рец. на книгу Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М., Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015г.) – Социологический журнал, Том 21 № 1, М., 2015, с.158-164.

- Погосян Г.А. Армянские выборы: неоконченная пьеса для власти и оппозиции – журнал ВЦИОМ "Мониторинг общественного мнения", Москва, 2013г., 7(113), январь-февраль, стр.136-147. http://wciom.ru /fileadmin/Monitoring/2013/1/2013_113_16_Pogosayn.pdf

- Погосян Геворк. Выборы по-армянски – "Государственная служба", научно-политический журнал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 2013г., номер 2 (82) март-апрель, стр.91-94.

- Погосян Г.А. Общество в эпоху перемен: надежды и реалии – Вестник Российской Академии Наук, май, номер 5, том 82, Москва, 2012, стр. 441-450.

- Poghosyan G. The "New Poverty" in Post-Soviet Armenia – "Global Dialog", Internet journal of International Sociological Association, 2011, www.isa.com

- Osipov V.G. "Transition paradigm & prospects of democracy in Armenia." Armenian Society in Transition. Yerevan, 2009, pp. 96-108.

- Osipov V.G. "Civil society in Armenia: Quo Vadit?" Haigazian Armenological Review, Vol. 28 (Beirut, Lebanon), 2008, pp. 407-435.

- Osipov V.G. "The Contested Ground of a Transition Neodemocracy from the Perspective of Globalization." Haigazian Armenological Review, Vol.27(Beirut, Lebanon), 2007, pp.285-309.

- Осипов В.Г. "Глобализация: вызов и потенциал в перспективе модернизирующегося общества". Գլոբալացում և ժողովրդավարություն. Հակառակորդնե՞ր, թե՞ դաշնակիցներ: Երևան, Ասողիկ, 2002, էջ 9-24:

Таким образом, у временного исследовательского коллектива обеих стран имелся определенный опыт изучения радикализма и радикальных тенденций в обществе. По завершении эмпирического исследования и сбора данных предполагалось провести анализ массива полученных данных и обобщение результатов работы по проекту, что включало в себя:

- определение направленности и динамики изменения рисков, связанных с проявлением радикализма в современном белорусском и армянском обществах;
- социально-демографическая и социально-культурная, профессиональная конкретизация готовности взрослых жителей наших стран к различным проявлениям этнического, религиозного, культурного радикализма;
- определение социальных факторов, влияющих на готовность граждан к различным проявлениям радикализма;
- выработка рекомендаций, направленных на минимизацию рисков этнокультурного радикализма в современном белорусском и армянском обществах;
- проведение двух конференций (семинаров или круглых столов) в Беларуси и в Армении с изданием сборника статей или монографии;

- подготовка научного отчета и научных публикаций в высокорейтинговых научных журналах;
- подготовка рукописи монографии «Социокультурные факторы и индикаторы современного радикализма: определение рисков для Беларуси и Армении»;
- предполагаемый результат: 8-10 научных публикаций в высоко рейтинговых научных изданиях, в том числе в «Социологическом Альманахе» (ежегодное издание Института социологии НАН РБ) и ежегодном периодическом издании Института философии, социологии и права НАН РА, рукопись монографии.

Следует отметить, что в ходе выполнения данного проекта была предпринята попытка масштабной апробации методики проведения социологической индикации современных факторов радикализма в Беларуси и Армении, в результате чего были получены достоверные данные, характеризующие уровень общественно значимых рисков проявления радикализма в двух странах, что позволило дать конкретные рекомендации, направленные в том числе на снижение опасности различного рода конфликтов, в том числе межэтнических и межрелигиозных.

Предварительно нами были обозначены как научные, так и научно-практические результаты осуществляемого совместного проекта:

Научные результаты - подготовка и публикация научных статей, обзоров, рецензий, переводов и прочих аналитических материалов по проблематике заявленного исследования; участие в научных конференциях регионального и международного уровня с целью апробации промежуточных и итоговых результатов исследовательского проекта; организация двух совместных круглых столов с участием представителей институциональных структур; разработка методологии и методики лекционных курсов и спецкурсов по проблемам этно-радикальной специфики политического дискурса, этно-религиозной ситуации и общекультурного контекста Беларуси и Армении в современных международных реалиях; подготовка и издание учебных материалов (учебно-методических разработок, УМК, курса лекций) по проблематике исследования для студентов, магистрантов и аспирантов, в том числе факультета философии и социальных наук и других гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета, БГЭУ, Могилёвского государственного университета продовольствия,

Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, Российско-Армянского (Славянского) университета РА, Научно-образовательного центра НАН РА.

Научно-практические результаты - подготовка пакета предложений по дальнейшему сотрудничеству белорусского и армянского научных сообществ в рамках проблематики социологических и этно-культурных исследований в условиях социокультурной транзитивности и глобализации; мультипликация опыта с целью изучения социологических индикаторов этно-культурного радикализма в других странах (Молдова, Украина, Литва, Эстония, Румыния, Венгрия); участие в международных конкурсах Европейской Комиссии в рамках Восточноевропейского партнерстава.

Практические результаты - использование результатов НИР (статистические, аналитические материалы и сформулированные выводы) в материалах государственных органов Республики Беларусь и Республики Армения; использование результатов НИР (практические рекомендации) в работе государственных органов Республики Беларусь (Министерство Информации, Министерство культуры, Министерство образования, Аппарат уполномоченного по делам религии и национальностей, Республиканский центр национальных культур) и Республики Армения (Министерство юстиции, Министерство культуры, Министерство образования и науки, Министерство диаспоры, Отдел по вопросам религии и национальных меньшинств Правительства РА).

Мы полагали, что итоги подобной работы будут востребованы государственными органами обеих стран на всех уровнях, в сферу компетенции которых входит проведение социальной политики в области межнациональных, этно-культурных и религиозных отношений. Апробация методики индикации современного радикализма позволила определить целесообразность её использования в качестве инструмента при проведении масштабных международных сравнительных исследований радикализма и экстремизма.

Подготовленный пакет предложений по дальнейшему сотрудничеству белорусского и армянского научных сообществ в рамках проблематики этно-культурных исследований в условиях социокультурной транзитивности и глобализации может быть использован для инициирования других совместных исследований.

Результаты исследования (социологические данные, статистические, аналитические материалы и сформулированные выводы) будут

использованы для подготовки справок и аналитических записок, в материалах СМК и государственных органов Республики Беларусь и Республики Армения.

В рамках реализуемого проекта, белорусская сторона после консультации с армянскими коллегами должна была предоставить опросник и предварительную методологию проведения социологического исследования, актуализируя институциональный опыт регулирования этно-культурных отношений в РБ. Коллектив армянских ученых, состоящий из трех сотрудников Института философии, социологии и права НАН Армении, предоставил оригинальные методики социокультурного и социально-политического анализа изучаемых процессов, а также публикации научно-теоретических материалов, современной научной литературы по изучаемой проблематике.

Научные коллективы обеих стран были сформированы из исследователей различных специальностей (социология, философия, история, культурология и право), по уровню своей профессиональной подготовки отвечающие требованиям, предъявляемым к исполнителям проектов подобного уровня, имеющие богатый опыт выполнения и руководства в том числе международными научными проектами и в их состав входили:

В Беларуси - Заместитель директора Института социологии НАН РБ, кандидат социологических наук, доцент; доктор социологических наук, профессор кафедры Могилёвского государственного университета продовольствия; научный сотрудник отдела культуры Института социологии НАН Беларуси, преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций БГУКИ (по совместительству).

В Армении – Директор Института философии, социологии и права НАН РА, академик, доктор социологических наук, профессор; Ученый секретарь Института, кандидат юридических наук и старший научный сотрудник Отдела социологии Института.

Оба исследовательских коллектива имели высокую научную квалификацию и опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований в данном направлении. Результаты исследования в рамках заявленной темы были апробированы ими в монографиях, статьях, опубликованных в зарубежных и отечественных периодических изданиях, тезисах докладов и сообщениях на международных и республиканских научно-практических конференциях, а также в специализированных научных

изданиях. Обе организации с белорусской и армянской сторон проекта были обеспечены всем необходимым для проведения прикладных исследований.

В феврале месяце 2018 года вся программа прикладного социологического исследования была полностью разработана и совместно с белорусскими коллегами мы разработали также анкету для проведения опроса. В Армении было принято решение провести опрос среди жителей трех крупнейших городов республики - в Ереване, Гюмри и Ванадзоре. В опросе предполагалось изучить мнение сравнительно молодой части взрослого населения, а именно людей в возрасте от 18 и старше лет, как социально и политически наиболее активного сегмента общества. В Ереване было опрошено 500 респондентов, а в Гюмри и Ванадзоре по 250, в общей сложности - 1000 человек. Опрос был проведен в апреле-мае 2018 года по специально разработанной анкете при помощи обученных анкетеров и проводился в домах респондентов. Ниже в таблицах приводится демографическая структура опрошенных по случайной выборке в трех городах.

Таблица 1

	Пол\Возраст	**18-29 лет**	**30-44**	**45-59**	**60 +**
Ереван-500 чел.					
	Муж.	68	71	70	31
	Жен.	69	76	76	39
Гюмри-250 чел.					
	Муж.	38	38	25	12
	Жен.	38	44	28	27
Ванадзор-250 чел.					
	Муж.	49	34	17	14
	Жен.	48	36	32	20
Всего		**310**	**299**	**248**	**143**

При этом, людей с высшим образованием в Ереване было опрошено 130 человек, в Гюмри их оказалось 65 человек (среди 250 опрошенных), а в Ванадзоре - 63.

Поло-возрастной состав, уровень образования и род занятий всех опрошенных выглядели следующим образом:

Таблица 2

Пол	Количество	Процент
Мужской	448	44,8
Женский	552	55,2
Всего	1000	100,0

Таблица 3

Возраст	Количество	Процент
18-20 лет	80	8,0
21-29 лет	215	21,5
30-39 лет	172	17,2
40-49 лет	161	16,1
50-59 лет	164	16,4
60 и более	208	20,8
Всего	1000	100,0

Таблица 4

Образование	Количество	Процент
Начальное (4 класса)	11	1,1
Основное (9 классов)	64	6,4
Общее среднее	375	37,5
Среднее техническое	72	7,2
Среднее профессиональное	152	15,2
Незаконченное высшее (3 курса ВУЗа)	28	2,8
Высшее	296	29,6
Не имеет	2	0,2
Всего	1000	100,0

Таблица 5

Род занятий	Количество	Процент
Ученик средней школы	44	4,4
Учащийся колледжа	15	1,5
Учащийся проф-тех училища	8	0,8
Студент ВУЗа	54	5,4
Рабочий	243	24,3
Инженерно-технический работник	45	4,5
Служащий	111	11,1
Служащий силовых структур	28	2,8
Работник аппарата управления	30	3,0
Предприниматель	33	3,3
Безработный	191	19,1
Пенсионер	119	11,9
Домохозяйка	79	7,9
Всего	1000	100,0

Как видим, всего в опрос попали учащиееся школ, колледжей и ВУЗов - 12,1%, рабочие различных профессий - 24,3%, служащие учреждений - 21,4 %, безработные - 19,1%, пенсионеры - 11,9%, домохозяйки - 7,9% и предприниматели - 3,3%.

Таковым был основной состав опрошенных в трех городах, где проводилось наше исследование. В целом он приблизительно соответствует демографической структуре городского населения республики.

1.3 Политический радикализм и предпосылки "Бархатной" революции в Армении

По результатам опроса выяснилось, что практически половина опрошенных считает себя социально активными гражданами - 51,1%. Это довольно большой процент, который свидетельствует об общей социально-политической обстановке в республике и о заинтересованном отношении граждан к протекающим в обществе процессам. Интересно, что при этом подавляющее их большинство (75-90%) ни в каких общественных организациях не принимает участия. Лишь небольшая их часть (15-16%) указала, что является активным участником различного рода художественных школ, кружков, спортивных объединений или

политических движений и молодежных организаций. Если судить по уровню самооценки, то выясняется, что подавляющая часть опрошенных относит себя к категории лиц среднего (48,9%) или даже ниже среднего достатка (32,7%). Более двух третей опрошенных (78,7%) указали, что среднемесячный общий доход их семьи не превышает 400000 драм, что составляет порядка 800 долларов США. Если учесть средний размер армянской семьи, то получается около 100000 драм или порядка 200 долларов на одного члена семьи в месяц. При этом заметим, что 21,5% опрошенных указали, что общий среднемесячный доход их семьи не превышает 150 долларов.

Не случайно, что они весьма отрицательно оценивают общее положение и состояние дел в республике. На вопрос анкеты о том, в правильном ли направлении идут дела в Армении, 23,3% опрошенных уверенно ответили - "не в правильном", а 36,6% почти уверены, что дела идут в неправильном направлении. Уровень удовлетворенности своей жизнью в целом тоже оказался довольно невысоким: половина опрошенных (51,1%) указала, что они не очень удовлетворены своей жизнью, а 17,5% - совсем не удовлетворены.

В качестве одной из серьезных общих проблем, стоящих перед республикой, 21,5% указали на коррупцию и преступность, а 22,5% - на нерешенность карабахской проблемы. В числе важнейших экономических проблем, нависших над страной, 27,7% опрошенных опять указали на коррупцию в правительстве, а 22,5% - на безработицу.

Относительно уровня доверия населения к центральному правительству можно судить по приведенной ниже таблице. В ней отражены ответы на вопрос анкеты о том, доверяют ли они или не доверяют различным государственным институтам и организациям.

Таблица 6

Насколько Вы доверяете правительству	**Количество**	**Процент**
Полностью доверяю	50	5,0
Скорее доверяю	184	18,4
Скорее не доверяю	377	37,7
Совсем не доверяю	220	22,0
Ни то, ни другое	165	16,5
Затрудняюсь ответить	4	0,4
Всего	1000	100,0

Фактически, 59,7% опрошенных совсем или частично не доверяют правительству. И лишь 5% полностью и 18,4% скорее доверяют. Это довольно низкий, чтобы не сказать слишком низкий, уровень доверия к действующему правительству. При этом в плане пола разницы в ответах опрашиваемых нет, ответы схожи. По возрасту наблюдались некоторые различия в степени доверия к правительству, но нельзя сказать, что они были очень существенны. Среди опрошенных жителей Еревана 26,4% доверяют центральной власти. Среди жителей Гюмри - 34% доверяют, а среди жителей Ванадзора - только 6,8%. Получается, что в Гюмри доверие к центральной власти выше, чем в Ереване и Ванадзоре.

Таблица 7

Город	В целом доверяют	В целом не доверяют	Ни то, ни другое
Ереван	26,4%	60,2%	12,8%
Гюмри	34%	55,6%	10,0%
Ванадзор	6,8%	62,8%	30,4%
Всего	23,4%	59,7%	16,5%

Уровень доверия к органам местного самоуправления у них несколько выше, чем к центральному правительству. Так, 28,3% опрошенных полностью или частично доверяют органам местного самоуправления. Справедливости ради отметим, что еще большая часть - 51,8% совершенно или частично не доверяют своей местной власти.

Точно также 64,6% всех опрошенных не доверяют судам и прокуратуре; 46,1% не доверяют СМИ; 47,7% не доверяют банкам; 44,3% не доверяют частным предприятиям и бизнесу. Как показал опрос, уровень доверия населения высок только по отношению к двум институтам. Это армия: 69,1% доверия и церковь: 67,5% доверия.

При том, что уровень доверия к власти низкий и в целом имеется серьезное недовольство действующей властью, протестная активность людей в прошлом не была высокой. На вопрос анкеты, приходилось ли им когда-либо принимать участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями, большинство опрошенных (72,6%) ответили отрицательно. Лишь небольшая часть (19,7%) указала, что принимала участие в подобных протестных акциях. И в этом вопросе в плане пола большой разницы в ответах опрошенных нет. По возрасту, судя по ответам, особенно активно в протестных акциях против власти

участвовала молодежь - 30,5%. Люди среднего возраста (20-59 лет) принимали менее активное участие в протестных акциях - 21,5%, а представители старшего поколения (60 и более лет) меньше всех участвовали в подобных акциях - 11,1%, что вполне понятно. Особенно активны были в протестных акциях жители Еревана - 23,0% и Ванадзора - 26,8%. В то время, как жители Гюмри, наоборот, меньше всех принимали участие в протестных акциях - 6,0%.

На более жесткий вопрос нашей анкеты: "Готовы ли Вы присвоить (захватить, удерживать или низвергнуть силой) орган государственной власти, его полномочия , если он не выполняет свои функции?" 18,4% ответили положительно, 71,5% - отрицательно и 10,1% затруднились ответить. Как видим, это те же две трети из опрошенной совокупности, которые не принимали участия в различных акциях протеста. Но та небольшая часть, которая принимала участие, в основном состоит из молодых людей. Женщины менее решительно выступают за силовое свержение власти, чем мужчины (соответственно 16,7% и 20,5%). По мере увеличения возраста опрошенных, процент считающих приемлемым силовое свержение власти постепенно снижается с 35,0% до 6,7%. Если в Ереване 26,4% опрошенных считают приемлемым силовое свержение власти, то в Гюмри так считают 18,0%, а Ванадзоре только лишь 2,8%.

По мнению 20,6% опрошенных, террористический акт можно считать оправданным, если он направлен на незаконные действия властей. Конечно, здесь следует учесть, что незаконность или законность действиия властей можно трактовать по-разному. В этом вопросе так же по мере увеличения возраста опрошенных процент склонных оправдать террористические акции, направленные против незаконных действий властей, постепенно снижается с 20,0% до 11,1%. Женщины чуть менее чем мужчины склонны оправдать террористические акты, направленные против незаконных действий властей (соответственно 19,4% против 22,1%). В Ереване и в Гюмри порядка 24% опрошенных склонны оправдать террористические акты, направленные против незаконных действий властей, а в Ванадзоре всего лишь 10,0%.

По мнению опрошенных, наиболее опасными для общества проявлениями радикализма являются физическое насилие и убийство политических деятелей (42,2%). Интересно, что такие формы проявления радикальных действий, как "Осквернение, разрушение памятников, могил", "Унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей других

национальностей, вероисповеданий", "Пропаганда фашизма и др." или "Призывы к запрету существующих партий и движений" им представляются в целом менее опасными (8-15%).

Мы задавали вопрос опрашиваемым: "Если определять экстремизм как насильственное действие или призыв к нему, то что может заставить Вас совершить подобное действие?" Порядка 26,6% ответили, что ничто не может их заставить совершить подобные действия. Для 40,4% оправданием подобных действий может служить желание изменить ситуацию в стране, а для 22,1% - бездействие властей. Так, 36% опрошенных согласны с мнением, что экстремисты - это борцы против власти, а почти половина опрошенных (49,4%) не согласны с этим мнением (14,6% затруднились ответить).

Несмотря на это, значительная часть опрошенных заявила, что потенциально они могли бы принимать участие в различных акциях протеста. Так, например, они указали, что когда-либо принимали или могли бы принять участие в ниже указанных гражданских и политических действиях.

Таблица 8

Действия	**Принимал участие %**	**Мог бы принять участие %**	**Никогда не буду участвовать %**
Подписание коллективных петиций, протестных заявлений и т.д.	26,9	38,6	34,5
Участие в санкционированных (разрешенных) митингах	33,4	31,7	34,9
Участие в несанкционированных встречах, митингах	15,2	25,5	59,3
Участие в пикетировании правительственных и иных государственных учреждений/зданий/объектов	18,3	32,1	49,6

Фактически треть и даже больше опрошенных принимали или могли бы принять участие в подписании коллективных петиций или хотя бы в санкционированных митингах. В то время, как в несанкционированных

митингах или в пикетировании госучреждений уже намного меньшая их часть принимала или могла бы принять участие. В этом вопросе также полученные ответы сильно различаются в зависимости от пола и возраста опрошенных. Молодежь, как правило, намного радикальнее и решительнее настроена в отношении принятия участия в протестных действиях, чем люди среднего и старшего возраста. Мужчины традиционно более решительны в этих вопросах, чем женщины. В белорусском исследовании наших коллег по совместному проекту было опрошено 400 граждан республики и 9,5% из них ответили, что считают возможным участвовать в несанкционированных демонстрациях. Еще 5,2% белорусов ответили, что считают возможным участвовать в пикетировании правительственных зданий, а 6,8% отметили, что в целом считают возможным участие в акциях гражданского неповиновения. Судя по сравнительным данным, полученным в двух наших исследованиях, очевидно, что политическая активность и уровень политической радикализации в Армении намного выше, чем в Беларуси. Среди армянских опрошенных по этому вопросу в плане пола особой разницы в ответах не было. В этом вопросе также по мере увеличения возраста опрошенных процент принимавших когда-либо участие в различных акциях протеста постепенно снижается с 37,0% до 13,9%. В Ереване 41,4%, в Гюмри 21,6% опрошенных принимали когда-либо участие в различных акциях протеста, а Ванадзоре только лишь 5,2%. В основном это были протестные акции политической или социально-экономической направленности.

Вместе с тем, интересно, что в Армении большая часть опрошенных верит в эффективность тактики мирных протестов и актов гражданского неповиновения в Армении. Так, 39,8% опрошенных указали, что эта тактика бесспорно эффективна; 37,9% считают, что она скорее эффективна. Тогда, как только 14,6% считают, что она скорее неэффективна, и только 3,1% считает, что она бесспорно не эффективна. В соответствии с этим они следующим образом оценивают реакцию властей на мирные протесты: 9,6% оценивают реакцию властей как сбалансированную и адекватную; 29,6% как не всегда, но в большинстве случаев адекватную; 26,5% как непоследовательную и создающую путаницу; 25,1% как неадекватную, неэффективную и постоянно нарушающую демократические нормы и права людей. Порядка 9

процентов опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, больше половины опрошенных (54,7%) реакцию властей считают неадекватной, непоследовательной и нарушающей демократические нормы и права людей. Конкретно поведение полиции при мирных акциях протеста, митингах, шествиях и пикетах они ценивают достаточно негативно. Так, лишь 10% опрошенных в целом оценивают поведение полиции как достаточно адекватное и сбалансированное. В то время как 37,1% оценивают его как в основном адекватное, но иногда непрофессиональное и выходящее за рамки их полномочий. Остальные 29,2% оценивают как неадекватное и непредсказуемое, а еще 15,4% - как постоянно нарушающее законность, с применением необоснованного насилия и провокаций.

В такой ситуации, казалось бы, что поведение и протестные действия политической оппозиции должны быть гораздо более сдержанными. Однако, из ответов на вопрос анкеты о том, следует ли оппозиции больше применять методы прямого действия (митинги, марши и т.д.), больше половины опрошенных (58,5%) дали положительный ответ. Иначе говоря, они считают, что оппозиция должна действовать более решительно, с применением прямых методов уличной борьбы. Лишь четверть опрошенных (24,7%) придерживается противоположного мнения, а именно, что оппозиция не должна особенно прибегать к методам прямого действия. Причем, по полу и возрасту особой разницы в ответах опрошенных нет. В Ереване и Ванадзоре 64,4% и 60,0% опрошенных считают, что оппозиция должна больше прибегать к прямым методам воздействия (митинги, шествия и прочее), а в Гюмри так считают только 45,2%

В этом смысле весьма характерным и показательным является оценка, которую опрошенные дали действиям по сути террористической акции небезызвестной группы "Сасна Црер" ("Сасунские Удальцы") в июле 2016 года, когда они с оружием в руках захватили здание полка патрульно-постовой службы полиции в Ереване и удерживали там нескольких заложников. В результате инцидента было двое погибших (в том числе офицер полиции) и несколько раненных. Так вот, по мнению подавляющего большинства опрошенных, действия группы были обоснованными и оправданными. Так, 18,8% считают, что действия группы были полностью обоснованны и оправданны, 28,5% считают, что в целом они обоснованны, но с некоторыми оговорками, а 27,6%

опрошенных согласны с их целями, но не со средствами. И только 16,7% опрошенных выразили свое несогласие с их действиями. При этом хорошо известно, что акты террора являются уголовно наказуемым преступлением согласно как международному праву, так и законодательству Республики Армения. Несмотря на это, 27,2% опрошенных считали возможным оправдание террора на каких-либо основаниях. Правда, 59,3% так не считали, думая, что этому нет оправдания никогда. Однако, при этом немалая часть опрошенных -13,8% затруднились дать ответ. Ответы мужчин и женщин мало чем отличались и в этом вопросе, а вот люди старшего поколения менее склонны были оправдать террористический акт группы "Сасна Црер". Ну и конечно, жители Еревана их больше оправдывают, чем жители Гюмри или Ванадзора.

Ещё в те дни, во время этого по сути теракта, было ясно видно различие в отношениях к тому, что происходит, у различных слоев населения. Одни называли это терроризмом, терактом, другие – всплеском возмущения со стороны определенной части общества, всплеском недовольства, которое накапливалось годами. Социологи неоднократно замечали, что при существующем положении дел следует ожидать радикализации процесса. Когда власть игнорирует потребности населения, в упор его не видит, в ход идут все более острые и неприемлемые формы обращения на себя внимания. Сложившуюся 17 июля ситуацию я тогда в газете «Голос Армении» (от 22 июля 2016 года) охарактеризовал как "социальное ДТП" или как "политическую аварию"[46]. Представьте, вы видите кадры чудовищной аварии, где есть все – покореженные машины, изувеченные люди, погибшие, раненые. И вам всех жалко – невиновных и даже виновных, потому что все стали жертвами аварии. Здесь была такая же ситуация: те, кто ее начал, кто в нее случайно попал, кто не знал, что с ней делать, кто погиб, был ранен или пострадал – все так или иначе стали жертвами этого "социального ДТП". Фактически на протяжении 5 дней захвата полицейского участка власти не могли с этим справиться. Неужели у них не было специальных

[46] Погосян Г.А., Социальное ДТП, «Социологический демоскоп. Армения в зеркале общественного мнения», Том 2-ой, Ереван, 2016, с.750-756.

войск, спецназа или методов, позволяющих быстро разрулить ситуацию? Наверняка подобные методы имелись в арсенале властей, а если нет, то можно было перенять у других стран.

При этом общество ждало какого-то объяснения от властей, но не получило его. Подобное молчание - весьма странная позиция в ситуации с "политической аварией", которая уже грозила стать непредсказуемой. Почему-то не было обращения к населению президента, премьера, представителей правящей партии РПА. Не было также, наконец, обращения к людям духовного лидера армян Гарегина II, чьи слова тоже могли бы возыметь действие. Только на пятый день премьер-министр Овик Абрамян на заседании правительства заявил, что "ситуация на территории полка ППС полиции в Ереване вызывает обеспокоенность, власти делают все для ее мирного разрешения". Молчание власти в данном контексте по меньшей мере выглядело странно. Если власть понимала, что речь идет о теракте, а с террористами на переговоры не идут, с ними жестко разбираются, то почему не предпринимались соответствующие шаги? А если бы речь шла не о захвате полицейского участка, а о захвате Дома правительства или детского сада? Тогда тоже бы ждали несколько дней в надежде на то, что ситуация сама собой рассосется?

Произошла "политическая авария", и это не было случайностью. С одной стороны, мы видели проявления радикализации процессов внутри армянского общества, с другой – активизацию вируса ненависти, злости, агрессии, который "шагает" по всей планете и сродни вирусу холеры, чумы, птичьего гриппа, Эболы и т.д. Разрушающее воздействие этого вируса агрессии проявляется везде – в Турции, Казахстане, Франции, Бельгии, Сирии, Армении. Медики за много лет научились противостоять всевозможным эпидемиям, кроме того, известны методы личной гигиены, предосторожности в борьбе с вирусами, а у правозащитных органов в борьбе с вирусом агрессии такого инструментария нет. Как нет и "гигиены" мыслей, эмоций, духовной гигиены, позволяющей не подпадать под волну истерии. А ведь нам нужна эта самая, скажем так, социальная, духовная гигиена более, чем когда-либо.

Безусловно, есть объективный фактор наших внутренних проблем, накапливающихся годами. Они не получают разрешения, в итоге накапливается агрессия и выливается в неподобающие формы. В

последнее время мы постоянно слышим разговоры о давлении на Армению в вопросе карабахского урегулирования, о якобы необходимости возврата освобожденных территорий в соответствии с мадридскими принципами. Понятно, что это создает совершенно невыносимый политический фон для тех, кто проливал кровь за эти территории. Не дай бог, конечно, чтобы это давление, которое оказывается и на Азербайджан, породило общественные бунты и в Армении, и в Азербайджане, способные полностью дестабилизировать обстановку в регионе. В последние годы мы гордились тем, что наши вооруженные силы сумели дать достойный отпор военной агрессии Азербайджана в ходе апрельской войны 2016 г., тем самым обеспечив мир на Южном Кавказе. И это, конечно, было огромное достижением, которое даже отмечали иностранные аналитики.

Тогда мог случиться большой пожар войны в регионе, а мы сумели небольшими силами не допустить того, что происходит сегодня, скажем, в Сирии, Ираке и т.д. Ведь Азербайджан со своей апрельской интервенцией – это ИГИЛ в самом широком смысле этого понятия. Мы на самом деле не очень сумели оценить нашу грандиозную миссию, с честью выполненную армянским солдатом. А потом пошли разговоры о возможной сдаче освобожденных территорий. И это породило очень нехороший политический фон. В данной ситуации очень важна позиция общества. Оно, с одной стороны, конечно, против любых опасных агрессивных действий, потому что в результате погибают или получают ранение армяне, наши соотечественники, наши братья и дети. Но с другой стороны, фактическая ситуация могла быть чревата гражданской войной.

Это детонатор, которому следовало противостоять очень быстро, мускульно и активно, а не затягивать процесс на 2-5 и более дней. Потому что место действия уже становилось эпицентром, куда притягивались разные силы: люди, недовольные властью, и даже всякого рода провокаторы. Чем скорее власть сумела бы разрулить ситуацию, тем лучше. Потому что общество по большому счету выступает за спокойную жизнь, без потрясений. Другое дело, что много недовольных, и они не сегодня возникли, а еще "позавчера". И любая подобная вспышка при условии, что в обществе наличествует довольно серьезный сегмент, считающий, что надо заставить власть обратиться лицом к народу, его проблемам и заботам, любыми средствами, опасна до крайности. Простые

граждане этой страны должны видеть реальные плоды, например, борьбы с коррупцией – не заседания антикоррупционных комиссий, не красивые выступления и громкие слова, а реальные плоды, благодаря которым можем констатировать: власть работает, старается. Люди не сторонники того, чтобы всех пересажать, но когда за очевидные преступления нет наказуемых, это деморализует общество и порождает всплески агрессии, которых будет все больше и больше.

Власть должна наконец перейти от слов к реальному решению давно назревших социальных проблем. Иначе будут захваты, майданы, бунты, призывы к революции, свержению власти и т.д. И последствия могут быть страшными. Мы видели, как в результате подобных раскачек в других странах одна власть уходит, другая приходит. В той же Украине что изменилось к лучшему? Разве майдан добился тех целей, которые ставились? Напротив, ситуация стала гораздо хуже. И в Армении может быть то же самое. Чтобы избежать подобного негативного сценария, власти лучше отреагировать, выступить, поговорить с населением, объяснить ситуацию, возможно, представить дальнейшие шаги. Но тогда было такое впечатление, будто люди в захваченном участке сидят себе изолированно, кто-то им носит воду, периодически возникают какие-то политические фигуры, журналисты. И это длилось не один день, и каждый день эта картина была экранах телевизоров. Люди уже стали к ней привыкать, а привычка к болезни – это плохая привычка.

Что касается самых негативных последствий ситуации, то лучше учиться на чужом опыте, чем на своем. Достаточно было посмотреть, что произошло в Грузии, на Украине. Грузия потеряла Южную Осетию, Абхазию. Украина потеряла Крым и под большим вопросом Донецк и Луганск. Для нас очевидной потерей могла стать потеря Карабаха. При любой серьезной дестабилизации обстановки внутри Армении ситуация чревата потерей Арцаха, ослаблением наших границ и нашей безопасности. Не будем забывать, что, в отличие от той же Грузии и Украины, у нас два врага с обеих сторон: Азербайджан и Турция. Для нас потери могли быть колоссальными.

За сотни лет Армения наконец строит свою независимую государственность. Первая Республика просуществовала всего два года, хотя какой-то опыт был накоплен. Вторая Республика при советской власти не была полностью самостоятельной – не могла и не должна была

быть. А вот Третья Республика уже 27 лет представляет собой наше собственное, независимое развитие, наш путь. И после таких побед, как восстановление независимой государственности, после того как в этом статусе мы сумели пройти дорогу в четверть века, освободили Арцах, обеспечили безопасность его населения, причем своими силами, без чужой помощи, после того как смогли поднять вопрос признания Геноцида действительно на международный уровень, нельзя позволить всему этому обратиться в пыль. Подобного уровня успехов и достижений у нас не было столетиями.

Историки будущего, описывая период 27-летия независимости Армении, укажут именно на эти три вышеупомянутых достижения. Но раз уж мы всего этого добились, неужели можно позволить, чтобы за несколько дней радикального противостояния ситуация привела нас к гражданской войне и все бы рухнуло обратно в историческую яму, из которой мы еле-еле выкарабкались. Этого нельзя допустить, нельзя допустить случаю, вспышке ненависти, агрессии забрать у нас все наши победы, добытые с таким трудом, такими потерями. Ведь все мы еще помним холодные и голодные годы становления независимого государства, потери в Карабахской войне. И власть, и те, кто пошел на захват полицейского участка, должны были все это осознавать. И разруливать ситуацию следовало быстро и активно, сама собой она не могла исчезнуть, а только превратилась бы в точку накопления агрессии.

Вот такой была картина общественных настроений спустя два года после наделавшего намало шума терростического акта, повлекшего за собой смерть людей. Не это ли является прямым свидетельством роста радикальных настроений и экстремистских взглядов в армянском обществе на протяжении последних нескольких лет? Поразительно, но наш опрос фактически зафиксировал психологическую и моральную готовность армянского общества к насильственной смене власти, или к революции, которая собственно и произошла в Армении спустя буквально пару недель - 22 апреля 2018 года. Незадолго до этого люди вышли на улицы, и оппозиции удалось заблокировать несколько центральных артерий армянской столицы и дойти «мирным маршем» до здания парламента. Однако протестующих ждали плотные кордоны полиции и заблокировать парламент, как рассчитывал Пашинян, не получилось. Тогда демонстрантам поставили задачу «мирно брать под контроль»

столицу. Сторонники Пашиняна одну за другой занимали центральные площади и улицы Еревана, им удалось на несколько дней парализовать движение автотранспорта и взять в блокаду здания МИДа, Центробанка и еще нескольких госучреждений (были попытки парализовать работу метрополитена, однако они были сразу же пресечены полицией). В школах и вузах был приостановлен учебный процесс.

Кульминацией протеста стал митинг на площади Республики, где расположен комплекс правительственных зданий, в нем, по некоторым данным, приняли участие до 50 тыс. человек. Люди пытались прорваться к парламенту, но безуспешно — на подступах к нему полиция растянула колючую проволоку и была готова в случае необходимости применить водометы, пустить в ход дубинки и слезоточивый газ. В целом полиция демонстрировала сдержанность и выдержку, хотя накануне выборов премьера во время противостояния с демонстрантами у стен парламента полицейские использовали-таки несколько шумовых гранат.

18 апреля Никол Пашинян объявил о начале «Бархатной революции». Толпы митингующих вновь начали перекрывать улицы в центре города, на близких окраинах, а также главную магистраль, связывающий столицу с международным аэропортом «Звартноц». Власти вынуждены были вывести на улицы «спецтехнику» и начали предпринимать попытки вступить с митингующими в переговоры. К протестующим на площадь Республики 21 апреля вышел президент страны Армен Саркисян с намерением начать диалог с Пашиняном. Однако оппозиционный лидер заявил, что власть уже перешла к народу, и обсуждать можно будет только условия отставки Сержа Саргсяна.

По мнению большинства людей, акции протеста выполнили главную задачу, а именно показали властям, что в стране далеко не все в порядке. Уровень жизни в Армении был и пока остается одним из самых низких низких в СНГ; безработица за последние годы достигла 16-19%, особенно она высока среди молодежи. Между тем, пособия по безработице очень низкие. За последние десять лет более 300 тыс. человек покинули страну в поисках лучшей жизни. Значительно вырос государственный долг страны и приблизился к отметке в $7 млрд. В стране растет коррупция, власти не справляются с ней. Тогда в интервью для иностранной прессы **NT** я отмечал: «Порядка 70% населения недовольны социально-экономическим положением в Армении, низкими зарплатами и пенсиями, отсутствием

рабочих мест. Эмиграция приняла почти массовый характер, в стране идет депопуляция. Плюс ко всему колоссальное недовольство вызывает еще и фактическая несменяемость власти, одни и те же лица в политическом истеблишменте. Все это в итоге привело к очень тревожной морально-психологической атмосфере в стране»[47]. По моему мнению, участники массовых акций протеста, прежде всего, хотели показать власти, что с людьми следует считаться: «Весь мир увидел, что в Армении есть и действует гражданское общество, которое способно сопротивляться непопулярным властям и бороться за свои права»[48].

Премьер-министр Серж Саргсян, отставки которого требовали многотысячные толпы митингующих, в воскресенье утром 22 апреля пришел в гостинцу Armenia Marriott, на встречу с лидером оппозиции «Мой шаг», депутатом армянского парламента Николом Пашиняном. Пашинян невозмутимо заявил, что он не намерен вести переговоры, а будет обсуждать вопрос о мирной передаче власти, иначе говоря, условия отставки Саргсяна. В ответ тот заявил, что не готов выслушивать ультиматумы от лидера оппозиционной фракции «Елк», которая на последних парламентских выборах набрала всего 7–8% голосов избирателей. Пашинян отверг упрек и заявил, что власть в стране фактически уже перешла к народу. «Вы не осознаете всю опасность ситуации. В этих условиях мне остается только советовать вам действовать в рамках закона. Если нет, то вся дальнейшая ответственность ляжет на вас», - с этими словами Саргсян резко встал и вышел из зала. Диалога между ними так и не получилось. Однако власть полностью перешла в руки митингующих во главе с Николом Пашиняном.

Так, в Армении произошла мирная передача власти из рук в руки, которая в дальнейшем с легкой руки журналистов получила название "Бархатной" революции. В свою очередь, западные информационные агентства, очень активно освещавшие апрельские события в Армении, тоже окрестили случавшееся "Velvet revolution". Они освещали каждый шаг, каждое собрание, каждое высказывание лидера протестного

[47] https://newtimes.ru/articles/detail/159440
[48] https://newtimes.ru/articles/detail/159440

движения под громким названием "Сделай шаг, отвергни Сержа!" Конечно, время еще покажет, несколько это движение было бархатной или вельветовой революцией, и собственно революцией ли было или просто переворотом, приведшим к смене власти, а точнее, правящей верхушки в Республике Армения. А пока мы можем довольствоваться научно-социологическим анализом первых плодов этого исторического переворота.

На прямой и прогностический вопрос нашей анкеты "Считаете ли Вы возможным насильственное смещение власти в результате государственного переворота?" были получены следующие ответы:

Таблица 9

	Количество	**Процент**
Да, считаю	397	39,7
Нет, не считаю	337	33,7
Затрудняюсь ответить	266	26,6.
Всего	1000	100,0

Фактически 40 процентов наших опрошенных считали возможным насильственное смещение власти и государственный переворот. Почти треть так не считала, а чуть более четверти опрошенных уклонились от прямого ответа. При этом опрошенные женщины менее склонны были считать, что путем переворота возможно силовое устранение власти (37,0% против 43,1%). По мере увеличения возраста опрошенных, процент склонных считать, что путем переворота возможно силовое устранение власти, постепенно снижалось с 49,5% до 28,8%. В Ереване 44,8%, в Ванадзоре 49,2% опрошенных считали, что путем переворота возможно силовое устранение власти, а в Гюмри так считали только 20,0%. Вместе с тем, в Ереване 35,4% и в Ванадзоре 39,6% опрошенных высказались против того, что путем переворота возможно силовое устранение власти, а в Гюмри так высказались только 24,4%. Заметим также, что процент тех, кто затруднился ответить на этот вопрос, был неожиданно высоким (40,4%).

Дополнительный нюанс в эту предреволюционную картину радикальных настроений в нашем обществе вносит оценка людьми степени демократичности страны. На наш вопрос "По вашему мнению,

насколько нынешняя Республика Армения является демократической страной?", были получены следующие ответы:

Таблица 10

	Количество	**Процент**
Совершенно демократическая	285	28,5
В определенной степени демократическая	127	12,7
Не столь уж демократическая	341	34,1
Совершенно недемократическая	211	21,1
Затрудняюсь ответить	36	3,6
Всего	1000	100,0

Как видим, 41,2% опрошенных считали в целом демократической, а 55,2% - не демократической. Здесь уместно напомнить, о тех опасениях которые еще пару лет назад были высказаны нами в публикации «Опасные сполохи» в *«Голосе Армении»* от 21 февраля 2015г[49]. Там, в частности отмечалось, что протестный электорат будет поддерживать оппозиционную партию, а любые обвинения в адрес ее руководства будут восприниматься не иначе как политическое преследование. Протестный же электорат у нас немалый. К сожалению, правительству, руководству страны за последние 3 года удалось сильно настроить против себя население сомнительными реформами, включая пенсионную. Плюс экономическая нестабильность, валютная неразбериха, тотальное подорожание и т.п. У различных слоев населения накопилось много объективных претензий к властям. Тогда многое зависело от того, насколько шаги тройки оппозиционных партий (ППА, АНК и «Наследия») будут радикальными. Пошли бы они на митинги гражданского неповиновения и т.п. – словом, на все то, о чем было заявлено в выступлении лидеров оппозиции. Не хотелось бы, чтобы «брат пошел на брата», но чего-то подобного можно было ожидать. И это, конечно, в свою очередь могло способствовать росту напряжения на армяно-азербайджанской границе. И тогда, если бы внутриполитическая ситуация в стране ухудшилась и если были бы акции гражданского

[49] Погосян Г.А., Опасные сполохи, «Социологический демоскоп. Армения в зеркале общественного мнения», Том 2-ой, Ереван, 2016, с.701-705.

неповиновения, то властям пришлось бы применять силовые, отнюдь не демократические действия.

Участившиеся в последнее время в Западной Европе и даже в Новой Зеландии акты агрессии и террора против простых людей не могут не настораживать. Зачастую подобные теракты совершаются сторонниками самых радикальных взглядов и идеологий, вплоть до нацистских и фашистских. Эта тенденция, направленная на ниспровержение фундаментальных ценностей, возникла не случайно. Порою мы наблюдаем действия и призывы, заключающиеся в попытках не только переосмыслить итоги Второй мировой войны, но и начисто нивелировать значение победы над фашизмом. Подобные настроения никогда не возникают стихийно. Кстати, со дня обретения независимости Армении и в нашем прошлом был период, когда многие открыто выступали в духе «было бы лучше, если бы Германия победила, тогда Армения уже давно находилась бы в цивилизованной европейской семье». В подобных тенденциях два фактора играют ключевую роль. Первый - антисоветизм, трансформирующийся в антироссийские настроения. Второе - рост национального самосознания, выплескивающийся в крайние формы национализма. Такая волна прокатилась по всем странам СНГ после распада Союза. Но у одних это прошло, не приняв крайние формы, у других - нет, как например, в Грузии. Не случайно многие армяне уехали оттуда. Извращенные формы национализма, конечно, страшны, они способны переходить в такие явления, которые мы сегодня наблюдаем на Украине, в Одессе, где одни граждане могут живьем сжигать других своих сограждан.

Самая распространенная технология работы с массами - это зомбирование, при котором целое поколение уже воспитывается совершенно в ином духе. Из школьных учебников убирают биографии, например, героев войны, исторические факты замалчиваются, либо преподносятся по-другому, памятники, мемориалы сносятся - и результат налицо. При этом на «результат» работают специальные институты, стратегические центры, команды психологов. Изменить человеческое сознание, мышление непросто. Поэтому работа длится не год-два, а 10-20 лет. Но она дает плоды. Новое поколение выросло совершенно в другой идеологии - антироссийской, антисоветской. Одной из предпосылок успешного зомбирования является разрушение безусловных авторитетов.

Уничтожая эти авторитеты, можно изменить что угодно. Постоянно говорить «Вторая мировая война» вместо «Великая Отечественная война» - тоже из той серии. Европейцы склонны рассматривать победу над фашистской Германией как свою заслугу, американцы и вовсе считают ее своим единоличным достижением. И когда одна из бывших советских стран попадает в их русло, невольно возникают антироссийские настроения и крайний национализм начинает процветать, доходя до безобразных форм.

Еще в фашистской Германии применяли технологии манипуляции сознанием и зомбирования. Там функционировала огромная пропагандистская машина, и методы были доведены со совершенства. То, что делается сегодня, в десятки раз эффективнее, чем в 30-е годы XX века. Опыт накапливается. На тему зомбирования и воздействия на человеческое сознание опубликованы десятки учебников, методических пособий. Как устроить оранжевую революцию, спровоцировать народный бунт, гражданскую войну - все описано. Технологии работающие и, кстати, дорогостоящие.

Неонацистская волна сегодня охватила многие общества, в том числе и европейские. Думается, что это ответ на крайнюю либеральную политику, долгое время проводимую Западом и пропагандируемую им по отношению к другим странам. Альтернатива такому «либерализму» - нацизм и фашизм[50]. По-видимому, Запад сам не ожидал, что ответом станет полная противоположность либерализму. Не оправдавшая себя политика мультикультурализма, мигранты (с Востока и, в частности, из Турции), наводнившие Европу, и т.д. - все это цветы либерализма, который европейские народы уже не устраивает. И в результате он переходит в свою противоположность - крайний национализм, нацизм и фашизм. До тех пор, пока эта доходящая до абсурда либеральная позиция будет укрепляться, доходя зачастую до совершенно извращенных форм, вплоть до замещения, скажем, понятий «мать» и «отец» понятиями «родитель N1» и «родитель N2», это будет способствовать стимуляции фашистских выступлений. Где-то горе-либералам надо остановиться, иначе в результате будут уничтожены вообще все основы либерализма.

[50]Погосян Г.А., Альтернатива крайнему либерализму - нацизм и фашизм, «Социологический демоскоп. Армения в зеркале общественного мнения», Том 2-ой, Ереван, 2016, с.664-670.

ГЛАВА 2. РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: АТТИТЮДЫ И ПОВЕДЕНИЕ

2.1 Отношение современного армянского общества к проблеме терроризма

В рамках изучения широкого спектра проблем радикализма и экстремизма в современном обществе большое внимание исследователями уделяется терроризму, ставшему на сегодняшний день одной из основных глобальных угроз и проблем современной цивилизации. Концептуализируемый в качестве синтеза крайне радикальных взглядов, идей и эмоций (нередко в рамках религиозных или секулярных, политических и иных идеологий) и экстремистских действий, терроризм уже на протяжении нескольких десятков лет постоянно находится в повестке дня как международного сообщества в целом, так и отдельных стран с целью поиска эффективных методов предупреждения и борьбы с этим глобальным вызовом.

Явление это сложное, многогранное и неоднозначное, как и его восприятие в разных социально-политических контекстах. Именно поэтому в международно-правовом поле до сих пор не выработано и не кодифицировано его определение. Неслучайно и отношение к нему сложное и неоднозначное, что подтверждается и данными нашего опроса.

Выяснение отношения разных категорий граждан к феномену терроризма в целом и его различным проявлениям в частности имеет важное как теоретическое, так и практическое, прикладное значение. Ведь это один из самых эффективных показателей радикализации[51] социума, фиксирующий *спектр и специфику* данного среза настроений его членов и характеризующий *ряд аспектов* общественного сознания и *нюансы* общественной психологии.

[51] Многие исследователи, эксперты и политики используют предложенную Агентством США по международному развитию интерпретацию радикализации как действия по “пропаганде, вовлеченности, подготовке или иной поддержки идеологически мотивированного или оправдываемого насилия для продвижения социальных, экономических и политических целей”. См.: Bhatia, Kartika & Hafez Ghanem. *How do education and unemployment affect support for violent extremism? Evidence from eight Arab countries*.Global Economy &Development - Working Paper 102. Washington, DC: Brookings Institution, 2017, p. 2.

Как свидетельствует международный опыт, восприятие феномена терроризма и отношение к нему могут как оставаться неизменными длительное время, так и быстро изменяться в зависимости от целого ряда внешне- и внутриполитических, социально-экономических и иных факторов и событий, а также от исторической памяти и опыта. Неудивительно поэтому, что у каждой страны наблюдается своя специфика в данном вопросе, тем более, что темп жизни и динамика изменений современного социума резко возросли. И как свидетельствуют события апреля 2018 г. в Армении, наша страна не является исключением.

Два месяца, в течение которых проводилось исследование, во многом явились судьбоносными для нашего общества, так как открыли новые перспективы национального развития и предоставили возможность применения новых форм и методов разрешения назревших социальных конфликтов.

Однако, следует учесть, что зондаж общественных настроений и установок хотя и проходил на фоне судьбоносных событий, все же в немалой степени фиксировал установки, представления, отношения, сформированные ранее и сохраняющиеся благодаря инерции общественного и индивидуального сознания. Недовольство политической и экономической системой и особенно действиями властей все реже носило латентный характер, экстернализующийся лишь эпизодически, – все чаще оно стало канализироваться в протестные действия, которые стали становиться все более массовыми, масштабными и более радикальными - если не всегда по форме, то по характеру выдвигаемых требований.

В зависимости от типа и остроты конфликта и его восприятия обществом, методы его разрешения и, соответственно, формы борьбы могут быть разными. Нередко на волне протестных движений и акций, особенно в случае силовых методов их подавления, на первый план могут выйти радикальные подходы[52], предлагающие экстремистские методы, в том числе иногда и акты террора.

[52] "… [П]роблема в том, что любое социальное противостояние, гражданское неповиновение имеет свою внутреннюю логику развития. … [Р]адикализация – самая привычная логика развития социального противостояния". Погосян, Г.А. "Армянское общество. Тенденции и риски радикализации". *Социологический Альманах*. Выпуск 9. Минск, 2018, с. 47.

Можно предположить, что в случае наличия в нашем обществе позитивного отношения к терроризму - поскольку общественные настроения могут при соответствующих условиях стимулировать радикальные и экстремистские проявления (а в некоторых случаях и перерастать в них) - придется констатировать наличие социально-политической *базы* радикалов и экстремистов и серьезного *раскола* в обществе (особенно опасен разрыв между правящей элитой и обычными гражданами)[53], а, следовательно, целесообразно составить представление об этих силах[54] и об их удельном весе - реальном и потенциальном и, что не менее важно, об их умонастроениях. Возможно, что эти силы не представлены конкретными социальными группами или слоями, а распределены в них в разной степени. Поэтому имеет смысл попытаться составить своего рода социально-демографический профиль лиц, которые как минимум на вербальном уровне позитивно относятся к терроризму.

В рамках проведенного опроса респондентам был задан вопрос, чтобы выяснить их отношение к террористическим актам. Сформулирован он был так: "Оправдан ли террористический акт, если он направлен против неправовых действий властей?" Исходя из сложившейся в Республике ситуации и особенно с учетом роста социально-политической напряженности и противостояния в указанный период можно было предположить, что какая-то часть респондентов выскажется за терроризм, особенно в рамках данного вопроса. Полученные результаты, однако, оказались неожиданными.

На вопрос ответили утвердительно 20.6%, отрицательно 68.8% и затруднились ответить – 10.6%. Иначе говоря, хотя две трети всех респондентов категорически не приемлют использование теракта даже в

[53] "Немалую роль в преобразовании настроений в политическое поведение играет уровень (градус) напряженности во взаимоотношениях власти и общества. Низкая напряженность минимизирует переход доминирующих общественных настроений, вне зависимости от их типа, в поведенческие акты, высокая — стимулирует этот процесс". Галкин, А.А. "Общественные настроения и политическое поведение: некоторые тенденции современного развития." *Полития*, 2014 г., № 2 (73), с. 10. (Москва).

[54] Известный социолог Ральф Дарендорф отмечал, что за конфликтом в социуме всегда стоят определенные социальные силы и что они "нечто большее, нежели плод фантазии социологов". Дарендорф, Ральф. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы*. Москва: РОССПЭН, 2002, с. 71.

ответ на неправовые действия властей, тем не менее каждый пятый респондент в выборке дал утвердительный ответ.

Обратимся к **Сводной таблице 1**, в которой приведены корреляции ответов на первый вопрос с социально-демографическими характеристиками респондентов, и к **Сводной Таблице 2**, в которой приведены корреляции ответов на первый вопрос с некоторыми аспектами политической и общественной активности и установками (аттитюдами) респондентов.

Таблица 1

Корреляция ответов на вопрос *"Оправдан ли теракт, если он направлен против неправовых действий властей?"*с социально-демографическими характеристиками респондентов

Социально-демографические характеристики респондентов	Оправдан ли теракт, если он направлен против неправовых действий властей?			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Пол				
Мужчины	22.1%	67.2%	10.7%	100%
Женщины	19.4%	70.1%	10.5%	100%
Возраст				
До 16 лет	40.0%	46.7%	13.3%	100%
16-19	18.5%	69.2%	12.3%	100%
20-29	23.3%	66.0%	10.7%	100%
30-39	25.6%	65.1%	9.3%	100%
40-49	21.7%	70.8%	7.5%	100%
50-59	22.0%	64.0%	14.0%	100%
60 и старше	11.1%	78.4%	10.6%	100%
Уровень образования				
Базовое (9 классов)	21.9%	59.4%	18.7%	100%
полное среднее	18.7%	72.3%	9.0%	100%
среднее техническое	13.9%	76.4%	9.7%	100%
среднее специальное	23.7%	62.5%	13.8%	100%
незаконченное высшее	28.6%	57.1%	14.3%	100%
высшее	22.6%	69.3%	8.1%	100%
Род деятельности				
Учащийся средней школы (иного среднего общеобразовательного учреждения)	22.7%	63.6%	13.6%	100%

Учащийся ремесленного колледжа[55]	25.0%	50.0%	25.0%	100%
Учащийся колледжа	26.7%	66.7%	6.7%	100%
Студент вуза	33.3%	53.7%	13.0%	100%
Рабочий	22.6%	72.0%	5.3%	100%
Инженерно-технический работник (ИТР)	28.9%	53.3%	17.8%	100%
Служащий	16.2%	74.8%	9.0%	100%
Сотрудник силовых структур	17.9%	67.9%	14.3%	100%
Сотрудник управленческого аппарата	23.3%	60.0%	16.7%	100%
Предприниматель	24.2%	72.7%	3.0%	100%
Безработный, не имеет постоянной работы	20.4%	66.5%	13.1%	100%
Пенсионер	6.7%	80.7%	12.6%	100%
Домашняя хозяйка	24.1%	64.6%	11.4%	100%
Город				
Ереван	24.0%	68.0%	8.0%	100%
Гюмри	24.4%	51.6%	24.0%	100%
Ванадзор	10.0%	87.6%	2.4%	100%

Как следует из **Таблицы 1**, мужчины и женщины практически одинаково ответили на этот вопрос. Разница полностью совпадает со статистической погрешностью. Так что можно констатировать, что гендерный аспект в данном вопросе не играет никакой роли.

Относительно возрастных групп респондентов можно сказать, что хотя возраст и является фактором, влияющим на мнение респондентов, но в целом в очень незначительной степени. Мнения респондентов в возрастных группах от 20 до 59 лет практически совпадают, особенно при положительном ответе на данный вопрос. Не очень существенно отличается от них и группа респондентов в возрасте 16-19 лет. Сильно отличаются ответы лиц в возрасте до 16 лет и 60 лет и старше. Ответами респондентов в возрасте 15 и почти 16 лет практически можно пренебречь, так как в выборке они составляют всего полтора процента, и к тому же у этих лиц еще отсутствует социальная и политическая зрелость, но, вероятнее всего, им присущ юношеский максимализм.

[55] Понятие “колледж” используется в Армении для обозначения совершенно разных по типу и уровню учебных заведений. Указанные в нашем исследовании колледжи соответствуют училищам, т.е. ремесленный колледж – это фактически ремесленное училище (предоставляет среднее техническое образование), а просто колледж – это учебное заведение, предоставляющее среднее специальное образование.

Хотя уровень образования однозначно не коррелирует с позицией по данному вопросу, просматривается непоследовательно выраженная тенденция: лица с более высоким уровнем образования в большей степени склонны занимать радикальную позицию. Из этой тенденции выпадают лица с базовым средним (9-летним) образованием, среди которых процент лиц, готовых оправдать теракт, очень близок к проценту респондентов со средним специальным и высшим образованием, готовых оправдать теракт. Наиболее радикальной группой являются лица с незаконченным высшим образованием. Как свидетельствуют данные в **Таблице 1**, процент респондентов, готовых оправдать теракт, в этой группе выше, как минимум, на 5-6 процентных пунктов, а максимум – почти на 15 процентных пунктов. Это можно объяснить в значительной степени тем обстоятельством, что эта группа практически полностью состоит из студентов вузов. А среди студентов зафиксирован самый высокий процент лиц, оправдывающих теракт, по сравнению с другими категориями рода деятельности респондентов (33.3%).

Как отмечено в **Таблице 1,** четкой зависимости мнения по указанному вопросу от рода деятельности респондента нет. Действительно, в большинстве случаев, среди разных групп процент одобряющих теракт колеблется в промежутке от 22.6% до 26.7%. От усредненного показателя, как уже отмечалось, отличаются студенты вузов, среди которых процент ощутимо выше (33.3%), и инженерно-технические работники (28.9%),а также госслужащие и сотрудники силовых структур, среди которых процент значительно ниже (16%-18%). Меньше всего склонны разделять радикальную позицию пенсионеры (6.7%): в их случае немаловажную роль бесспорно играет и фактор возраста.

Интересная картина складывается при рассмотрении регионального аспекта. Были опрошены жители трех самых крупных городов Армении. Практически одинаковый процент респондентов среди жителей Еревана и Гюмри оправдывает теракт, если он направлен против неправовых действий властей. Но в плане отрицательного ответа ереванцы более категоричны, тогда как среди жителей Гюмри этот процент значительно ниже, тем более в сравнении с жителями Ванадзора, тогда как процент затруднившихся ответить среди них в 3 раза выше, чем среди ереванцев, и в 10 раз выше, чем среди ванадзорцев. Позиция жителей Ванадзора существенно отличается от позиции жителей двух других городов. Только

один из каждых десяти опрошенных ванадзорцев готов оправдать теракт, тогда как практически девять десятых не согласны его оправдать.

Обобщая данные проведенного опроса, можно сделать вывод, что больше всего склонны оправдывать террористическую деятельность в ответ на неправовые действия властей *женщины в возрасте 30-39 лет, имеющие высшее образование, являющиеся служащими и проживающие в Гюмри*, а также *мужчины в возрасте 20-29 лет, имеющие незаконченное высшее образование и в основном являющиеся студентами вузов и проживающие в Ереване*. В наименьшей степени склонны оправдывать такую деятельность на указанных основаниях *женщины в возрасте 60 лет и старше, имеющие среднее образование, являющиеся пенсионерами и проживающие в Ванадзоре*, а также *мужчины в возрасте 60 лет и старше, имеющие среднее техническое образование, являющиеся предпринимателями и проживающие в Ванадзоре.*

Обратимся теперь к данным, приведенным в **Таблице 2**.

Таблица 2

Корреляция ответов на вопрос *"Оправдан ли теракт, если он направлен против неправовых действий властей?"*с политической и общественной активностью и установками респондентов

Политическая и общественная активность и установки респондентов	**Оправдан ли теракт, если он направлен на неправовые действия властей?**			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями				
Да	35.5%	57.9%	6.6%	100%
Нет	17.6%	73.1%	9.2%	100%
Затрудняюсь ответить	10.4%	55.8%	33.8%	100%
Участие в уличных шествиях и демонстрациях, не согласованных с властями				
Да	36.8%	57.0%	6.3%	100%
Нет	15.1%	76.2%	8.7%	100%
Затрудняюсь ответить	10.5%	51.2%	38.4%	100%
Участие в протестных движениях последних лет				
Да	37.2%	54.4%	8.4%	100%
Нет	14.3%	74.2%	11.4%	100%
Готовность захватить силой орган государственной власти, если он не выполняет свои функции				

Да	56.0%	37.0%	7.1%	100%
Нет	11.9%	81.1%	7.0%	100%
Затрудняюсь ответить	17.8%	39.6%	42.6%	100%
Действия группы “Сасна црер” являются обоснованными и оправданными				
Да	42.6%	52.7%	4.8%	100%
В целом да, но с оговорками	18.6%	76.8%	4.6%	100%
Согласен с их целями, но не методами	18.5%	67.8%	13.8%	100%
Нет	6.0%	82.6%	11.4%	100%
Затрудняюсь ответить	14.3%	53.6%	32.1%	100%

Даже поверхностный взгляд на эти данные позволяет увидеть четкую закономерность: среди тех, кто персонально участвовал в акциях протеста и/или занимает ярко выраженную радикальную позицию, процент оправдывающих теракт против неправовых действий властей существенно выше, чем среди тех, кто не участвовал и/или не занимает радикальную позицию.

Так, среди тех, кто участвовал в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями, а также среди тех, кто принимал участие в несанкционированных уличных шествиях и демонстрациях или участвовал в протестных движениях последних лет, процент лиц, оправдывающих террористический акт, более чем в 2 раза (а в последнем случае в 2.5 раза) выше, чем среди тех, кто не участвовал в протестных акциях и движениях. Следует обратить внимание и на тот факт, что практически каждый третий из активистов (35.5%-37.2%) оправдывает возможность применения теракта против неправовых действий властей.

Доля тех, кто оправдывает такую возможность, еще выше среди тех, кто как минимум на вербальном уровне занимает весьма или крайне радикальную позицию. Можно с уверенностью предположить, что в эту группу входит и большинство (если не все) из вышеупомянутых активистов. Так, готовы оправдать теракт свыше половины (56.0%) лиц, которые готовы силой захватывать органы государственной власти, если последние не выполняют свои фунции. И это довольно высокий процент, поскольку выясняется, что данную позицию разделяет каждый десятый респондент (с учетом того, что 18.4% всех респондентов готовы силовыми методами захватывать органы государственной власти). События апреля и мая 2018 года подтвердили, что и на уровне реального

поведения весьма высок процент лиц, готовых блокировать деятельность органов власти или даже попытаться захватить их.

Еще выше процент лиц, оправдывающих возможность применения теракта, среди тех, кто считает действия группы “Сасна црер” обоснованными и оправданными (42.6%, а с учетом тех, кто с оговорками оправдывает их действия – 61.2%, а с учетом тех, кто согласен с их целями, но не методами -79.7%). Примечателен и тот факт, что среди тех, кто считает действия группы “Сасна црер” обоснованными и оправданными, доля лиц, оправдывающих возможность теракта, в 7 раз выше, чем среди тех, кто однозначно не согласен (и даже почти в 2,5 раза выше, чем среди тех, кто с оговорками считает их действия обоснованными и оправданными или согласен с их целями, но не методами).

В ходе проведенного опроса внимание респондентов было обращено и на тот факт, что акты террора являются уголовно наказуемым преступлением согласно как международному праву, так и законодательству Республики Армения. А затем был задан вопрос о том, возможно ли оправдание террора на каком-либо основании. Довольно высокий процент опрошенных (27.2%) считает, что ***в исключительных случаях*** возможно оправдать террор. Вместе с тем, 59.0% респондентов более категоричны и полагают, что террор ***никогда*** не может быть оправдан. На этом фоне не совсем незначительной выглядит доля респондентов, которые затруднились ответить на данный вопрос (13.8%). Иначе говоря, как минимум, каждый десятый опрошенный испытывает определенные колебания относительно оправдания террора даже в исключительных случаях или его категорического осуждения.

Таким образом, по сравнению с предыдущим вопросом об отношении к актам террора утвердительный ответ дал существенно более высокий процент респондентов (разница составляет 6.6 процентных пункта) и, кроме того, почти на 10% снизилось число тех, кто дал отрицательный ответ. И это несмотря на “грозное” напоминание, что акты террора являются уголовно наказуемым преступлением как в международно-правовом поле, так и в законодательстве Армении.

Можно, однако, высказать предположение, что ответив – после подробно рассмотренного нами выше вопроса - на целый ряд других вопросов (в том числе и на вопрос о группе “Сасна црер”), респонденты

тем самым уже менее спонтанно и более продуманно отвечали на второй вопрос относительно оправдания террора на каком-либо основании. Вместе с тем, следует учесть, что при положительном ответе была существенная оговорка: “в исключительных случаях”. Понятие “в исключительных случаях” не может быть однозначно определено и интерпретировано, и поскольку применительно к террористической деятельности при любой интерпретации выходит за рамки правового поля, оно неконкретно и открывает простор для субъективизма и личностных и/или коллективных предпочтений.

Таблица 3

Корреляция ответов на вопрос *“Возможно ли оправдание террора на каком-либо основании?”* с социально-демографическими характеристиками респондентов

Социально-демографические характеристики респондентов	Оправдан ли теракт, если он направлен против неправовых действий властей?			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Пол				
Мужчины	22.1%	67.2%	10.7%	100%
Женщины	19.4%	70.1%	10.5%	100%
Возраст				
До 16 лет	40.0%	46.7%	13.3%	100%
16-19	18.5%	69.2%	12.3%	100%
20-29	23.3%	66.0%	10.7%	100%
30-39	25.6%	65.1%	9.3%	100%
40-49	21.7%	70.8%	7.5%	100%
50-59	22.0%	64.0%	14.0%	100%
60 и старше	11.1%	78.4%	10.6%	100%
Уровень образования				
Базовое (9 классов)	21.9%	59.4%	18.7%	100%
полное среднее	18.7%	72.3%	9.0%	100%
среднее техническое	13.9%	76.4%	9.7%	100%
среднее специальное	23.7%	62.5%	13.8%	100%
незаконченное высшее	28.6%	57.1%	14.3%	100%
высшее	22.6%	69.3%	8.1%	100%
Род деятельности				
Учащийся средней школы (иного среднего	22.7%	63.6%	13.6%	100%

общеобразовательного учреждения)				
Учащийся ремесленного колледжа	25.0%	50.0%	25.0%	100%
Учащийся колледжа	26.7%	66.7%	6.7%	100%
Студент вуза	33.3%	53.7%	13.0%	100%
Рабочий	22.6%	72.0%	5.3%	100%
Инженерно-технический работник (ИТР)	28.9%	53.3%	17.8%	100%
Служащий	16.2%	74.8%	9.0%	100%
Сотрудник силовых структур	17.9%	67.9%	14.3%	100%
Сотрудник управленческого аппарата	23.3%	60.0%	16.7%	100%
Предприниматель	24.2%	72.7%	3.0%	100%
Безработный, не имеет постоянной работы	20.4%	66.5%	13.1%	100%
Пенсионер	6.7%	80.7%	12.6%	100%
Домашняя хозяйка	24.1%	64.6%	11.4%	100%
Город				
Ереван	24.0%	68.0%	8.0%	100%
Гюмри	24.4%	51.6%	24.0%	100%
Ванадзор	10.0%	87.6%	2.4%	100%

При обращении к данным опроса, приведенным в **Таблице 3**, сразу бросается в глаза то обстоятельство, что в данном случае мужчины и женщины не столь единодушны, как при ответе на первый вопрос. Среди мужчин ощутимо выше (почти на 6 процентных пунктов) доля респондентов, которые при наличии определенных оснований готовы оправдать террор. Тем самым, можно констатировать, что мужчины более склонны занимать радикальную позицию.

Фактор возраста имеет значение и влияние. Однако, он оказывает неоднозначное воздействие на степень радикализации той или иной возрастной категории. Как и в случае первого вопроса, наиболее максималистскую позицию занимают молодые люди в возрасте до 20 лет: до 33.8% (т.е. практически каждый третий респондент в этих возрастных категориях) утвердительно ответили на вопрос о возможности оправдания террора на каком-либо основании. Их условно можно отнести к первой группе. Во вторую группу входят лица молодого и более зрелого возраста (в возрасте 20-29 и 30-39 лет), и к ним примыкают респонденты старшего возраста (от 50 до 59 лет). В этих возрастных категориях от 27.4% до

28.5% респондентов дали утвердительный ответ на указанный вопрос. Меньше всего доля лиц, придерживающихся радикального мнения в данном вопросе, зафиксирована в третьей гуппе - среди респондентов среднего возраста (40-49 лет) и лиц в возрасте 60 лет и старше (24.8% и 24.5% соответственно).

Если в случае первого вопроса наблюдалась определенная, хотя и неоднозначно выраженная, корреляция между уровнем образования и позицией по отношению к террору, то доля лиц, утвердительно ответивших на второй вопрос, почти одинакова в подавляющем большинстве групп респондентов, дифференцированных по уровню образования, и колеблется в пределах 25.0%-28.6%. Исключение составляет категория респондентов со средним специальным образованием, где доля выбравших положительный ответ лиц выше на 7.6%-10.2%, чем в других группах и составляет 36.8%. Это довольно интересный случай, поскольку, как правило, доля радикально настроенных и мыслящих (а в следующем разделе будет показано, что и действующих) лиц выше среди респондентов с незаконченным высшим образованием (что многократно подтверждается данными проведенного опроса), среди которых, как уже отмечалось, большинство составляют студенты.

Совершенно предсказуемо, что род деятельности существенно влияет на степень радикализма взглядов, при том что никакая корреляция не просматривается, что очень большой разброс между разными категориями и что среди близких родов деятельности наблюдается серьезные различия, тогда как между респондентами в совершенно не близких видах деятельности могут наблюдаться совпадающие уровни радикализма при ответе на данный вопрос. Так, доля лиц, считающих возможным оправдать террор на каком-либо основании, резко отличается у учащихся среднего специального учебного заведения и общеобразовательных учреждений, с одной стороны, и ремесленного училища – с другой (соответственно 20.0%, 22.7% и 37.5%). Доля таких лиц практически совпадает среди безработных лиц и ИТР (27.2% и 26.7%), среди рабочих и домохозяек (30.9% и 30.4%).

Относительно регионального аспекта можно сказать, что картина в данном случае совершенно иная, нежели при ответах на вопрос о терактах в ответ на неправовые действия властей. Там, напомним, доля

респондентов, утверительно ответивших на вопрос, практически совпадала у ереванцев и жителей Гюмри (24.0% и 24.4%), тогда как среди респондентов-жителей Ванадзора она составляла всего 10.0%.

В случае положительного ответа на вопрос о возможности оправдания террора на каком-либо основании поразительно высокий процент респондентов в Ванадзоре (44.0%), т.е. почти в 2 раза превышает процент так ответивших среди ереванцев (23.8%) и более чем в 2.5 раза – среди жителей Гюмри (17.2%). Это очень интересные и неожиданные результаты. Чтобы понять причину (или причины) столь серьезных расхождений между Ереваном, Гюмри и Ванадзором, и дать правильное объяснение и интерпретацию, необходимы дополнительные исследования. Полученные результаты не укладываются в обычные устоявшиеся представления. Ведь жители Ванадзора действительно намного более политически инертные и более спокойные и выдержанные в общественном поведении и были значительно менее вовлечены в протестные мероприятия и движения. Видимо, царившая в обществе несправедливость и отсутствие легитимных форм устранения беззакония, произвола и несправедливостей сублимировались в радикальные установки. Как видим, почти половина респондентов из Ванадзора готовы оправдать террор при определенных условиях. Столь высокий процент среди опрошенных ванадзорцев – да и вообще высокий процент среди респондентов в выборке в целом (напомним, что 27.2% всех респондентов считают возможным оправдать террор при наличии определенных оснований!) – это серьезный мессидж властям. Мы полагаем, что общество посылает недвусмысленный сигнал властям всех уровней и ветвей о том, что оно не готово бесконечно мириться с отсутствием социальной справедливости (при всей неконкретности, неопределенности, лабильности и субъективного наполнения этого понятия) и требует поддержания определенных стандартов верховенства закона и обеспечения подлинного равенства возможностей, а также социальной сплоченности и сотрудничества. В противном случае возможно оправдание различных эксцессов, вплоть до террористической деятельности - правда, напомним еще раз, в исключительных случаях.

На основе данных, полученных в ходе проведенного опроса, можно сделать вывод, что больше всего полагают возможным в исключительных случаях оправдать террор на каком-либо основании *женщины в возрасте*

16-19 лет, имеющие среднее техническое образование, являющиеся работницами и проживающие в Ванадзоре, а также *мужчины в возрасте 16-19 лет (или 50-59 лет), имеющие среднее специальное образование и в основном являющиеся на данный момент студентами вузов и проживающие в Ванадзоре*.

В наименьшей степени полагают возможным в исключительных случаях оправдать террор на каком-либо основании *женщины в возрасте 40-49 лет (или 20-29 лет), имеющие среднее образование, являющиеся служащими и проживающие в Ереване*, а также *мужчины в возрасте 60 лет и старше, имеющие среднее техническое (или высшее) образование, являющиеся пенсионерами и проживающие в Ереване.*

Обратимся теперь к данным, приведенным в Таблице 4.

Таблица 4

Корреляция ответов на вопрос *"Возможно ли оправдание террора на каком-либо основании?"* с политической и общественной активностью и установками респондентов

Политическая и общественная активность и установки респондентов	**Возможно ли оправдание террора на каком-либо основании?**			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями				
Да	37.1%	51.3%	11.7%	100%
Нет	24.2%	63.8%	12.0%	100%
Затрудняюсь ответить	29.9%	33.8%	36.4%	100%
Участие в уличных шествиях и демонстрациях, не согласованных с властями				
Да	33.5%	57.0%	9.6%	100%
Нет	24.5%	63.2%	12.3%	100%
Затрудняюсь ответить	27.9%	33.7%	38.4%	100%
Участие в протестных движениях последних лет				
Да	31.0%	55.8%	13.1%	100%
Нет	25.8%	60.2%	14.0%	100%
Готовность захватить силой орган государственной власти, если он не выполняет свои функции				
Да	33.2%	50.5%	16.3%	100%
Нет	26.3%	63.5%	10.2%	100%

Затрудняюсь ответить	22.8%	42.6%	34.7%	100%
Действия группы “Сасна црер” являются обоснованными и оправданными				
Да	35.6%	50.5%	13.8%	100%
В целом да, но с оговорками	35.8%	58.9%	5.3%	100%
Согласен с их целями, но не методами	22.5%	62.3%	15.2%	100%
Нет	15.6%	71.9%	12.6%	100%
Затрудняюсь ответить	17.9%	41.7%	40.5%	100%

Полученные опросные данные выявляют однозначную закономерность: процент оправдывающих террор в исключительных случаях на каком-либо основании значительно выше среди тех респондентов, кто лично участвовал в протестных мероприятиях, сопряженных с риском, и/или готов принять участие в действиях экстремистского характера или одобряет подобные действия, по сравнению с респондентами, кто не принимал участия в указанных протестных мероприятиях и/или не собирается принимать участие в экстремистских акциях или не одобряет их.

Следует отметить, что респонденты, которые оказались вовлеченными в массовые беспорядки, наиболее склонны оправдывать террор (37.1%). Среди тех, кто участвовал в несанкционированных властями демонстрациях и шествиях, процент лиц, считающих воможным оправдание террора, ниже, но все же значителен: практически каждый третий в данной категории респондентов (33.5%). Чуть ниже их доля среди тех, кто принимал участие в протестных движениях последних лет (31.0%). Видимо, это объясняется тем, что немалая часть этих движений носила социально-экономический характер. Вместе с тем, процент довольно-таки высок, что вероятнее всего объясняется неадекватной и неправовой реакцией властей, которые применяли непропорционально большую силу, т.е. насилие, для разгона мирных протестующих.

Так же практически каждый третий респондент среди тех, кто заявил о своей готовности захватить и удерживать силой орган государственной власти, если тот не выполняет свои функции (33.2%), и/или среди тех, кто считает действия группы “Сасна црер” обоснованными и оправданными (35.6%), считает возможным оправдание террора. Процент респондентов, оправдывающих террор, высок даже среди тех, кто согласен с целями,

которые преследовали члены группы “Сасна црер”, но не с их методами (22.5%): как следует из приведенных в **Таблице 4** данных, эту позицию разделяет практически каждый пятый в категории респондентов, которые считают действия группы “Сасна црер” обоснованными и оправданными.

* * *

Итак, можно сделать вывод, что в современном армянском обществе довольно широкое распространение получает оправдание и обоснование прямого политического или гражданского действия, реализуемого нередко вне рамок как прописанных законом правил, так и конвенциональных практик традиционного политического и гражданского общества. Постепенно происходит “рутинизация практики”, и формы протеста, ранее считавшиеся ненормативными, начинают восприниматься в качестве приемлемых, несмотря на то, что они могут носить безусловно радикальный, а то и экстремистский характер. Особенно ярко это проявляется на примере отношения к действиям группы “Сасна црер”.

И тем не менее, все это не объясняет столь широкой поддержки в плане оправдания теракта против неправовых действий властей или оправдания террора на каком-либо основании в исключительных случаях. Как представляется, проблема заключается в неверной, поверхностной интерпретации терроризма. Терроризм является проявлением идеологически и/или политически мотивированного (в том числе неизбирательного) насилия с целью запугивания, манипулирования и принуждения.

В Армении не распространены предельно агрессивные и крайние идеологии, на которых бы базировался терроризм. Более того, в Армении практически отсутствует террористический нарратив. У нас даже нет риторики терроризма. Имеется – но в совершенно узком спектре – риторика радикализма, но не крайнего экстремизма, кульминацией которого является терроризм. А ведь специалисты отмечают, что если раньше терроризм сводился к политическому насилию, то теперь терроризм представляет собой сочетание (комбинацию) как насилия, так и пропаганды в целях рекламирования и убеждения других о потенциале данной группы причинять ущерб и разрушать[56].

[56] Более подробно см.: Schmid, A. P..“Terrorism as Psychological Warfare.”*Democracy and Security*, 2005, Vol. 1(2), pp. 127-136.

В дискурсе в публичном пространстве никто не призывает к терроризму, редко – и в завуалированной форме – можно встретить оправдание насилия. А ведь чтобы быть эффективным и воздействовать на целевую аудиторию, террористический нарратив должен предложить "альтернативную форму рациональности, которая глубоко укорена в культуре и которая может использоваться для интерпретации местных событий в определенной перспективе и стратегического поощрения специфических видов личностных действий"[57].

Уровень насилия, особенно вне правовых рамок, со стороны государственных структур развращает общество, приучает его к насилию, что, кстати, проявляется и в распространении бытового насилия – в брутализации повседневной жизни социума, как сказали бы социологи. Своими действиями или бездействием власти содействовали легитимизации насилия в общественном сознании. "Нормальность" насилия укрепляет убеждение в том, что на насилие со стороны государства можно, а иногда и до́лжно отвечать насилием. Поэтому очень важно понять причины и мотивы каждого действия, которое формально и с определенной политической позиции может быть интерпретировано как теракт. Как представляется, в случае Армении, когда имеют место проявления незамедлительного или "отложенного" ответного насилия, главную роль играют чувства и ощущения беспомощности, безнадежности в плане социальных изменений, острое реагирование на социальную несправедливость, насилие и беззаконие правящей элиты. Это эмоциональный ответ на тупиковость ситуации. Именно поэтому подобные действия встречают не просто сочувственное понимание, но и поддержку, как это было в случае с группой "Сасна црер". Есть важная особенность, которая не укладывается в привычные схемы: странный терроризм, если вместо единодушного осуждения, массы выходят на улицы поддержать и защитить членов этой группы. В том числе и потому, что их действия не воспринимаются подавляющим большинством общества как террор, что подтверждается и результатами нашего опроса. Даже среди тех, кто однозначно высказался против оправдания теракта в ответ на неправовые действия властей, действия группы "Сасна црер"

[57] Corman, Steven R. "Understanding the Role of Narrative in Extremist Strategic Communication." *Countering Violent Extremism: Scientific Methods and Strategies*.Laurie Fenstermacher & Todd Leventhal (Eds.). Washington, D.C.: NSI Inc., 2011, p. 42.

обоснованными и оправданными считают 73.4%, а 20.1% так не считают (при 6.5% затруднившихся ответить).

Можно также обратить внимание и на тот факт, что у "Сасна црер" практически не было идеологии, а их требования сложно назвать политической программой. Только сейчас эта группа и ряд ее сторонников начинают вырабатывать политическую платформу. Но и она пока еще не получила адекватного оформления, и в ней пока не присутствует идеология.

Еще раз подчеркнем: "террор" в Армении в прошлые годы – это главным образом действия в ответ на неправовые действия властей. Это также реакция на злоупотребления служебным положением, коррупцию и беззакония, на некомпетентность и социальную несправедливость, на блокирование законных путей к изменению ситуации, смены власти, режима и т.д., на аномию и отчуждение и на "разрыв" социальной "ткани", что в целом представляет собой структурное насилие .

И это типично не только для Армении. Например, по мнению эспертов, в Центральной Азии "важным фактором возникновения насильственного экстремизма являются проблемы неудовлетворительного правления."[58]

Нельзя забывать и еще об одной специфике армянской ситуации – историческом аспекте, когда террор совершался как возмездие в виде физической ликвидации лиц, причастных к организации и проведению Геноцида армян (операция "Немезис") или как средство заставить мировую общественность "вспомнить" о Геноциде армян (организация "Асала"). Отличие этих действий от обычного терроризма заключается в том, что он не был направлен на устрашение и уничтожение мирных граждан и не было массового применения оружия.

Таким образом можно сказать, что в своих оценках (в том числе и по вопросу о "Сасна црер") респонденты опирались не на мировой опыт, а на армянские реалии.

В то же время следует особо подчеркнуть, что тем не менее большинство респондентов не оправдывает *допустимость* ни отдельно

[58] Omelicheva, Mariya Y.. "Terrorism/Crime Nexus in Central Asia: Implications for countering violent extremism and terrorism." *Countering Violent Extremism: Developing an Evidence-base for Policy and Practice*. (Edited by Sara Zeiger & Anne Aly). Pert, Australia: Curtin Univ., 2015, p. 52.

взятого *теракта* в ответ на неправовые действия властей, ни *террористической деятельности в целом,* ни на каких основаниях. Это не означает, однако, что они являются сторонниками и тем более защитниками существовавшего на тот момент *статуса-кво* (т.е. авторитарного, неправового и социально несправедливого государства, базирующегося на насилии), который сложился еще в 1990-х годах и укреплялся все последующие годы вплоть до мая 2018 г. В большинстве своем они поддерживают социальные и политические изменения, но реализуемые посредством иных механизмов и действий.

Пол, уровень образования и род деятельности респондентов не коррелируют с отношением к теракту, а возраст коррелируется очень слабо. Больший процент жителей Еревана и Гюмри по сравнению с ванадзорцами готовы оправдать теракт. Выявилась четкая закономерность: среди тех, кто участвовал в акциях протеста и/или занимает радикальную позицию, процент оправдывающих теракт существенно (в 2-7 раз) выше, чем среди тех, кто не участвовал и/или не занимает радикальную позицию.

Вместе с тем, более высокий процент респондентов допускает оправдание террора, но только в определенных обстоятельствах и в исключительных случаях. В то время как пол в значительной степени коррелирует с оправданием террора, факторы возраста, уровня образования и рода деятельности не коррелируют однозначно, несмотря на свою значимость. Очень высокий процент респондентов в Ванадзоре допускает оправдание террора, что почти в 2 раза превышает процент так ответивших среди ереванцев и более чем в 2.5 раза – среди жителей Гюмри. Как и в случае первого вопроса, полученные данные свидетельствуют однозначно о такой же закономерности. Респонденты, которые имеют опыт участия в протестных мероприятиях, сопряженных с риском насилия или которые были неправомерно разогнаны с применением насилия, и/или занимают радикальную позицию в плане одобрения экстремистских действий, более склонны оправдывать террор, нежели респонденты, у которых подобный опыт или подобная позиция отсутствуют.

* * *

В Армении не распространены экстремистские идеологии, на которых базировался бы терроризм и отсутствует террористический нарратив. “Террор” в Армении – это действия в ответ на неправовые действия властей, на физическое и структурное насилие и произвол.

Следует также еще раз отметить, что высказанные мнения и установки по большей части относятся к *статус-кво анте* с учетом “Бархатной революции” и в основном – инерционны. Если политические, экономические, социальные и культурные условия жизни будут существенно изменяться в направлении демократизации, то бесспорно, что отпадет даже гипотетическая необходимость не только терактов, но даже крайне радикальных и экстремистских идеологий и действий.

В противном случае, если в той или иной форме произойдет возврат к реалиям и практике прошлого режима, изучение вопросов терроризма может переместиться из теоретической в практическую плоскость. И тогда вновь приобретет актуальность мысль, высказанная в опубликованной недавно книге, в которой рассматривается ситуация в Армении до “Бархатной революции”: “Роль предохранительного клапана должна играть политическая конкуренция и легальная оппозиция. … но … преобладает тенденция к монопольному контролю над политическими институтами и превращению легальной оппозиции в несамостоятельную, карманную. В этих условиях можно ожидать усиления существующих и возникновения новых радикально-террористических движений, а также – как показал недавний пример группы “Сасна црер”, – выхода нормальных оппозиционных групп за границы правового поля. Нельзя предсказать, когда именно в Армении следует ждать [трудно прогнозируемые и неожиданные события, которые имеют значительные последствия]. Ясно одно: если плыть по течению, катастрофа непременно произойдет...”[59].

Как бы то ни было, представляется полезным дальнейшее изучение спектра данной проблематики, пусть даже ретроспективно. Например, теоретическую и практическую ценность представляло бы **изучение** *структурных мотиваторов* и *индивидуальных побудительных стимулов* к применению насилия и иных форм и методов радикально-экстремистских

[59] Варданян, Р. и Н. Алекян. *На перекрестке. Время решений*. Москва: Б.и., 2018 г., с. 108-109.

действий, *факторов риска*, *стадий и элементов процесса радикализации*, а также **разработка** *шкал* и *индикаторов* для оценки и измерения компонентов радикализации, **выявление** *эвристического потенциала* и *операционабельности* существующих концептуальных рамок[60] по изучению радикализации и **проведение** *сравнительного анализа* их эффективности.

2.2 Радикализм в современном армянском обществе: масштаб участия в протестах

В качестве сложных, многоаспектных и многофакторных социальных феноменов радикализм[61] и экстремизм проявляются в разных формах и с разной степенью интенсивности и распространенности. Они в значительной степени подпитываются "культурой" насилия. Применительно к Армении можно сказать, что такая культура была очень распространена в постсоветский период и пока еще не выкорчевана, несмотря на "Бархатную революцию" с ее ключевым принципом отказа от насилия. Упор на ненасилие как реальный метод успешной политической борьбы и социального протеста - это мощный мессидж обществу для распространения этого принципа на все сферы жизнедеятельности общества и превращения его в *modus vivendi*. То, что он уже в значительной степени трансформировал политическую жизнь страны – бесспорно. Но пока еще рано делать выводы о том, насколько он повлиял на менталитет нации в целом и сколько времени потребуется на то, чтобы он укоренился и стал главенствующим в обществе. Тем не менее, в этом направлении уже сделаны первые шаги – опять-таки благодаря "Бархатной революции".

Так, в нашем исследовании на вопрос о том, считают ли они эффективной тактику мирного протеста (в том числе гражданского неповиновения) в Армении, 39.8% респондентов ответили "бесспорно, да", а еще 37.9% -

[60] С кратким обзором ряда соответствующих теорий можно ознакомиться в докладе австралийского Центра по борьбе с терроризмом и по технологиям безопасности. См.: Nasser-Eddine, Minerva et al. *Countering Violent Extremism (CVE) Literature Review*. Edinburgh: Commonwealth of Australia, 2011, pp. 10-13.

[61] Члены экспертной групп по радикализации при Комиссии высокого уровня Евросоюза отмечают, что радикализация "подрывает мир в обществе и общие ценности". *Final Report*. High-Level Commission Expert Group on Radicalisation. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018, p. 3.

“скорее да, чем нет”. Таким образом, безусловно с учетом успешного опыта этой революции подавляющее большинство опрошенных в нашей выборке (77.7%) находят тактику мирного протеста эффективной, тогда как по мнению всего 3.1% она является однозначно неэффективной (а еще 14.6% на данный вопрос ответили “скорее нет, чем да”).

Если элита будет строго придерживаться этих правил, то учитывая ее влияние на психологию и менталитет остальной части общества, можно предположить, что последняя начнет брать пример с элиты. Более того, очень важно сознательно интегрировать принцип ненасилия во все сферы жизнедеятельности социума посредством секторальных стратегий и политики, прежде всего в социальной и образовательной сферах и в сфере культуры. Например, у альянса “Мой шаг” в предвыборной программе на выборах в Национальное Собрание (состоявшихся в декабре 2018 г.) было два очень важных соответствующих пункта: об очищении телеэфира от агрессивного контента и т.д., а также об исключении насилия со стороны силовых структур в их отношениях с гражданами. Однако, как в ходе избирательной кампании, так и в дальнейшем первый пункт не получил должного внимания со стороны общества и не стал реальным приоритетом альянса, получившего абсолютное парламентское большинство и сформировавшего правительство страны.

В рамках рассматриваемой нами тематики культура ненасилия или насилия имеет важнейшее значение, поскольку распространенность и превалирование каждой из них непосредственным образом влияет на степень радикализации сознания и поведения социальных групп, приемлемости или недопустимости экстремизма и терроризма и, соответственно, радикальных форм и методов политического и гражданского активизма, противостояния и борьбы.

Степень радикализма в обществе и радикализации отдельных социальных групп или общественности в целом может измеряться посредством разных параметров и индикаторов. Часть из них стала предметом изучения нашего исследования, осуществленного на основе социологического опроса, проведенного в апреле-мае 2018 г. в трех крупнейших городах Армении.

Среди этих параметров одно из центральных мест занимают *протестные настроения* и *действия*. Именно поэтому в рамках нашего исследования им было уделено немалое внимание. Выше мы уже

довольно подробно рассмотрели одно из важнейших проявлений вербального поведения - *отношение к терроризму*, которое представляет собой в том числе и показатель степени радикализации общества[62].

В данном разделе на основе полученных результатов указанного исследования рассмотрим *реальное протестное поведение* – масштаб и степень вовлеченности граждан в разные формы политического и гражданского протеста. Эти формы тоже ранжируются от вполне легальных и мирных до таких, которые могут рассматриваться как весьма радикальные и даже экстремистские. При всей важности изучения мнений, умонастроений, представлений, идей и намерений, оно не может заменить собой изучение того, участвовали ли охваченные опросом социально-демографические группы в конкретных протестных мероприятиях, и если да, то в каких именно и в каком масштабе. Подобное изучение позволяет выяснить в какой степени радикальные интенции материализовались посредством протестных действий. Широкая распространенность радикальных идей и намерений в обществе еще не означает, что они трансформируются в акции протеста, прежде всего потому, что реальное протестное участие связано не только с потенциальным выигрышем для протестующих и, возможно, общества в целом, но и с издержками[63]. Очень часто за подобное участие приходится расплачиваться, и если "цена" участия высока, она может сыграть роль сдерживающего фактора.

Невозможно в одном исследовании – и тем более в рамках одной главы – охватить всю палитру протестных действий в современном армянском социуме. Поэтому рассмотрим масштаб участия только в основном сегменте репертуара коллективных публичных протестных действий – *в определенных формах, которые являются каналом инструментализации социального конфликта и порождаемого им*

---

[62] Часть указанной проблематики рассмотрена также в статье: Осипов, В.Г. "Современное армянское общество и проблема терроризма: Специфика восприятия (По материалам социологического исследования". *Философия в современном мире. Материалы конференции, приуроченной к провозглашенному ЮНЕСКО Всемирному дню философии*. Ереван, 2018, с. 207-219.

[63] Интересный материал на эту тему содержится в следующей публикации: Barberà, Salvador and Matthew O. Jackson. *Model of Protests, Revolution, and Information*. Barcelona: Barcelona Graduate School of Economics, 2018 (Working Paper # 951).

протеста, - как это представлено в ответах респондентов в рамках нашего исследования.

Социальные, экономические и политические условия во все большей степени содействовали усилению протестных настроений и активизации протестных действий, приводя к делегитимации существующей власти и отодвигая на задний план конвенциональные формы гражданского и политического участия. Хотя некоторые политологи и отмечают, что протестная активность представляет собой самый эффективный способ инициирования конструктивных действий со стороны органов власти, поскольку в общественном сознании все прочнее закрепляется цепочка «проблема–протест–общественное внимание–действия властей»[64], в армянском социуме с момента приобретения независимости последнее звено цепочки не вписывалось в традиционную схему. Действия властей, как правило, были неадекватны, агрессивны и опирались на насилие и произвол. Иначе говоря, они носили контрпродуктивный характер и вместо того, чтобы обеспечить решение проблем, усугубляли положение дел и способствовали росту социального недовольства, остроты социального противостояния и негативного отношения к себе[65].

На протяжении целого ряда лет было очевидно, что в обществе накопился определенный *протестный потенциал* – поскольку

[64] См.: Никовская, Л. И. "Гражданское общество и протесты: Что за ними стоит?" *Мониторинг общественного мнени*я. М., 2012, № 4 (110), с. 11.

[65] В ходе проведенного организацией "Center for Insights In Survey Research" в октябре 2018 г. в Армении опроса по общенациональной выборке, отвечая на вопрос какие самые крупные провалы были у прежнего правительства, значительная часть респондентов отметила прежде всего коррупцию (40%) и грабеж населения (22%), а также монополии (11%), нарушения прав человека (9%), бедность (8%) и злоупотребление властью (6%). При этом к числу наибольших успехов новой власти респонденты отнесли снижение коррупции (37%), демократию (20%), свободу слова (9%), восстановление справедливости (9%) и равенство всех перед законом (8%). Показательно также и то, что подавляющее большинство респондентов основными задачами нового правительства на ближайшие 6 месяцев указали создание новых рабочих мест (35%), решение социально-экономических проблем (24%), увеличение пенсий (16%) и зарплат (14%) и и приостановление роста цен (9%), а также борьбу с коррупцией (10%). Иначе говоря, приоритетом для подавляющего большинства респондентов становится улучшение социально-экономического положения, поскольку по их мнению проблем со свободой слова и с правами человека в целом уже нет, хотя при этом 6% отметили необходимость установления демократии, а 5% - установление справедливости. См.: Public Opinion Survey: Residents of Armenia. Washington, DC: IRI, 2018, pp. 8, 5 and 7 (https://www.iri.org/sites/default/files/2018.11.23_armenia_poll.pdf).

периодически общество бурлило и он проявлялся в виде более или менее массовых, принимавших ту или иную форму, протестов против авторитарного, экономически и социально неэффективного и бесперспективного режима[66]. Вместе с тем, на наш взгляд, важен политический, социальный и институциональный контекст (иначе говоря, рассмотреть, какова реакция общества, властей, силовых структур на протесты). Хотя режим был недемократическим с постоянным усилением авторитарных характеристик, все же он не был тоталитарным. Акции протеста, как правило, жестко не пресекались. Поэтому какое-то социальное пространство для протеста было. Однако, то, что проявлялось и было на поверхности – это лишь "верхушка айсберга" протестного потенциала армянского общества, ведь он реализовывался в протестных действиях и движениях неполностью. Вместе с тем трудно однозначно оценить риски участия в них. Иногда риски были незначительные, иногда – с серьезными последствиями для протестующих, включая насилие, политические преследования, увольнение с работы и другие разного рода формы притеснений и гонений и т.д. Тем не менее, в последние годы быстрыми темпами шло наращивание не только протестного потенциала, но и интенсивности и масштабов его актуализации и радикализации[67].

[66] Очень точная характеристика подобных режимов, которая позволяет также лучше понять причины и логику событий апреля-мая 2018 г. в Армении, дана в работе Л.И. Никовской: "(…) предпочитая режим политического монолога, административного приказа, окрика или просто умолчания, … правящая элита вносит существенный вклад в снижение гибкости и адаптивности созданной политической системы. Вызовы внешней среды (природные или социальные катаклизмы, кризисы, революции) в условиях ригидности такой политической системы могут привести к коллапсу всех политико-властных институтов. Но самое худшее, это когда альтернатива, выраженная в виде уличного, внесистемного протеста, начинает апеллировать именно к внесистемным методам воздействия на оглохшую к сигналам общества политическую власть". Никовская, Л. И. "Гражданское общество и протесты: Что за ними стоит?" *Мониторинг общественного мнения.* М., 2012, № 4 (110), с. 11.

[67] Незадолго до событий апреля 2018 г., которые не только застали врасплох власти, практически весь политический класс и подавляющее большинство "политологов" и политических комментаторов, но и оказались неожиданными для большей части населения, и когда казалось, что ничто уже не предвещало столь драматического развития событий, некоторые внимательные исследователи и наблюдатели современной армянской жизни предупреждали о высокой вероятности подобного сценария. Так, Рубен Варданян и Нунэ Алекян в свой книге отмечали: "Сегодняшняя Армения похожа на перегретый паровой котел. Все попытки сохранять существующее положение силовыми методами дают краткосрочный эффект и лишь усиливают общее недовольство. Рано или поздно котел взорвется, и последствия взрыва будут непредсказуемыми, в худшем случае – катастрофическими." Варданян, Рубен и Нунэ Алекян. *На перекрестке. Время решений*. Москва: Б.и., 2018, с. 108-109.

Выяснилось, что при определенных условиях и при действии определенных факторов число участников протестных мероприятий, а также масштаб последних может возрастать в разы, а в ходе "Бархатной революции" - даже в десятки, а иногда и в сотни раз. Именно в ходе этой революции (в апреле-мае 2018 г.) можно было воочию убедиться, каков на самом деле накопившийся протестный потенциал[68].

Следует особо подчеркнуть, что наиболее массовые протестные движения и мероприятия были инициированы не политическими силами, а формальными и неформальными структурами гражданского общества, что объясняется недоверием широких социальных слоев к политическим структурам как части истеблишмента, тогда как упомянутые движения были по своему характеру антиэлитистскими, что усиливало их мобилизационный потенциал и в то же время приводило к экстернализации их роли механизма политической социализации.

Проведенное исследование совершенно случайно оказалось уникальным, поскольку хронологически совпало с судьбоносными и в интересующем нас плане даже эпохальными событиями и тем самым позволило с беспрецедентно высокой степенью достоверности выявить как масштабы участия в разных формах протеста, так и упоминавшийся выше накопленный протестный потенциал. Помимо гарантий конфиденциальности ответов, респонденты отвечали откровенно еще и потому, что в сложившихся новых социально-политических условиях риск гипотетических негативных последствий был абсолютно исключен. Иначе говоря, данное исследование дало возможность получить почти полную картину того, какая часть граждан и в какой степени была вовлечена в те или иные акции и движения социального и политического протеста, а также получить определенное представление (отталкиваясь от вербального поведения респондентов) о масштабах наличия в обществе потенциальных "активистов", т.е. тех, кто мог бы и, возможно, при определенных условиях будет участвовать в протестах, а также о том, какая часть населения является пассивной и инертной в плане такого участия, особенно в протестных акциях политического характера, т.е. определить, какую долю составляют те граждане, которые не только не участвовали, но и никогда, по их мнению, не будут участвовать в протестах.

Прежде чем подробно рассмотреть целый ряд аспектов протестного гражданского и политического участия различных социально-

[68] "8 мая [2018 г. – В.О.], на Площади Республики [г. Еревана – В.О.] состоялся массовый митинг, в котором участвовало по самым скромным подсчетам около 150 тысяч человек". Григорян, Степан. *Армянская бархатная революция*. Ереван: Эдит принт, 2018, с. 31-32.

демографических групп современного армянского общества, имеет смысл сравнить сопоставимые данные по участию респондентов в целом, полученные в результате проведенного в 2011 году World Values Survey[69] и нашего исследования (в 2018 г.).

Таблица 1

Сравнение масштабов ряда форм протестного гражданского и политического участия в армянском обществе в 2011 г. и 2018 г. (в %)

Форма и год протестного участия	Принимал (а) участие	Мог (могла) бы принять участие	Никогда не буду принимать участие	Итого
Подписание коллективных петиций				
2018 г.	26.9	38.6	34.5	100%
2011 г.	6.5	18.9	74.6	100%
Участие в мирных/санкционированных (разрешенных)[70] демонстрациях				
2018 г.	33.4	31.7	34.9	100%
2011 г.	8.4	14.0	77.6	100%
Участие в пикетах/бойкотах				
2018 г.	18.3	32.1	49.6	100%

[69] http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp

[70]Строго говоря, речь идет о *НЕЗАПРЕЩЕННЫХ* демонстрациях (митингах, собраниях, шествиях и т.д.). Несмотря на проблематичный (и по мнению многих правозащитников недемократичный) характер ряда положений Закона Республики Армения "О свободе собраний" (http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4123&lang=rus), который был принят Национальным Собранием РА 14 апреля 2011 г. (и который пришел на смену Закону РА "О порядке проведения собраний, митингов, шествий и демонстраций" от 28 апреля 2004 г.) и тем более предлагаемых в дальнейшем (особенно в 2017 году) прошлыми властями изменений и дополнений к данному закону (направленных по существу к ограничению права граждан на мирные собрания, митинги и шествия), в нем отсутствует положение о необходимости получения разрешения на подобные мероприятия. Речь идет лишь о необходимости уведомления о намерении провести такое мероприятие – и то не во всех случаях (исключение составляют спонтанные собрания, неотложные собрания и собрания, в которых принимают участие менее 100 человек и т.д.). Тем не менее, в определенных случаях собрания и т.д. могут быть запрещены. Термин "разрешенные" демонстрации (шествия и т.д.), как и аналогичный термин "запрещенные", использовались в анкете в широком смысле для облегчения понимания респондентами.

2011 г.	1.9	9.4	88.6	100%
Участие в других актах протеста / в несанкционированных демонстрациях				
2018 г.	27.2	----[71]	64.2	100%
2011 г.	2.4	12.9	84.7	100%

Приведенные в **Таблице 1** данные однозначно свидетельствуют о многократном росте масштабов *реального* (в четыре раза по первым двум позициям, почти в 10 раз по третьей позиции и 13 раз по четвертой позиции) и *потенциального* (в два раза по первым двум позициям и почти в 3 с половиной раза по третьей позиции) *участия* граждан в четырех формах гражданского и политического протеста в течение семи лет. Эти данные позволяют констатировать, что масштаб участия в протестных демонстрациях (согласованных с властями или несанкционированных последними) в Армении соответствуют уровню ряда развитых европейских стран. Так, по данным проведенного в 2014 году международного опроса, в Швеции участие в демонстрациях протеста приняли 29% респондентов, а в Испании, Франции, Бельгии, Германии, Дании и Исландии масштаб участия составлял от 30% до 49%[72].

Устойчивый рост протестных акций, движений и настроений опирался на аккумулированный многомерный и противоречивый, в основном не совсем удачный, но поучительный опыт, в рамках которого прошла апробация и выявление эффективности арсенала разнообразных подходов, методов и средств прямого действия.

Нельзя не заметить, что без преувеличения феноменальный рост масштабов реального участия приходится именно на наиболее конфронтационные и радикальные формы протеста из данного списка. Можно предположить, что в 2018 году масштаб участия по указанным индикаторам достиг пиковых значений и что подобная активность в последующие годы будет существенно ниже, что в принципе уже и наблюдается в постреволюционный период.

Обратимся теперь к данным нашего исследования, которые отражают масштаб реального и потенциального участия респондентов в разных

[71] В данном вопросе 8.6% респондентов затруднились ответить.

[72] См.: Wennerhag, Magnus. “Patterns of protest participation are changing.” *Sociologisk Forskning*, Volume 54, № 4, pp. 347-348.

формах политического и гражданского протеста. В **Таблице 2** приведены данные по интересующим нас восьми основным формам протеста, которые составляют лишь часть широкого диапазона протестного индивидуального, группового и массового поведения. Поэтому нижеуказанный список далеко не является исчерпывающим.

Хотя взятая по отдельности каждая из указанных форм отличается от других своими специфическими, характерными чертами, вместе с тем некоторые из них нередко могут совмещаться, пересекаться, частично перекрывать друг друга, налагаться друг на друга, одна форма может перерастать в другую или включать ее в себя и т.д. Иначе говоря, это не строгая классификация, исходящая из единого логического основания, но перечень основных предпочтительных форм массового протеста, многократно примененных в Армении в последние 20-25 лет и представляющих собой определенный спектр экстернализации протестного потенциала современного армянского общества - от вполне легальных и мирных до таких, которые могут интерпретироваться как радикальные, а в некоторых случаях – даже как экстремистские.

Таблица 2

Масштаб участия респондентов в разных формах политического и гражданского протеста (в %)

Форма протеста	Принимал (а) участие	Мог (могла) бы принять участие	Никогда не принимал(а) участия	Затрудняюсь ответить	Итого
Граффити политического или идеологического характера	**0.7**	**----***	**93.0**	**6.3%**	**100%**
Подписание коллективных петиций	**26.9**	**38.6**	**34.5**	**----***	**100%**
Участие в разрешенных демонстрациях и шествиях	**33.4**	**31.7**	**34.9**	**----***	**100%**
Участие в несанкцио-нированных демонстрациях и шествиях	**27.2**	**----***	**64.2**	**8.6%**	**100%**
Участие в запрещенных собраниях (протестных мероприятиях)	**15.2**	**25.5**	**59.3**	**----***	**100%**
Участие в протестных движениях последних лет	**27.4**	**----***	**72.6**	**----***	**100%**
Участие в митингах перед правительствен-ными и иными государственными учреждениями (пикеты и т.д.)	**18.3**	**32.1**	**49.6**	**----***	**100%**
Участие в массовых беспорядкахв ответ на несогласие с властями	**19.7**	**----***	**72.6**	**7.7%**	**100%**

***** Этой опции ответа на данный вопрос не было**.**

Граффити политического или идеологического характера являются наименее интенсивной и радикальной формой протеста в данном списке, поскольку она, как правило, анонимна. В недавнем прошлом эта форма политического и социального протеста была очень популярна во многих странах, а в настоящее время она распространена в основном в странах с

тоталитарными и жестко авторитарными режимами. Будучи частью "уличного искусства", граффити дает возможность услышать "голос безгласных", которые "используют стены как микрофон для выражения своих политических и социальных взглядов"[73]. Граффити также нередко рассматривается в контексте искусства, выступающего в качестве формы политического сопротивления[74].

В Армении появление граффити было скорее данью моде, способом самоутверждения или художественного самовыражения или художественной самореализации молодыми людьми, чем способом "доставки" политического мессиджа, в том числе и потому, что в глазах многих граждан граффити символизирует вандализм, девиантное поведение, а не искусство или форму политического протеста. Эта форма иногда реанимировалась при ограничениях или гонениях на оппозиционные СМИ или при необходимости быстро и впечатляюще донести свои лозунги до широких слоев населения посредством броских рисунков и/или надписей, нанесенных на стены зданий, заборы и ограды, тротуары, общественный и грузовой транспорт и т.д. Это наблюдалось и в ходе "Бархатной революции", когда применялись слоганы и рисунки, воспроизводимые с использованием трафаретов.

Вместе с тем, метод граффити уже не столь популярен, как раньше, тем более в Армении. Он не может конкурировать с менее технически и логистически сложными, менее трудоемкими и менее связанные с рисками и в то же время более оперативными, финансово и технически доступными, влиятельными и эффективными ресурсами, имеющими значительно больший информационный, агитационный, творческий и мобилизационный потенциал и предоставляемыми интернетом, прежде всего – социальными сетями, которые активно применяются молодежью. Неудивительно, что всего 0.7% респондентов в нашей выборке когда-либо рисовали граффити идеологического или политического характера.

---

[73] Freedman, Emma. "Giving aVoice to the Voiceless: Street Art as a Form of Political Protest."*Panorama. Scholarly Platform*. 26 April 2016.https://www.panoramas.pitt.edu/art-and-culture/giving-voice-voiceless-street-art-form-political-protest

[74] Более подробно см., например, Waldner, Lisa K. and Betty A. Dobratz. "Graffiti as a Form of Contentious Political Participation."*Sociology Compass*.Volume 7, issue 5, 2013, pp. 377-389.

Если отвлечься от использования граффити, которое не просто является наименее популярной формой протеста в Армении, но, вероятно, уже и не воспринимается в массовом сознании в качестве такового, то остальные формы протеста по масштабу вовлеченности в них респондентов, условно можно разделить на 3 группы.

Первая группа – это четко выделяемый "лидер": участие в разрешенных демонстрациях[75] и шествиях. 33.4% респондентов, то есть практически каждый третий, имел опыт такого участия. Еще почти одна треть опрошенных могла бы принять участие в подобных разрешенных мероприятиях. Хотя, строго говоря, невозможно точно определить какая часть этих респондентов и как часто участвовала в мероприятиях, носивших исключительно конфронтационный, радикально протестный характер, тем не менее, очевидно, что значительная часть. Это подтверждается и ответами на ряд сопутствующих вопросов, которые условно отнесены ко второй и третьей группам. Столь высокий процент реальной и потенциальной вовлеченности свидетельствует о высоком уровне политической и гражданской активности жителей страны и о высокой степени политизированности армянского социума в последние годы. Он также является еще одним, хотя и косвенным, подтверждением наличия протестного потенциала в обществе.

Во вторую группу входят три формы протестных действий:

(i) Подписание коллективных петиций;

(ii) Участие в несанкционированных демонстрациях и шествиях;

(iii) Участие в протестных движениях последних лет.

По масштабу участия эти формы хотя и уступают "лидеру", но весьма незначительно и к тому же являются более радикальными. Из приведенных в **Таблице 2** данных следует, что в каждой из этих форм участие принимали, как минимум, четверть опрошенных, что служит еще одним прямым доказательством наличия гражданской и политической активности и протестного потенциала в обществе и значительной политизированности последнего.

[75] Исследователи указывают, что демонстрации обладают 4 функциями: (1) убеждение, (2) выражение (негативных) эмоций, (3) консолидация и (4) коммуникация. Подробнее см.: Casquete, Jesus. "The power of demonstrations." *Social Movement Studies*. 2006, Vol. 5, Issue 1, pp. 45-60.

Довольно неожиданным результатом оказалась определенная популярность **коллективных петиций** (в эту категорию входят также требования, жалобы и т.д.), особенно с учетом как реального, так и потенциального участия (в совокупности охватывая две трети респондентов), поскольку эта форма, как правило, появлялась спорадически, реализовывалась в ограниченном масштабе, недостаточно рекламировалась и неэффективно координировалась. Особенно плохо обстояли дела с обратной связью, так как организаторы подобных инициатив редко информировали общественность о ходе процесса, последующих шагах и итогах "кампаний". Максимум, чего удавалось достигнуть, - это вызвать общественный резонанс и то только в том случае, если инициативами заинтересовались СМИ. Вероятно, столь относительно широкая распространенность участия респондентов в подписании петиций объясняется главным образом практически полным отсутствием риска для подписантов, чего нельзя сказать о сборщиках подписей. По крайней мере, случаи преследования лиц за подписание петиций, если и имели место (что мало вероятно), то не стали достоянием общественности. Да и властным структурам петиции (особенно если они не носили персонифицированного характера) не доставляли особых хлопот в отличие от массовых мероприятий и акций.

Некоторые политологи и социологи не считают подписание петиций протестным действием, поскольку это является "фундаментальным демократическим правом и ортодоксальной политической деятельностью"[76]. С этим мнением трудно согласиться, поскольку практически все формы ненасильственного протеста являются фундаментальными демократическими правами, причем зафиксированными в национальном законодательстве и в международно-правовых нормах. От этого они не перестают быть формами политического, гражданского или социального протеста.

Участие в **несогласованных** с властями демонстрациях и шествиях *необязательно являлось* нарушением закона (например, спонтанные собрания, неотложные собрания и собрания, в которых принимают участие менее 100 человек) или *носило* конфронтационный характер. В

[76] См., например, Russell Dalton, Alix van Sickle and Steven Weldon. "The Individual–Institutional Nexus of Protest Behaviour."*British Journal of Political Science*, 2009, p. 12, fn 41.

основном это были мероприятия, которые проходили без уведомления местных властей. Если они проходили мирно и в них не участвовало большое число граждан и в целом не создавали особых проблем для власти своими действиями, идеями и призывами, то правоохранительные органы, как правило, не вмешивались и не препятствовали их проведению. Следует, однако, заметить, что центральные и местные власти в эти годы проводили политику постепенного ограничения права граждан на собрания и поэтому "согласовывать" их проведение организаторам становилось все сложнее. Речь, разумеется, не идет о провластных партийных, квази-общественных и иных структурах, для мероприятий которых всегда был дан "зеленый свет" и не было никаких ограничений.

Протестные движения периодически возникали в Армении, начиная с 1996 года, но, как правило, носили ограниченный и кратковременный характер. Особый размах (укажем лишь основные) они получили в 2013 г. (например, движение против повышения тарифов на проезд в общественном транспорте), в 2015 г. ("Электрик Ереван" - движение против повышения тарифов на электроэнергию), в 2016 г. (движение в поддержку группы "Сасна црер") и в 2018 г. (движение "Мой шаг", которое переросло в "Бархатную революцию"). Протестные движения 2013-2016 гг., наряду с акциями протеста в период с 2011 по 2018 гг., сыграли важную роль в подготовке "Бархатной революции", поскольку послужили школой выявления эффективных методов мобилизации широких слоев общества, уличной борьбы и ведения переговоров, а также проверки организационных и личностных качеств лидеров и активистов и предоставили возможность осмыслить полученный опыт и извлечь уроки из побед и поражений.

Что же касается непосредственных результатов протестных движений, то до весны 2018 г. движения политической направленности не имели успеха и, как правило, жестко подавлялись с применением всего арсенала обширного репрессивного аппарата, созданного авторитарной властью. А это приводило к тому, что каждое последующее движение становилось более радикальным – если не по методам, то по риторике и целям, и что перспектива появления экстремистских движений становилась все более реальной. И события второй половины июля 2016 года являются однозначным отражением этой динамики.

Движения социально-экономического характера в целом были более успешны, так как власти были более склонны идти в данных вопросах на определенные уступки. Вместе с тем, достигнутые компромиссные соглашения в большинстве случаев носили временный характер и редко соответствовали целям, выдвигаемым протестными движениями.

Следует также отметить, что те респонденты, которые принимали участие в протестных движениях последних лет, отдавали безусловный приоритет движениям политической направленности (50.7%). Следующими по популярности были движения социально-экономической направленности (31.0%), за которыми со значительным отрывом следовали движения смешанного типа (17.2%) и на последнем месте были экологические движения, на долю которых пришлось всего 1.1%.

Иная картина складывается по результатам ответов тех респондентов, которые хотя и не принимали участия в протестных движениях, но сочувствовали им и разделяли их позицию. Среди этой категории опрошенных наибольшей популярностью пользовались социально-экономические движения (40.8%), а политические движения оказались на втором месте (30.4%). На долю движений смешанного типа пришлось 19.7%, а экологическим движениям сочувствовали и их позицию разделяли 6.2% респондентов данной группы.

Третья группа объединяет следующие формы протестных действий:

(i) Участие в митингах перед правительственными и иными государственными учреждениями (пикеты, бойкоты и т.д.);

(ii) Участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями;

(iii) Участие в запрещенных собраниях (протестных мероприятиях).

Хотя по выбранному нами критерию - масштабу участия респондентов - эти три формы протестных действий объединены в одну группу, первая из них – участие в митингах перед правительственными и иными государственными учреждениями – по другим параметрам существенно отличается от последующих двух. Весь спектр таких протестных мероприятий, как митинги, демонстрации, пикеты и бойкоты и т.д. перед правительственными и иными государственными учреждениями, для краткости назовем пикетами. Конечно, в ходе любых массовых протестных мероприятий могут происходить инциденты, столкновения, акты насилия и т.д., но в целом пикет – это действие, протекающее в рамках закона. Он предполагает мирный процесс противостояния,

представления требований и последующих переговоров и в условиях Армении, как правило, носит весьма ограниченный и кратковременный характер как в плане целей, так и интересов и групп участников. Пикет скорее нацелен на поиск диалога и на достижение взаимопонимания и компромисса, нежели на конфронтацию и на эскалацию социального конфликта. Тем не менее, пикет потенциально, а нередко и реально, содержит в себе элементы радикализма, особенно если он является частью более широкой протестной кампании или сочетается с другими формами массового протеста. В нашей выборке почти каждый пятый респондент участвовал в пикетах перед правительственными и иными государственными учреждениями.

Две другие формы - участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями и участие в запрещенных собраниях (протестных мероприятиях) – по определению выходят за рамки правового поля, сопровождаются актами насилия или угрозами или большой вероятностью применения насилия. Эти формы протеста бесспорно более радикальны и конфронтационны, в значительной степени более сопряжены с риском для их участников, нежели остальные формы, и характеризуются повышенным уровнем вероятности агрессивных действий и экстремистских проявлений, насилия и столкновений. Неудивительно поэтому, что доля респондентов, принимавших в них участие, ощутимо ниже (в полтора раза и более), чем в случае остальных форм. Тем не менее, практически каждый седьмой респондент принимал участие в запрещенных протестных мероприятиях (еще одна четверть респондентов могла бы принять участие), а каждый пятый участник опроса участвовал в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями. Именно подобного рода мероприятия становились объектом особо жесткого, а нередко и жестокого противодействия правоохранительных органов. Это в свою очередь приводило к повышению градуса противостояния, расколу в обществе, делегитимации власти, поляризации позиций, фрагментации политического поля, а также маргинализации конвенциональных форм гражданского и политического участия. Следует отметить, что в отличие от многих стран протестные движения в Армении носили мирный характер. Беспорядки, насилие и столкновения провоцировались или инициировались

правоохранительными органами, несмотря на то, что действия протестующих, как правило, не выходили за рамки правового поля.

Данные нашего опроса свидетельствуют о том, что в последние 7-8 лет произошла значительная радикализация армянского социума. Так, оставляя в стороне граффити и петиции (как опосредованные и "бесконтактные" формы протеста), выясняется, что 45.3% респондентов принимали участие хотя бы в одной из остальных 6 форм протестов, реализуемых посредством прямого действия и концентрирующих в себе потенциал радикального протеста и перспективу его трансформации в акции экстремистского характера.

Неудивительно, что подобное поведение резонирует с умонастроениями значительной части общества и подпитывается ее поддержкой и одобрением. Так, на вопрос, следует ли оппозиции больше применять методы прямого действия (напомним, что речь идет о периоде до "Бархатной революции" и об оппозиции авторитарному режиму), утвердительно ответили 58.5% всех опрошенных, тогда как всего четверть репондентов (24.7%) ответили отрицательно (а 16.8% затруднились ответить).

Несмотря на возможные позитивные последствия радикальных протестов, последние дорого обходятся обществу по многим параметрам, поскольку это весьма затратная форма социального взаимодействия и коммуникации.

Рассмотренные выше данные являются одномерными распределениями, охватывают всю выборку в целом и тем самым отражают обобщенное мнение всех опрошенных лиц. Таким образом, это - усредненное мнение. Для более углубленного анализа обратимся к двумерным распределениям, что позволит сопоставить и сравнить ответы респондентов, сгруппированных последовательно в рамках одной из четырех социально-демографических характеристик (пол, возраст, уровень образования и город проживания). И по мере возможности дополним их данными по трехсторонним корреляциям.

В **Таблице 3** сведены в едином формате корреляции ответов респондентов на вопрос об участии в разных формах протеста с их социально-демографическими характеристиками. Рассмотрим их применительно к каждой из представленных выше форм политического и гражданского протеста за исключением граффити.

1. *Участие в разрешенных демонстрациях и шествиях*

Как свидетельствуют приведенные в **Таблице 3** данные, респонденты-мужчины и женщины проявили полное единодушие в ответах на данный вопрос. Небольшая разница не выходит за рамки статистической погрешности. Как среди мужчин, так и среди женщин, одна треть респондентов (34.4% и 32.6% соответственно) принимала участие в разрешенных демонстрациях и шествиях, еще одна треть (30.6% и 32.6% соответственно) заявила, что могла бы принять в них участие, тогда как остальная треть (35.0% и 34.8% соответственно) не только не принимала участия, но и не собирается участвовать в них и в будущем.

Данные по возрастным группам, представленным в **Таблице 3**, свидетельствуют о том, что среди молодежи в возрасте до 29 лет наиболее высокий процент лиц, принимавших участие в разрешенных демонстрациях и шествиях: от 40.0% до 44.2%. У двух следующих возрастных групп величина значения совпадает с усредненным показателем и тем самым возрастные группы от 30 до 59 лет занимают промежуточное положение. В них в указанных мероприятиях участие принимали порядка одной трети (от 30.8% до 36.0%). При этом у возрастной группы от 50 до 59 лет активность незначительно повышается.

Наименьший процент – среди респондентов в возрасте от 60 лет и старше: 21.2%, т.е. налицо поколенческий разрыв, но неудивительно, что лица фактически пенсионного возраста менее всего активны. Полученные результаты весьма предсказуемы. Хорошо известно, что молодежь более активна и более радикально настроена, нежели лица среднего и старшего возраста.

Данные нашего исследования демонстрируют, что участие в рассматриваемой форме гражданского или политического протеста однозначно не зависит от уровня образования. Практически одна треть принимала участие: от 31.3% до 32.1% в случае лиц с базовым (9-летним), полным средним и высшим образованием и несколько более высокий процент (36.1%-36.2%) среди лиц со средним техническим или специальным образованием. Единственное исключение составляет группа лиц с незаконченным высшим образованием, где процент участвующих в два раза выше (64.3%), чем среди остальных групп.

Можно предположить, что среди этой категории лиц значительную часть составляют студенты, которые традиционно являются одной из наиболее активных социально-демографических протестных групп.

Существенные различия в степени участия респондентов наблюдаются в зависимости от города их проживания. Самый низкий уровень участия в разрешенных демонстрациях и шествиях был зафиксирован в Гюмри (13.6%), а самый высокий – в Ереване (47.2%). Промежуточное положение занимает Ванадзор, где уровень участия ниже чем в Ереване почти в два раза (25.6%) и почти в два раза выше, чем в Гюмри.

Использование трехмерок позволяет выявить или уточнить социально-демографические подгруппы, которые наиболее активны в плане участия в указанной форме протеста. Так как женщины и мужчины имеют в данном случае практически одинаковый уровень активности, то различия наблюдаются внутри разных групп мужичн и женщин.

Итак, *наиболее активны женщины жительницы Еревана в возрасте 20-29 лет, имеющие полное среднее или неполное высшее (в основном студентки) образование. Среди мужчин – жители Еревана в возрасте 16-29 лет, имеющие среднее специальное или неполное высшее (в основном студенты) образование*.

В свою очередь, *наименее активны как женщины, так и мужчины со средним образованием, в возрасте 60 лет и старше и проживающие в Ванадзоре*.

2. *Подписание коллективных петиций*

Как свидетельствуют приведенные в **Таблице 3** данные, среди респондентов-мужчин несколько выше, нежели чем среди женщин, процент тех, кто подписывал петиции (28.3% и 25.7% сооветственно).

При этом, процент тех, кто мог бы подписать петицию, практически совпадает у обоих полов (38.2% и 38.9% соответственно), а процент тех, кто не подписывал и не будет подписывать - почти совпадает (33.5% и 35.3% соответственно), т.е. разница – в пределах статистической погрешности. Иначе говоря, сколько-нибудь существенной разницы в поведении респондентов-женщин и мужчин не просматривается.

Согласно данным опроса, возраст респондентов не коррелируется однозначно с их участием в подписании протестных петиций. Отсутствие закономерностей не позволяет понять почему, например, респонденты в

возрасте до 16 лет являются группой наиболее активно вовлеченной в этот процесс (40.0%), тогда как наименее активной является категория лиц в возрасте 60 лет и старше (22.1%), а также в возрасте 30-49 лет (≈ 24.0%). Или если молодежь более склонна поддержать протест такого рода (33.5% молодых людей в возрасте 20-29 лет), то почему процент "подписантов" выше среди лиц в возрасте 50-59 лет (29.3%), нежели среди лиц двух непосредственно предшествующих им возрастных групп и даже среди 16-19-летних (26.2%)?

Приведенные в **Таблице 3** данные также свидетельствуют о том, что участие в данной форме гражданского или политического протеста совершенно не зависит от уровня образования. Так, среди респондентов с базовым, полным средним, средним специальным и высшим образованием каждый четвертый участвовал в подписании коллективных петиций (от 24.3% до 26.6%). На этом фоне своим участием выделяются респонденты со средним техническим образованием (среди них доля участия выше в полтора раза и составляет 40.3%) и особенно респонденты с незаконченным высшим образованием (57.1%). Столь высокий процент среди последней группы объясняется, по всей видимости, наличием среди них студентов – одной из самых активных социальных групп, участвующих в протестах.

Что же касается связи между городом проживания и участием в подписании коллективных петиций, то здесь, как и в случае предшествующей формы простета, "лидирует" Ереван (37.0%), но за ним в данном случае следует Гюмри (18.8%) и только потом Ванадзор (14.8%). Последние значительно отстают от Еревана: соответственно в 2 и 2.5 раза. Небезынтересно, однако, что в Ванадзоре значительно выше процент тех, кто в принципе мог бы подписать коллективную петицию (57.2%) и значительно меньше тех, кто не подписывал петиции и не собирается этого делать и в будущем (28.0%). В Гюмри это соответственно 38.8% и 42.4%. Таким образом, очевидно, что в менее крупных городах популярность коллективных петиций значительно ниже.

Таблица 3

Корреляция ответов респондентов на вопрос об участии в разных формах протеста с их социально-демографическими характеристиками

Социально-демографические характеристики	Форма протеста											
	Подписание коллективных петиций				Участие в разрешенных демонстрациях				Участие в несанкционированных демонстрациях			
	Да	Мог/ла бы	Затруд. ответ.*	Нет	Да	Мог/ла бы	Затруд. ответ.*	Нет	Да	Мог/ла бы*	Затруд. ответ.	Нет
Пол												
Мужчины	28.3%	38.2%	----	33.5%	34.4%	30.6%	----	35.0%	28.3%	----	8.7%	62.9%
Женщины	25.7%	38.9%	----	35.3%	32.6%	32.6%	----	34.8%	26.3%	----	8.5%	65.2%
Возраст (лет)												
До 16 лет	40.0%	40.0%	----	20.0%	40.0%	40.0%	----	20.0%	33.3%	----	13.3%	53.3%
16-19	26.2%	40.0%	---	33.8%	40.0%	27.7%	----	32.3%	32.3%	----	6.2%	61.5%
20-29	33.5%	31.6%	---	34.9%	44.2%	27.4%	----	28.4%	36.7%	----	9.8%	53.5%
30-39	23.3%	45.9%	---	30.8%	30.8%	39.0%	----	30.2%	25.0%	----	9.9%	65.1%
40-49	24.8%	40.4%	----	34.8%	31.7%	31.1%	----	37.3%	26.7%	----	4.3%	68.9%
50-59	29.3%	41.5%	----	29.3%	36.0%	34.8%	----	29.3%	29.3%	----	9.1%	61.6%
60 и старше	22.1%	35.6%	----	42.3%	21.2%	28.8%	----	50.0%	15.9%	----	9.6%	74.5%
Уровень образования												
Базовое (9 классов)	26.6%	37.5%	----	35.9%	31.3%	32.8%	----	35.9%	23.4%	----	14.1%	62.5%
полное сред.	25.1%	37.9%	----	37.1%	31.5%	27.2%	----	41.3%	26.9%	----	6.4%	66.7%
среднее технич.	40.3%	38.9%	----	20.8%	36.1%	37.5%	----	26.4%	26.4%	----	11.1%	62.5%
среднее специальное	25.7%	40.8%	----	33.6%	36.2%	33.6%	----	30.3%	28.3%	----	9.9%	61.8%
незаконченное высш.	57.1%	28.6%	----	14.3%	64.3%	21.4%	----	14.3%	50.0%	----	7.1%	42.9%
высшее	24.3%	39.2%	----	36.5%	32.1%	35.8%	----	32.1%	26.4%	----	9.1%	64.5%
Город												
Ереван	37.0%	29.2%	----	33.8%	47.2%	28.2%	----	24.6%	44.8%	----	4.6%	50.6%
Гюмри	18.8%	38.8%	----	42.4%	13.6%	44.4%	----	42.0%	9.6%	----	23.2%	67.2%
Ванадзор	14.8%	57.2%	----	28.0%	25.6%	26.0%	----	48.4%	9.6%	----	2.0%	88.4%

Таблица 3. Корреляция ответов респондентов на вопрос *об участии в разных формах протеста* с их социально-демографическими характеристиками (Продолжение)

Социально-демографические характеристики	Форма протеста											
	Участие в протестных движениях последних лет				Участие в пикетах				Участие в массовых беспорядках			
	Да	Мог/ла бы*	Затруд ответ.*	Нет	Да	Мог/ла бы	Затруд. ответ.*	Нет	Да	Мог/ла бы*	Затруд. ответ.	Нет
Пол												
Мужчины	28.3%	----	----	71.7%	21.4%	28.8%	----	49.8%	19.2%	----	8.9%	71.9%
Женщины	26.6%	----	----	73.4%	15.8%	34.8%	----	49.5%	20.1%	----	6.7%	73.2%
Возраст (лет)												
До 16 лет	40.0%	----	----	60.0%	26.7%	46.7%	----	26.7%	26.7%	----	13.3%	60.0%
16-19	35.4%	----	----	64.6%	21.5%	32.3%	---	46.2%	30.8%	----	7.7%	61.5%
20-29	36.7%	----	----	63.3%	24.7%	31.2%	----	44.2%	20.9%	---	7.0%	72.1%
30-39	30.2%	----	----	69.8%	16.3%	37.8%	---	45.9%	21.5%	----	8.7%	69.8%
40-49	23.6%	----	----	76.4%	20.5%	29.2%	----	50.3%	21.7%	----	5.6%	72.7%
50-59	28.7%	----	----	71.3%	18.3%	39.0%	----	42.7%	20.1%	----	10.4%	69.5%
60 и старше	13.9%	----	----	86.1%	10.1%	24.0%	----	65.9%	11.1%	---	6.7%	82.2%
Уровень образования												
Базовое (9 классов)	25.0%	----	----	75.0%	18.8%	31.3%	----	50.0%	15.6%	----	9.4%	75.0%
полное сред.	22.7%	----	----	77.3%	17.6%	29.6%	----	52.8%	18.1%	----	6.4%	75.5%
среднее технич.	26.4%	----	----	73.6%	20.8%	37.5%	----	41.7%	27.8%	----	9.7%	62.5%
среднее специальное	28.9%	----	----	71.1%	19.1%	29.6%	----	51.3%	25.0%	----	9.2%	65.8%
незаконченное высш.	46.4%	----	----	53.6%	25.0%	35.7%	----	39.3%	32.1%	----	3.6%	64.3%
высшее	32.4%	----	----	67.6%	17.9%	35.8%	----	46.3%	17.6%	----	8.1%	74.3%
Город												
Ереван	41.4%	----	----	58.6%	29.8%	28.8%	----	41.4%	23.0%	---	1.8%	75.2%
Гюмри	21.6%	----	----	78.4%	9.6%	41.6%	----	48.8%	6.0%	----	26.0%	68.0%
Ванадзор	5.2%	----	----	94.8%	4.0%	29.2%	----	66.8%	26.8%	----	1.2%	72.0%

Таблица 3. Корреляция ответов респондентов на вопрос об участии в разных формах протеста с их социально-демографическими характеристиками (Продолжение)

Социально-демографические характеристики	Форма протеста			
	Участие в запрещенных собраниях (протестных мероприятиях)			
	Да	Мог/ла бы	Затр. ответ.*	Нет
Пол				
Мужчины	17.0%	25.0%	---	58.0%
Женщины	13.8%	25.9%	---	60.3%
Возраст (лет)				
До 16 лет	40.0%	26.7%	---	33.3%
16-19	18.5%	30.8%	---	50.8%
20-29	20.0%	31.2%	---	48.8%
30-39	14.5%	29.7%	---	55.8%
40-49	16.8%	22.4%	---	60.9%
50-59	14.0%	26.8%	---	59.1%
60 и старше	7.7%	15.9%	---	76.4%
Уровень образования				
Базовое(9 классов)	18.8%	26.6%	---	54.7%
полное среднее	13.6%	24.3%	---	62.1%
среднее техническое	16.7%	22.2%	---	61.1%
среднее специальное	18.4%	27.0%	---	54.6%
незаконченноевысшее	25.0%	35.7%	---	39.3%
высшее	13.9%	26.7%	---	59.5%
Город				
Ереван	21.8%	30.0%	---	48.2%
Гюмри	8.8%	25.2%	---	66.0%
Ванадзор	8.4%	16.8%	---	74.8%

***** Этой опции ответа на данный вопрос не было**.**

В данном вопросе *доля участия наиболее высока у женщин, проживающих в Ереване, в возрасте 20-29 лет и имеющих среднее техническое или высшее образование, а у мужчин – у жителей Еревана, в возрасте 20-29 и 50-59 лет и имеющих незаконченное высшее образование. Доля участия ниже всего у женщин, проживающих в Гюмри, в возрасте 60 лет и старше и имеющих базовое образование, а у мужчин – у жителей Гюмри, в возрасте 60 лет и старше и имеющих среднее специальное образование.*

3. *Участие в несанкционированных демонстрациях и шествиях*

Как и в случае двух предыдущих форм массового протеста, практически нет разницы между участием женщин и мужчин (26.3% и 28.3% соответственно) в демонстрациях и шествиях, которые не были санкционированы властями. Разница в 2 процента находится в пределах статистической погрешности. Несмотря на то что масштаб участия ниже, чем в случае разрешенных властями демонстрациях и шествиях, тем не менее, процент участия как мужчин, так и женщин является довольно высоким. Вряд ли можно считать нормальным состояние общества, в котором, экстраполируя данные нашего репрезентативного опроса, имеются основания утверждать, что как минимум четверть граждан обоего пола участвует в подобных массовых протестных мероприятиях более радикального характера.

В данном случае молодые люди снова являются наиболее активной частью в плане участия. Группой -"лидером" в этом отношении является категория лиц в возрасте 20-29 лет (36.7%). За ней с небольшим (в 3.4% - 4.4%) отставанием следуют две группы еще более молодых людей. Довольно высокий процент участия зафиксирован у лиц в возрасте 50-59 лет (29.3%). Эта группа занимает промежуточное положение, поскольку масштаб участия лиц в возрасте 30-39 и 40-49 лет – ниже (25.0% и 26.7% соответственно). Совершенно предсказуемо, что наиболее низкий уровень участия был зафиксирован у лиц старшего возраста: всего 15.9%. В целом можно сказать, что, несмотря на небольшие отклонения, наблюдается почти однозначная зависимость масштабов участия в несанкционированных властями демонстрациях и шествиях от возраста респондентов.

Симптоматично и то, что применительно к данной форме массовых протестов уровень образования респондентов имеет еще меньшее

значение, чем в предыдущих случаях. Масштаб участия практически одинаков почти у всех категорий респондентов (на уровне 26.4% - 28.3%). Несколько ниже масштаб участия у лиц с базовым образованием (23.4%). Единственное исключение, как и в двух предыдущих случаях, - масштаб участия лиц с незаконченным высшим образованием, который почти в 2 раза выше (50.0%), чем у остальных респондентов.

Ереван и в этой форме протеста является лидером. Масштаб участия респондентов-ереванцев в протестных митингах и других мероприятиях (44.8%) более, чем в четыре с половиной раза превышает масштаб участия жителей Гюмри и Ванадзора (в обоих случаях 9.6%). Иначе говоря, если в Ереване почти каждый второй респондент принимал участие в несанкционированных властями протестных мероприятиях, то в Гюмри и Ванадзоре – всего лишь каждый десятый.

Масштаб участия наиболее высок у женщин, проживающих в Ереване, в возрасте 16-19 лет и имеющих незаконченное высшее образование, а у мужчин - у жителей Еревана, в возрасте 20-29 лет и имеющих незаконченное высшее образование. Масштаб участия ниже всего у женщин, проживающих в Ванадзоре, в возрасте 40-49 лет и 60 лет и старше и имеющих базовое образование, а у мужчин - у жителей Ванадзора в возрасте 60 лет и старше и имеющих среднее техническое образование.

4. *Участие в протестных движениях последних лет*

Как и в рассмотренных выше ситуациях, практически нет разницы между масштабами участия женщин и мужчин в протестных движениях последних лет. Особый интерес представляет тот факт, что данные по указанному участию абсолютно идентичны с данными по участию женщин и мужчин в несанкционированных властями протестных мероприятиях, таких как демонстрации, митинги, шествия и т.д. Участие в обоих случаях отметили 28.3% респондентов-мужчин и 26.6% женщин. В отличие от отдельных протестных мероприятий и акций движения носят иной характер. Они не только более продолжительны во времени, но требуют совершенно иного уровня организации, приверженности и решимости, консолидации сил и ресурсов и т.д. Более того, даже если движение выдвигает исключительно социально-экономические требования, тем не менее, внутренняя логика движений требует, как

минимум, некоторой радикализации для того, чтобы эффективно продвигать свою повестку дня, противостоять власти и даже просто чтобы преждевременно не сойти на нет. Таким образом, приведенные данные опроса свидетельствуют о весьма высоком уровне радикализации взглядов и действий как мужчин, так и женщин и о том, что женщины настроены не менее решительно, чем мужчины отстаивать социально-экономические и политические права и свободы в правовом поле, опираясь на конституционные возможности и задействуя арсенал средств исключительно мирного, ненасильственного протеста. Именно столь значительное участие женщин в протестных движениях недвусмысленно указывает на то, что социально-экономическая ситуация в стране резко ухудшалась, а нерешенные проблемы и противоречия накапливались и нарастали.

Хотя в принципе все возрастные группы принимали участие в движениях протеста, но масштаб вовлеченности отличался весьма существенно. Неудивительно, что в движениях преобладала молодежь, которая практически во всех случаях составляла костяк и авангард движений. Среди респондентов в возрасте от 15 до 29 лет участие в протестных движениях последних лет принимали от 35.4% до 40.0%. Более старшие возрастные группы им уступают в активности. Процент участия в них снижается от порядка 30% до 23%, а в случае лиц в возрасте 60 лет и старше – до 13.9%.

Интересная трансформация происходит с ролью уровня образования. Если в ранее рассмотренных формах гражданского и политического протеста уровень образования, строго говоря, не являлся дифференцирующим фактором, за исключением лиц с неполным высшим образованием (т.е., главным образом, студентов), то в случае протестных движений складывается несколько иная картина. Основная выявленная закономерность не меняется. Как и прежде, самый высокий процент участия зафиксирован среди лиц с неполным высшим образованием. Но обратившись к данным опроса, можно увидеть, что среди респондентов со средним специальным образованием (т.е. лиц, получивших серьезное профессиональное образование и квалификацию) процент участников (28.9%) выше, чем среди лиц со средним и средним техническим образованием (от 22.7% до 26.4%). А главное - беспрецедентно возрос

процент участников среди респондентов с высшим образованием (32.4%), что составляет второй результат.

Таким образом, можно констатировать, что роль профессионального, особенно высшего, образования весьма значительна в качестве фактора, стимулирующего участие в протестных движениях.

Вполне предсказуемо Ереван снова является лидером и в этой форме протеста. 41.4% репондентов-ереванцев принимали участие в протестных движениях. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на довольно высокий процент участников среди респондентов-жителей Гюмри (21.6%) и совершенно низкий процент среди респондентов-жителей Ванадзора (5.2%). Поскольку движения – не одноактные мероприятия, то вряд ли можно отнести относительно высокий процент среди гюмрийцев на счет участия в протестных движениях, проходивших в Ереване. Действительно, в Гюмри, в отличие от Ванадзора, имели место как протестные движения, поддерживающие и являющиеся составной частью движений, начатых в Ереване, так и исключительно “местные” движения, яркой иллюстрацией которой является движение протеста, вспыхнувшее в январе 2015 года после массового убийства членов семьи Аветисянов (включая детей) военнослужащим российской военной базы в Гюмри.

Следует учесть и то обстоятельство, что несмотря на то, что протестный потенциал во втором и третьем по величине городам Армении может быть был даже более значительным, чем в столице, ресурсы и другие возможности в них были намного более ограниченными. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в провинции авторитарная власть и местные князьки-феодалы (формально носящие титул губернатора или мэра) и обслуживающая их челядь более жестко все контролировали и подавляли любые проявления массового недовольства и протеста. Именно этим и объясняется относительная пассивность жителей Ванадзора, тогда как в Гюмри протестные движения были спровоцированы экстраординарными и форс-мажорными событиями и обстоятельствами.

Если попытаться дать обобщенную характеристику масштабов участия с учетом приведенных параметров, то складывается следующая картина. *Наиболее активны женщины в возрасте от 16 до 29 лет, имеющие высшее образование и проживающие в Ереване и мужчины тоже в возрасте от 16 до 29 лет и проживающие в Ереване, но имеющие*

неполное высшее образование. Наименее активны женщины в возрасте 60 лет и старше, имеющие неполное среднее образование и проживающие в Ванадзоре и мужчины тоже в возрасте 60 лет и старше, имеющие неполное и полное среднее образование и проживающие в Ванадзоре.

5. *Участие в митингах перед правительственными и иными государственными учреждениями (пикеты и т.д.)*

Еще одной формой протеста являются пикеты, митинги и демонстрации и т.д. перед правительственными и иными государственными учреждениями. Данные опроса свидетельствуют о том, что в связи с этой формой впервые наблюдается разрыв между уровнем вовлеченности мужчин (21.4%) и женщин (15.8%). Следует отметить, к тому же, что масштаб участия респондентов обоих полов в пикетах значительно ниже, чем в ранее рассмотренных формах протеста: в случае респондентов-мужчин – на 7-13 процентных пунктов, а женщин – на 10-16 процентных пунктов.

Хотя это не редкая форма протеста, но доволько специфическая. Ее организует и в ней, как правило, участвует относительно узкий круг протестующих, у которых своя, весьма ограниченная повестка дня, которой могут сочувствовать, но к которой необязательно присоединяются другие граждане. Примерами могут служить пикеты у здания Правительства, которые независимо друг от друга организовывали родители военнослужащих, погибших в мирное время, таксисты-индивидуалы, люди, у которых фактически отобрали жилье в связи со строительством Северного проспекта, или земельные участки в связи со строительством жилых и торговых комплексов (“Сады Далма” и т.д.), выпускники интернатов, которые оказались на улице без крыши над головой, бывшие сотрудники комбината “Наирит”, которым не выплатили большую задолженность по зарплате, сотрудники ряда государственных структур, которые Правительство предлагает упразднить и т.д. Соответственно, пикеты, как правило, не носили массового характера (за исключением нескольких случаев во время “Бархатной революции” (в апреле 2018 г. и пару случаев возле здания Парламента, когда возникло противостояние нового Правительства и старого Парламента в октябре 2018 г.).

Поскольку к этой специфической форме протеста прибегают группы с особыми интересами, то неудивительно, что возраст участников, как правило, не является весомым фактором. Хотя процент участников пикетов чуть выше среди молодых возрастных групп респондентов, он незначительно отличается от процента участия других групп, за исключением лиц в возрасте 60 и старше лет, у которых возможность участия ограничена в том числе и по объективным причинам.

Сказанное относится и к уровню образования. Процент участия практически всех групп располагается в узком диапазоне от 17.6% до 20.8%. Единственным исключением из этих усредненных значений является процент участия респондентов с неполным высшим образованием, который традиционно преобладает над остальными (25.0%).

Указанная форма протеста не является, мягко говоря, популярной в Гюмри и Ванадзоре (соответственно 9.6% и 4.0%), которые значительно уступают в этом плане Еревану, где почти треть респондентов принимала участие в пикетах (29.8%).

Вместе с тем следует отметить, что эта форма протеста вызывает интерес респондентов. По всей видимости респонденты видят в ней серьезный потенциал, поскольку при разбивке выборки по четырем основным социально-демографическим характеристам, в каждой подгруппе в каждой категории процент респондентов, которые не участвовали в пикетах, но могли бы участвовать, превышает процент реально участвовавших респондентов в среднем в полтора-два раза. Единственным исключением являются респонденты-жители Еревана, где эти проценты практически совпадают.

В принципе, как уже отмечалось, процент участия респондентов из разных социально-демографических групп и подгрупп в основном усреднен. Но чисто формально все-таки можно выделить, как и в случае других протестных форм, наиболее и наименее активные категории женщин и мужчин.

Масштаб участия наиболее высок у женщин, проживающих в Ереване, в возрасте 20-29 лет и имеющих среднее техническое образование, а у мужчин - у жителей Еревана в возрасте 16-29 и 40-49 лет и имеющих незаконченное высшее образование. Масштаб участия ниже всего у женщин, проживающих в Ванадзоре в возрасте 60 лет и

старше и имеющих среднее образование, а у мужчин - у жителей Ванадзора в возрасте 60 лет и старше и имеющих общее среднее и среднее специальное образование.

6. *Участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями*

Как уже отмечалось выше, участие в массовых беспорядках в ответ на несогласие с властями является самой радикальной формой гражданского и политического протеста, сопровождающейся эскалацией конфликта, столкновениями, актами насилия и произвола и полностью выходящая за рамки правового поля. Это крайне деструктивная форма социального взаимодействия и проигрышная во всех отношениях и для всех вовлеченных сторон ситуация. Тем не менее, практически каждый пятый респондент в нашей выборке принимал участие в массовых беспорядках. Подобные реалии - не просто вызывающая беспокойство статистика, но и показатель значительной радикализации общества в последние годы и назревания очень серьезного социального взрыва (одним из предвестником которого стали экстремистские действия группы "Сасна црер"), которого, к счастью, удалось избежать благодаря "Бархатной революции". Более того, среди женщин процент участвовавших в массовых беспорядках даже выше (правда, незначительно), чем среди мужчин. Чем можно объяснить подобные тенденции и проявления, ведь в целом армянский социум не склонен к массовому насилию и экстремизму? Трудно, а практически невозможно представить себе современных армянских женщин, массово воюющих на баррикадах и призывающих к такой борьбе. Ответ, на наш взгляд, кроется в том, что практически все массовые беспорядки были спровоцированы или инициированы властями, чтобы получить предлог для разгона, подавления и преследования граждан, которые использовали свои конституционные права и участвовали в легитимных формах протеста. Самые крайние проявления и трагические по своим последствиям события имели место в 1996, 2008 и 2016 годах. В меньших масштабах этот алгоритм применялся властями неоднократно, в том числе и в попытках спровоцировать насилие в ходе массовых мирных протестов в апреле 2018 г. Иначе говоря, протестующие не устраивали массовые беспорядки. Наоборот, они всячески старались поддерживать общественный порядок и действовать в конституционном поле. Как

правило, они становились невольными участниками, а точнее объектом и жертвами полицейского насилия и произвола, что потом властями демагогически именовалось массовыми беспорядками[77].

Неудивительно, что наибольший процент участвовавших в массовых беспорядках зафиксирован среди самых молодых респондентов (30.8% среди лиц в возрасте 16-19 лет и 26.7% в возрасте до 16 лет). Помимо того, что молодежь активно участвует в протестах, возможно, эти категории респондентов слишком широко трактуют понятие "массовые беспорядки" и свое участие в них. В определенной степени это относится и к другим возрастным группам. Весьма вероятно, что некоторые респонденты отождествляют массовые беспорядки с массовыми волнениями, а это два совершенно разных, хотя и пересекающихся понятия.

Что же касается других возрастных групп, то масштаб участия у них у всех (за исключением лиц в возрасте 60 лет и старше) практически одинаков (в пределах 20.1%-21.7%). Это служит, как минимум, подтверждением наличия значительного протестного потенциала в обществе, а, кроме того, означает, что подавляющее большинство

---

[77] Очень четко и подробно многочисленные случаи *неправомерного вмешательства* полиции и *задержания* мирных граждан, *провокаций*, а также *непропорционального и массового применения насилия полицейскими* при полном попустительстве властей в период до "Бархатной революции" зафиксированы и описаны правозащитными организациями. Следует упомянуть, прежде всего, авторитетную правозащитную организацию Хельсинский комитет Армении, который на протяжении многих лет проводит мониторинг митингов, демонстраций и других массовых протестных мероприятий и публикует соответствующие доклады. См., например, *Monitoring the Right to Free Assembly. 2017-2018 Armenia*. Yerevan, 2018. http://armhels.com/wp-content/uploads/2018/12/Armenia_Monitoring-assembly-report-2017-18.pdf. *Monitoring of Freedom of Peaceful Assemblies (July 2017 – June 2018). Report*. Yerevan, 2018. http://armhels.com/wp-content/uploads/2018/08/Peaceful_assemblies_monitoring_2017-2018_English.pdf. *Report on the events that occurred in the Republic of Armenia from July 17 through August 5, 2016*. Yerevan, 2016.http://armhels.com/en/publications/report-on-the-events-that-occurred-in-the-ra-from-july-17-through-august-5-2016/?fbclid=IwAR0r0xLG bCASUhf66_24yXPc1Yt5YmEkTfZmxuKVhlIi60rGp6A5Jmh801k. *Report on observations of the events that occurred and of the assemblies that were held in the Republic of Armenia in April-May 2018.* Yerevan, 2018. http://armhels.com/wp-content/uploads/2018/08/HCA-Report_2018_ENG.pdf?fbclid=IwAR1H2NiBH6aX415H9 wcuiLg8pthaz 2j4CZHCUNLq 3aIPNk6- LDLKBoKW4vg Эта тематика также отражена в их ежегодном сводном бюллетене "Наблюдатель: Права человека в Армении". *Ditord/Observer. Human Rights in Armenia*. За 2002-2018 гг. См. http://armhels.com/en/publication_category/ditord/.

респондентов, имеющих опыт такого участия, оказались вовлеченными в них непреднамеренно, помимо своей воли, и очевидно, что не планировали и, возможно, не ожидали подобного исхода мирного протеста, в котором они принимали участие. Трудно представить себе, чтобы социально и политически зрелые граждане обоего пола так массово становились активными участниками "беспорядков" и тем более – инициировали их, причем в таком же масштабе как молодые, более склонные к радикальным действиям и к поведению, связанному с рисками.

Как свидетельствуют данные опроса, уровень образования однозначно не коррелируется с участием в массовых беспорядках. Наименьший процент участников зафиксирован среди лиц с самым низким, т.е. неполным и полным средним, образованием (15.6% и 18.1%) и высшим образованием (17.6%). Процент участия ощутимо выше среди лиц со средним специальным (25.0%) и средним техническим (27.8%) и особенно – незаконченным высшим (32.1%) образованием.

Интересная картина вырисовывается при ознакомлении с данными по участию в массовых беспорядках в зависимости от города проживания респондентов. Совершенно неожиданно самый высокий процент участия наблюдается у жителей Ванадзора. Причем, это единственный случай по всем рассматриваемым нами формам гражданского и политического протеста, когда уровень их активности выше, чем среди жителей Еревана. Более того, этот уровень в четыре с половиной раза выше, чем среди жителей Гюмри. Этот факт очень сложно объяснить. Безусловно, в последние годы в Ванадзоре имели место волнения, особенно в ходе избирательных кампаний и после оглашения результатов (как правило, сфальсифицированных) выборов. Но это происходило в значительно меньших масштабах и не столь часто, как в Гюмри и тем более в Ереване. Можно предположить, что значительная часть респондентов из Ванадзора, утвердительно ответивших на вопрос об участии в массовых беспорядках, либо имела ввиду массовые волнения[78], либо принимала

[78] Возможно, неуверенностью в том, как именно охарактеризовать те протестные мероприятия, в которых они принимали участие, но которые не по их вине и инициативе в какой-то момент перестали носить мирный характер, объясняется тот факт, что значительно большой процент респондентов-жителей Гюмри затруднились ответить на данный вопрос (26.0%). Для сравнения укажем, что среди жителей

участие в протестных мероприятиях в Ереване, которые переросли в беспорядки в результате столкновения с органами правопорядка и/или силового вмешательства последних.

При более обобщенном подходе складывается не совсем четкая и несколько противоречивая картина. Итак, *наиболее активны женщины в возрасте от 16 до 19 лет, имеющие среднее техническое образование и проживающие в Ереване (и в меньшей степени – в Ванадзоре) и мужчины в возрасте от 16 до 19 лет, имеющие незаконченное высшее образование и проживающие в Ванадзоре. Наименее активны женщины в возрасте 60 лет и старше, имеющие неполное среднее образование и проживающие в Ванадзоре (и в меньшей степени – в Ереване) и мужчины в возрасте 60 лет и старше, имеющие высшее образование и проживающие в Ереване*.

7. *Участие в запрещенных собраниях (протестных мероприятиях)*

Последней из рассматриваемых нами протестных форм является участие в запрещенных собраниях (или шире: запрещенных протестных мероприятиях). Строго говоря, в соответствующем Законе[79] проводится различие между *ограничениями*, которые могут быть наложены на проведение публичного собрания[80], и собственно *запретом*[81]. Вместе с тем, по всей видимости, мало кто из протестующих знаком с этими

Еревана и Ванадзора всего лишь соответственно 1.8% и 1.2% респондентов затруднились ответить.

[79] См.: Закон Республики Армения о свободе собраний, статьи 18 и 19.

[80] В понятие "собрание" фактически включаются также демонстрации, митинги, шествия, пикеты и т.д.

[81] В первом случае основанием является непропорциональное ограничение конституционных прав других лиц или общественных интересов по причине времени, места или порядка предусмотренного собрания. При этом в Законе четко прописано, что ограничения не могут искажать цели собрания или существенным образом уменьшать его потенциальное воздействие на предпочитаемую организаторами общественную аудиторию посредством территориальной изоляции участников собрания, а также изменения времени или места проведения собрания либо приводить к фактическому запрету собрания каким-либо иным образом.

Запрет на мирное собрание (т.е. если его целью не является насильственное свержение конституционного порядка, разжигание национальной, расовой, религиозной вражды, пропаганда насилия и войны) может быть наложен только в случае его проведения в непосредственной близости от резиденций Президента, Парламента, Правительства, судов или уголовно-исполнительных учреждений (угрожая их нормальной деятельности), а также от атомной электростанции, газовых хранилищ или наземной спутниковой станции (угрожая их безопасности).

тонкостями. Участники протестов узнают о том, что их мероприятие запрещено из заявлений присутствующих на мероприятии полицейских.

Масштаб участия в запрещенных протестных мероприятиях значительно ниже, чем в других формах массового протеста вследствие того, что участники, в том числе потенциальные участники, мероприятия информированы, что они действуют вне правового поля и что полиция уполномочена их разогнать в случае неподчинения призыву разойтись. А это чревато насилием и другими нежелательными последствиями. Тем не менее, процент респондентов, имеющих опыт участия в подобных мероприятиях, все же выше, чем можно было предположить в свете чрезмерно жестких и непропорциональных действий полиции при разгоне протестных мероприятий. Следует отметить, что масштаб участия женщин ненамного уступает масштабу участия мужчин (соответственно 13.8% и 17.0%) и что практически равный процент респондентов-мужчин и женщин указали, что они могли бы принять участие в запрещенных протестных мероприятиях (25.0% и 25.9% соответственно). Полученные данные свидетельствуют о том, что в обществе накопился значительный запас социального недовольства, если каждая седьмая из опрошенных женщин имела опыт участия в подобных мероприятиях, прекрасно осознавая высокую вероятность подвергнуться физическому и психологическому насилию, репрессиям и преследованиям.

Вполне предсказуемо, что процент участников запрещенных мероприятий выше среди групп более молодых респондентов (40% в группе лиц до 16 лет и 18.5% и 20.0% в группах лиц в возрасте 16-19 и 20-29 лет соответственно, тогда как среди респондентов более старшего возраста процент участников составляет 14.0%-16.8%, а среди лиц в возрасте 60 и старше лет всего 7.7% имели подобный опыт), поскольку они настроены более радикально, а также менее склонны к компромиссам и политическому маневрированию. Среди них в целом чуть выше процент тех респондентов, которые заявили, что могли бы принять участие в запрещенных протестных мероприятиях.

В отличие от гендерной принадлежности и возраста, которые коррелируются (хотя и не совсем однозначно и последовательно) с участием в запрещенных протестах, уровень образования не является таким фактором. Иначе говоря, между ним как одной величиной и масштабом участия как второй величиной отсутствует прямая или

обратная корреляционная зависимость. Можно лишь констатировать, что наибольший масштаб участия наблюдается среди лиц с незаконченным высшим образованием, а наименьший – среди лиц с полным средним или высшим образованием. Остальные категории занимают промежуточное положение (16.7%-18.8%).

Что же касается масштабов участия в запрещенных мероприятиях респондентов в зависимости от города их проживания, то в очередной раз наибольшей процент зафиксирован среди ереванцев (21.8%), тогда как среди респондентов-жителей Гюмри и Ванадзора процент участников в два с половиной раза ниже и практически одинаков (8.8% и 8.4%). И это неудивительно, поскольку Ереван все эти годы являлся центром и основным инициатором протестов. Вероятнее всего, определенная часть респондентов-жителей Гюмри и Ванадзора принимала участие в запрещенных протестных мероприятиях в Ереване. Не случайно, на протяжении многих лет в случае обострения - в связи с протестами - обстановки в Ереване по распоряжению прежних властей перекрывались дороги, ведущие в Ереван, и прекращалось транспортное сообщение между регионами и столицей.

В целом можно констатировать, что с точки зрения масштабов участия в запрещенных протестных мероприятиях *наиболее активными были женщины в возрасте 20-29 лет, имеющие среднее специальное или высшее образование и живущие в Ереване и мужчины в возрасте 16-19 лет и 40-49 лет, имеющие незаконченное высшее образование и живущие в Ереване. Наименее активными были женщины в возрасте 60 лет и старше, имеющие среднее (незаконченное и полное) образование и живущие в Ванадзоре и мужчины в возрасте 60 лет и старше, имеющие среднее техническое образование и живущие в Ванадзоре.*

* * *

Прежде чем перейти к выводам, вкратце рассмотрим вопрос о том, коррелирует ли экономический статус респондентов с их участием в протестных мероприятиях, и если да, то в каких. В **Таблице 4** приведены соответствующие данные, полученные в ходе опроса. Следут отметить, что два ключевых параметра – “уровень дохода” респондента и “средний уровень дохода семей в стране” – не были представлены в цифровом измерении. Каждый респондент сам определял их для себя. Понятно, что

тем самым повышается степень субъективизма, так как отсутствует привязка к конкретным цифрам. Тем не менее, как правило, в обществе существует определенное представление о “среднем” уровне дохода семей в стране (так как эта тема постоянно находится в центре внимания общества и отражается не только в статистике, но также и в прессе, передачах в электронных СМИ, включая ток-шоу и т.д.), так что респонденты могли соотнести собственный доход с определенным стандартом.

Таблица 4

Корреляции участия респондентов в протестных мероприятиях с их экономическим статусом

Форма протеста	**Экономический статус респондента: уровень дохода по сравнению со средним уровнем дохода семей в стране**		
	Ниже среднего уровня	Средний уровень	Выше среднего уровня
Участие в разрешенных демонстрациях и шествиях	**37.6%**	**33.5%**	**29.2%**
Подписание коллективных петиций	**27.8%**	**27.0%**	**26.5%**
Участие в несанкционированных демонстрациях и шествиях	**27.2%**	**28.6%**	**28.3%**
Участие в протестных движениях последних лет	**25.1%**	**28.0%**	**35.4%**
Участие в пикетах	**19.0%**	**19.0%**	**17.7%**
Участие в массовых беспорядках	**25.1%**	**19.2%**	**10.6%**
Участие в запрещенных мероприятиях	**15.9%**	**14.7%**	**18.6%**

Приведенные в **Таблице 4** данные свидетельствуют о том, что в случае трех из рассмотренных выше семи протестных форм (*подписание петиций*, *участие в несанкцинированных демонстрациях и шествиях* и *участие в пикетах*) уровень дохода респондента не оказывает влияния на его участие.

Относительно *участия в разрешенных демонстрациях и шествиях*, а также *в массовых беспорядках* можно сказать, что наличиствует обратная зависимость: чем выше доход респондентов, тем в меньшей степени они вовлечены в эти формы протеста.

Прямая зависимость от уровня дохода респондентов была зафиксирована в случае *участия респондентов в протестных движениях последних лет*: чем выше доход респондентов, тем в большей степени они вовлечены в эту форму протеста.

Наконец, зависимость от уровня дохода респондентов проявляется неоднозначно в случае *участия в запрещенных мероприятиях*.

Выводы

Рассмотрение – на основе данных, полученных в ходе прикладного социологического исследования в трех крупнейших городах страны - репертуара основных для армянского социума последних лет форм политического и гражданского протеста, являющихся каналом инструментализации назревшего социального конфликта, позволяет сделать целый ряд выводов.

1. Прежде всего, следует отметить, что было выявлено наличие *значительного протестного потенциала* в современном армянском социуме и *определенного спектра его экстернализации* через предпочтительные формы массового протеста от вполне легальных и мирных до таких, которые могут интерпретироваться как радикальные, а в некоторых случаях - как экстремистские. Ярким свидетельством наличия столь внушительного протестного потенциала послужила “Бархатная революция”.

2. Современное армянское *общество довольно сильно радикализировалось* за последние годы, что подтверждается *высоким уровнем протестной деятельности*. И хотя на смену радикализму уличных действий после “Бархатной революции” пришел радикализм словесных баталий и столкновений идей и мнений (и не только в Парламенте страны), инерционность радикальной ментальности сохраняется, что может со временем усилить конфронтационные тенденции и нарушить сложившийся в обществе непростой баланс сил и

без того хрупкий консенсус относительно целей, перспектив и векторов развития.

3. В плане участия в протестных действиях *женщины не менее активны, чем мужчины*. Несмотря на сохраняющиеся проблемы в сфере гендерного равенства в армянском обществе нет принципиальной разницы между масштабами вовлеченности мужчин и женщин в рассмотренные выше формы политического и гражданского протеста. Небольшим исключением является более ограниченный масштаб участия женщин в пикетах и в запрещенных протестных мероприятиях.

4. *Возраст безусловно является немаловажным дифференцирующим фактором*. В молодом возрасте люди, как правило, более склонны к активным и радикальным действиям, менее склонны к компромиссам, имеют меньше социальных обязательств и жизненного опыта. Хотя не всегда наблюдается *отрицательное соотношение* масштабов протестной активности и возраста, тем не менее четко прослеживается закономерность *обратной зависимости* между двумя этими параметрами в случае наиболее радикальных форм протеста, таких как участие *в несанкционированных* властями митингах, шествиях и демонстрациях, *в запрещенных мероприятиях*, *в протестных движениях* последних лет и *в массовых беспорядках*. И в целом наблюдается "омоложение" акторов протестных действий. Очень высока протестная активность лиц, которые с точки зрения закона являются несовершеннолетними; более того, в глазах национального законодательства, приведенного в соответствие с международно-правовыми нормами, они являются детьми (т.е. подростки до 16 лет и в возрастной группе до 18 лет). Среди учеников старших классов средних школ и учащихся средних технических и средних специальных учреждений процент участников протестных мероприятий превышает (и, как правило, существенно превышает) процент участников таких мероприятий среди других категорий лиц по классификации рода деятельности (таких как рабочие, служащие, инженерно-технический персонал, сотрудники аппаратов управления, предприниматели и т.д.). По масштабу активности они уступают только студентам вузов, за исключением массовых беспорядков, где ученики старших классов средних школ уверенно опережают студентов.

В наше время важным источником и средством организации протестных действий, мобилизации участников и информирования

общественности о ходе акций и динамике протеста является интернет, особенно социальные сети. Именно молодежь активнее всего использует эти новые возможности.

Вместе с тем, весьма предсказуемо лица фактически пенсионного возраста оказались менее всего активны, так как участие в массовых мероприятиях предполагает длительное пребывание на открытом воздухе без соответствующих условий для отдыха и чревато физическими перегрузками. Для участия в публичных массовых мероприятиях вне помещений нужен значительный запас энергии, жизненных сил, что в возрасте 60 лет и старше становится более проблематичным. Неудивительно, что нередко лицам старшего возраста становится плохо в ходе даже мирных и спокойных мероприятий и им требуется неотложная квалифицированная медицинская помощь.

5. В целом *уровень образования респондентов не является определяющим, но является дифференцирующим фактором*. Иначе говоря, хотя масштаб участия в протестных мероприятиях может отличаться (и даже значительно отличаться) у разных по уровню образования групп лиц, вместе с тем он однозначно и универсально не коррелируется с уровнем образования.

Вместе с тем, во всех 7 формах протеста наибольший процент участников зафиксирован среди лиц с незавершенным высшим образованием. На этом основании можно было предположить, что среди них преобладают студенты. Действительно, при сравнении масштабов участия респондентов, отличающихся по роду деятельности, в протестных мероприятиях, студенты являются бесспорным “лидером”. Единственным исключением является участие в массовых беспорядках, где, как было отмечено выше, лидируют ученики старших классов средних школ.

То, что молодежь являлась в Армении движущей силой и ядром протестных движений, в том числе и “Бархатной революции”, - очевидный и всеми признанный факт, подтвержденный данными и нашего исследования. Возможно, что студенты сыграли немаловажную роль. Но вопрос о том, стали ли они новым революционным классом (как это предрекал полвека назад Герберт Маркузе) остается открытым.

6. Среди выбранных социально-демографических характеристик город проживания безусловно является практически однозначно наиболее дифференцирующим параметром. Данные опроса свидетельствуют о том,

что степень радикализации и масштаб участия респондентов зависят от города их проживания. Основная тенденция была такова: самый высокий процент участия зафиксирован среди жителей Еревана, а среди жителей Гюмри и Ванадзора – процент значительно ниже, иногда в 2 и более раз. Единственное исключение - участие в массовых беспорядках, где процент участников-жителей Ванадзора несколько выше, чем в Ереване и существенно выше, чем в Гюмри. По другим формам протеста степень вовлеченности жителей Гюмри и Ванадзора либо совпадают, либо процент участия попеременно выше в одном или другом из этих городов.

7. Даже в условиях радикализации общества предпочтение отдается протестной деятельности в рамках закона. Самый высокий процент участия был отмечен в такой форме массового протеста, как разрешенные демонстрации и шествия (33.4%).

8. В случае трех из семи рассмотренных выше форм протестов выявляется зависимость участия от уровня доходов респондентов (прямая зависимость в случае *участия респондентовв протестных движениях* последних лет и обратная зависимость в случае их *участия в разрешенных демонстрациях и шествиях*, а также *в массовых беспорядках*). В случае еще трех протестных форм (*подписание петиций*, *участие в несанкцинированных демонстрациях и шествиях* и *участие в пикетах*) уровень дохода респондента не оказывает влияния на его участие. Уровень дохода респондентов влияет, хотя и неоднозначно, на масштаб вовлеченности респондентов в запрещенные властями протестные мероприятия.

* * *

В заключение отметим, что резко снизилась привлекательность конфронтационно радикальной позиции в обществе. Новая власть сама поставила довольно-таки радикальные цели в ряде сфер общественной жизни (прежде всего усилия по последовательной и системной демократизации политических институтов и политической системы в целом, включая обеспечение максимальной свободы СМИ, по борьбе с коррупцией, по ликвидации монополий и т.д.), но в рамках правового государства, т.е. придерживаясь принципа верховенства закона. И, что не менее важно, власть ведет диалог с обществом, опирается на гражданское общество и пытается ответить на вопросы о проблемах, которые

вызывают озабоченность у общественности, и исходить из интересов общества, а не групповых и личных интересов. Тем самым, по крайней мере сейчас, отпала необходимость прибегать к радикальным формам протеста, включая насилие.

Неслучайно поэтому, что те политические силы, которые предлагали весьма радикальные меры, не получили на декабрьских выборах 2018 года даже минимальной поддержки избирателей, необходимой для прохождения в Парламент (5.0%), несмотря на то, что у них в остальном было немало интересных и привлекательных положений.

Так, несмотря на постоянное муссирование темы ***правосудия переходного периода*** (партии "Национальный прогресс" и "Сасна црер"), она не получила широкого общественного резонанса, как не получила его и высказанная этими же партиями идея политической и экономической люстрации. Кроме этого, партия "Национальный прогресс" в рамках "Краткосрочной программы" в своей предвыборной платформе предложила включить в Конституцию *положение о праве граждан на восстание или революцию*.

Партия "Сасна црер" пошла еще дальше. В платформе этой партии содержится не только положение о том, что *должно быть публично признано и зафиксировано законодательно не только естественное право на восстание*, *но и положение о том, что восставшие должны быть априори признаны невиновными перед законом*.

Можно предположить, что армянское общество не готово к столь радикальным мерам и новациям в сфере права. На прошедших 9 декабря 2018 г. внеочередных парламентских выборах партия "Национальный прогресс" получила всего 0.33% голосов, а партия "Сасна црер" - 1.82%.

Очевидно, что общество устало от конфронтации, насилия, размежевания и т.д. Избранный в ходе подлинно свободных и справедливых выборов новый состав Парламента отражает настроения, превалирующие в обществе, и может считаться "гласом народа". Очевидно и то, что риторика партии "Сасна црер", направленная на радикализацию дискурса в общественно-политическом пространстве и повестки дня, оказалась совершенно несозвучна превалирующим общественным настроениям.

Не прошли в Парламент и представители Республиканской партии Армении, которые излагали провокационные идеи и пытались

радикализировать широкие массы и настроить их против действующей власти. На выборах они получили всего 4.7% голосов.

Иначе говоря, нашему обществу удалось, по крайней мере на данном этапе, пойти по пути, который Томас Каротерс и Ричард Янгс определяют как трансляцию "энергии протеста в построение устойчивых институтов или в политический состязательный процесс", при этом "протестные движения … оказали существенное воздействие на последовавшие состязательные выборы."[82]

В результате наше общество получает шанс на то, что радикализм и экстремизм потеряют свою привлекательность вследствие наличия более эффективных и менее антагонистических и конфронтационных форм гражданского и политического взаимодействия. Тем самым открывается перспектива эволюции в общество, которое характеризуется "нормализацией протеста"[83]. *Ненасильственный протест* является одним из инновационных механизмов обратной связи в демократизирующемся обществе, усиливает подотчетность власти и дает возможность гражданам влиять на власть посредством демократического давления. Инструментом обучения методам, формам и логике парадигмы ненасильственного протеста могут стать специально разрабатываемые проекты и модели дерадикализации, нацеленные в том числе и на преодоление "когнитивного" радикализма - т.е. соответствующих идей, ментальности и намерений до того как они трансформируются в действия.

[82] Carothers, Thomas and Richard Youngs.*The Complexities of Global Protests*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2015, p. 20.

[83] Описание процесса "нормализации протеста" в контексте гражданского участия, демократизации и ряда форм протестного активизма приводится в статье Марии Т. Грассоа и др. См.: Grassoa, Maria T. et al. "Socialization and generational political trajectories: an age, period and cohort analysis of political participation in Britain." *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 2018, pp. 1-3, 11-13. DOI: 10.1080/17457289. 2018.1476359.

ГЛАВА 3. ЭТНИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Социологическая индикация этнического радикализма

Этнический радикализм представляет собой крайнюю форму дискриминации людей по этническому признаку. Последняя же характеризуется психологией, идеологией и политикой превосходства одного этноса над другими. Этническая дискриминация проявляется в различной степени нетерпимости к представителям иных этносов, начинающейся с бытовой ксенофобии и доходящей до геноцида. Обычно именно эту, «геноцидную», форму нетерпимости обычно и называют этническим радикализмом. Однако сложно отделить бытовую ксенофобию от её радикальных форм. Первая, скорее, содержит в себе потенцию радикализма, только ждущую малейшей возможности для своего проявления. Поэтому чрезвычайно опасно недооценивать любые, даже внешне, порой, не кажущиеся значимыми проявления дискриминации людей по национальному и любому иному основанию. Нельзя забывать, что этнический радикализм, по сути своей, является синонимом нацизма, все «прелести» которого в лице немецкого фашизма человечество ещё не забыло со времён второй Мировой войны. Разгул национализма в начале XX века дорого стоил народам мира, в том числе и тем, которые дали возможность своим лидерам ввергнуть себя в наркотический угар идеологии национального превосходства. Стремление предотвратить рецидивы нацизма в современном высокотехнологичном, в том числе и в военном отношении, мире определяет повышенный интерес к этническому радикализму со стороны учёных, политиков и широкой общественности. Глобальная значимость проблематики этнического радикализма подчёркивается тем фактом, что ещё в 1965 году Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций приняла Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которой провозглашается принципиальное равенство всех людей перед законом, без различия по признаку расы, цвета кожи или национального происхождения.

Этнический радикализм, в какие бы респектабельные одежды он ни рядился, неизбежно ведёт к национальной вражде, нетерпимости и

насилию. Поэтому в большинстве стран, в том числе и в Беларуси[84], приняты антиэкстремистские законы, в которых разжигание межнациональной розни квалифицируется как уголовное преступление. И это не случайно, поскольку любой радикализм, и в особенности этнический, помимо того, что нарушает социальное спокойствие, провоцируя взаимную подозрительность и враждебность в многоэтничном обществе, к тому же еще и подрывает государственные устои, инициируя бесконечную цепочку национального сепаратизма. Поэтому актуальность проблематики радикализма невозможно переоценить. В полной мере это утверждение касается и спокойной с виду Беларуси, несмотря на то, что в нашей стране инородцам и иноверцам живётся сравнительно спокойно.

Разберёмся для начала, что понимается под этническим радикализмом. Термин «радикализм» для нас будет звучать синонимом понятия «экстремизм». По нашему мнению, радикализм является практическим выражением идеологии экстремизма, Последний же определяется как идеология и практика крайних (радикальных) средств и методов достижения цели. Смысл использования понятия «крайний» в данном контексте означает применение насильственных методов решения проблем, связанных с той или иной формой насилия по отношению к отдельной личности или социальной группе. Набор целей, достижение которых обеспечивается радикальными средствами и методами, может быть самым разнообразным. Типология радикализма *по сферам общественной деятельности* может быть представлена следующим незавершённым перечнем:

- политический радикализм;
- национальный (этнический) радикализм;
- религиозный радикализм;
- экономический радикализм;
- идеологический радикализм;
- экологический радикализм;
- педагогический радикализм;

[84] Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму». – Интернет-ресурс http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic22/text199.htm. - Доступ 28.08.2017.

- лингвистический радикализм;
- художественный радикализм и т.д.

По субъектам деятельности радикализм подразделяется на:

- индивидуальный радикализм;
- групповой радикализм;
- сословный радикализм;
- классовый радикализм;
- государственный (национальный) радикализм;
- интернациональный (глобальный) радикализм.

В общественно-политической сфере возможно подразделение радикализма на государственный и оппозиционный. Радикализм можно типологизировать и по другим основаниям. Например, выделить различные степени радикализации деятельности одних и тех же субъектов. К примеру, протестные акции принято ранжировать от голодовок, молчаливых пикетов и демонстраций до террористических актов. Однако на этом мы завершим типологизировать радикализм, поскольку это не является непосредственной задачей данного текста. Поясним лишь факт включения национального радикализма в оба приведённых выше списка. Дело в том, что термин «национальный» по традиции, заведённой Х. Коном[85], понимается в двух смыслах: как объединение людей на основе гражданского, политического, государственного фактора, и как этническое консолидирующее начало. Причём вторая трактовка, в свою очередь, разлагается на две альтернативные оценочные позиции. Так, например, для одних национализм тождественен положительному патриотизму, а для других представляет собой негативную «идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим»[86]. Столь далеко отстоящие друг от друга по смыслу трактовки

[85] Кон Х. “Идея национализма.” // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001. № 3. С. 419. Кон Г. *Национализм: его смысл и история*. Дайджест книги.

[86] Например, Современный толковый словарь русского языка под ред. С.А.Кузнецова (СПб.: Норинт, 2001) определяет национализм как «идеологию и политику, исходящую из национального превосходства и противопоставления своей нации другим». Схожие определения дают Большой энциклопедический словарь под ред. А. М.Прохорова (М.: Большая российская энциклопедия, 2004.) Новый словарь русского языка под ред. Т.Ф.Ефремовой (М.: Русский язык, 2000) и др.

термина «национальный» довольно часто не распознаются, что приводит к недоразумениям и пустым спорам не только среди обывателей, но и учёных. Именно по этой причине мы предпочитаем использовать понятие «этнический радикализм», который лишён двусмысленности, отражая не культурный, гражданский или политический, а самый что ни на есть откровенно физиологический контекст рассмотрения данной темы.

Этнический радикализм проявляется, в первую очередь, в том, что носители этой идеологии стремятся насильственными методами установить нормативные (как на уровне морали, так и в правовых формах) экономические, политические, статусные и иные привилегии для своего этноса с соответствующей дискриминацией так называемых «нетитульных» этносов. Именно это и осуждает принятая всеми государствами, входящими в ООН, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, включив в это понятие «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни»[87]. Учитывая неопределённость критериев этнической идентификации, в сфере межнациональных отношений преобладают не разумные и научно обоснованные доводы, а аффективные эмоции. Уже по этой причине любые попытки вертикально дифференцировать этносы в значимых для выживания областях жизнедеятельности неизбежно приводят к радикализации их взаимоотношений. Поэтому радикализм оказывается постоянным спутником этнической парадигмы, в особенности, если она переходит из прохладных аудиторий научных дискуссий в горячую зону практической реализации в сфере образования, экономики или политики.

Одной из ключевых проблем исследования этнической тематики выступает вопрос об индикаторах, с помощью которых можно зафиксировать степень радикализации межнациональных отношений.

[87]Интернет-ресурс:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml. Доступ 27.08.2017.

Только решив эту проблему, можно при рассмотрении щепетильной этнической темы минимизировать влияние эмоционального фактора в пользу опытным путём проверяемых рациональных заключений о состоянии дел в данной социальной сфере.

Индикаторами (от лат. *indicator* – *указатель*) мы будем называть поддающиеся эмпирической проверке количественные характеристики изучаемого объекта, в данном случае, этнического радикализма. Такое определение индикатора полностью соответствует его трактовке, например, в Википедии, где термин «индикатор» (в общественных науках, в частности, в социологии) понимается как доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию[88]. Оговоримся сразу, что мы будем считать синонимом исходному понятию также термин «показатель», значение которого определяется как обобщённая характеристика какого-либо объекта или процесса, обычно выраженная в численной форме[89]:

Когда говорят о социальных индикаторах, то очень часто имеют в виду социальную статистику. Так, например, трактуется это понятие Дэвидом и Джулией Джерри, а именно, как «регулярно собираемая социальная статистика, отражающая признаки изменений в общем состоянии общества (например, данные преступности, здравоохранения и смертности)»[90]. Действительно, чаще всего количественные параметры социальных процессов отображаются именно статистикой, которая отработала эффективную технологию, оснащённую обширным инструментарием. Поэтому, конечно же, следует признать, что индикаторами этнического радикализма могут служить, в первую очередь, статистические данные, в частности, статистика Министерства внутренних дел, отражающая количественные и качественные характеристики преступности на межэтнической почве. Однако при всей важности этого канала информации о степени распространённости

[88] Интернет-ресурс: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80. - Доступ 25.08.2017.

[89]Интернет-ресурс: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0% B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C. - Доступ 25081.2017.

[90] Большой толковый социологический словарь. Том 2: Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2001. – 528 с. – С. 252.

агрессивного национализма приходится признать очевидную неполноту статистических индикаторов. Во-первых, по той причине, что Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму» не позволяет дифференцировать разновидности радикализма, поэтому милицейская статистика попросту не фиксирует ксенофобию, включая её в общую статистику экстремизма. А во-вторых, сотрудники МВД далеко не всегда в состоянии распознать этнический экстремизм и зачастую принимают его проявления за обычную преступность. И, в-третьих, статистика вообще - и милицейская статистика в частности - отражает уже свершившиеся факты, что не позволяет политикам и социальным менеджерам в структурах государственного управления работать на упреждение столь социально опасного преступления, каковым выступает этнический радикализм. Не стоит также забывать и о том, что в данном случае, как, впрочем, и во многих других социальных девиациях, статистика фиксирует, скорее, активность и эффективность правоохранительных органов по выявлению оных, нежели о степени распространённости этих явлений.

Всех этих недостатков лишены индикаторы, построенные на основе социологического метода. Социологические индикаторы используются, например, для измерения уровня коррупции, счастья, демократии и многих других, весьма сложных социальных явлений. Подойдут они и для измерения потенциального радикализма в обществе. К достоинствам социологических показателей можно смело отнести то, что с их помощью сравнительно легко можно измерить уровень каждой разновидности экстремизма, причём в любом социуме, начиная с конкретного трудового (учебного) коллектива, и кончая глобальным масштабом. Социологические показатели этнического радикализма можно конкретизировать также по демографическим и профессиональным группам населения, что позволяет провести факторный анализ, что предоставит государственным органам возможность работать адресно, т.е. с учётом специфики соответствующей социальной группы.

Актуализация этнической радикальности может происходить в различной форме как по предмету дискриминации, так и по способам выражения ксенофобии. Политики вынуждены разбираться с поведенческими рецидивами этнического экстремизма. А вот социологи чаще всего имеют дело с вербальной реализацией радикалистского

потенциала общества. В этом-то и заключается их преимущество перед политиками, позволяющее предсказывать (или прогнозировать) всплески радикалистских проявлений, а не сталкиваться с ними неожиданно лицом к лицу.

Социологические индикаторы способны выявлять скрытые социальные пласты потенциального радикализма, в том числе и этнического. В этом, пожалуй, состоит их главное преимущество. Никакими иными способами невозможно получить адекватное описание экстремистских намерений в социальном масштабе. Даже специальные службы, профессионально занятые выявлением потенциальных экстремистов, работают исключительно с отдельными индивидами и организациями. У них, к счастью, пока нет материальных, технических и людских ресурсов для практического осуществления сценария тотального контроля, аналогичного антиутопиям Джорджа Оруэлла. Способность социологического метода выявлять потенциально опасные, с точки зрения этнического радикализма, социальные группы, которые ещё не «созрели» идеологически и организационно до террористических актов, создаёт условия для превентивной работы с ними не карательных, а воспитательных государственных структур.

Стоит заметить, что измерения, полученные с помощью социологических индикаторов, осуществляются по известным технологиям, что делает их легко воспроизводимыми разными исследовательскими центрами. Измерения, проведённые в мониторинговом режиме, способны дать представление о динамике процесса радикализации национального сознания в различных социальных группах, в том или ином регионе или в стране в целом. Сопоставимые по инструментарию социологические замеры в различных странах позволят получить достоверные сравнительные данные о степени распространения в них этнического экстремизма. Это даёт возможность глобального мониторинга этнического радикализма. Немаловажно также и то, что социологические замеры эмпирически проверяемы на всех технологических этапах, что существенным образом повышает уровень доверия к ним как со стороны исследователей, политиков и практических работников, так и со стороны широкой общественности.

Существенно и то преимущество социологического метода, что он позволяет определить факторы различного происхождения,

провоцирующие этнический радикализм. Факторный анализ даёт возможность более целенаправленно и, следовательно, более эффективно устранять те проблемы, которые возникают в сфере межэтнических отношений, в частности, проблему этнического экстремизма. Это обстоятельство делает социологию обязательным и важнейшим элементом в социальных технологиях гармонизации межэтнических отношений в современном сложноорганизованном обществе. Все эти преимущества социологического методы мы и попытаемся реализовать в дальнейшей работе по данной теме.

Проявления этнофобии в массовом сознании жителей Беларуси

Беларусь имеет устойчивую репутацию благополучной, с точки зрения межэтнических отношений, страны. Недаром именно её выбирают для проведения мирных переговоров участники некоторых современных политических конфликтов. Гостей Беларуси обычно приятно удивляет дружелюбие местных жителей по отношению к приезжим. Нашу страну многие считают примером этнической толерантности. Соглашаясь, в общем, с такой оценкой, попытаемся всё же проверить, так ли это на самом деле и, во всяком случае, определить уровень этнической нетерпимости в общественном сознании жителей Беларуси.

Для начала определимся с базовым понятием предлагаемого читателям материала. Массовое сознание, как известно, оперирует чаще всего нерефлексируемыми социально-психологическими установками поведения, обусловленными оценочными шаблонами и стереотипами. В данном случае нас интересует этнофобный стереотип восприятия, оценки и прогнозируемого поведения жителей нашей страны по отношению к представителям иных этносов. Термин «этнофобия» будет использоваться как синоним понятию «ксенофобия» для обозначения неприятия представителей иных этносов на фоне различного рода опасений и даже страхов перед ними. Степень этого неприятия может быть разной, что позволяет нам говорить в этой связи о дискриминации по этническому признаку и этническом радикализме. Все эти понятия объединяет то, что главным и единственным критерием негативной оценки людей выступает их этническая принадлежность.

Этнофобия возникает там и тогда, где и когда происходит разделение людей по расовому, национальному признаку. Когда не личные, индивидуальные свойства и характеристики людей, а этнический фактор становится определяющим в их взаимоотношениях. На этой основе может возникнуть и, к сожалению, нередко возникает негативная оценка людей, исходя исключительно из их этнической принадлежности. Мы выяснили с помощью анонимного анкетного опроса, сколько наших сограждан испытывают негативные чувства к людям только на том основании, что они не принадлежат к их этнической группе, т. е. «инородцы». На рисунке 1 представлены итоги опроса 2018 года, когда мы попросили 595 взрослых жителей Беларуси ответить на два вопроса, которые послужили индикаторами этнической нетерпимости.

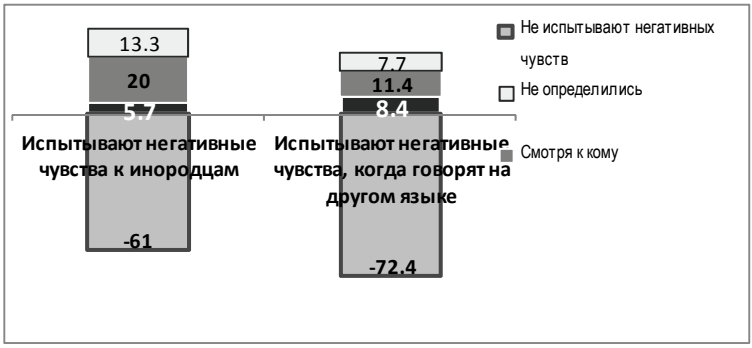

Рисунок 1 – Распределение респондентов на вопросы: «***Испытываете ли Вы к представителям иных национальностей негативные чувства***?» и «***Вызывает ли у Вас неприятие, когда окружающие говорят на другом языке?***», в процентах

Неприятие людей любой иной национальности свойственно для 5,7% наших земляков. Этнически избирательное неприятие признала за собой ещё пятая часть (20,0%) граждан, которые испытывают неприязнь к представителям определённых рас и народов. Итого, симптомы этнической нетерпимости обнаружены у каждого четвёртого (25,7%) взрослого жителя Беларуси. Мы полагаем, что 13,3% граждан, уклонившихся от ответа на вопрос: «Испытываете ли Вы к представителям иных национальностей негативные чувства?», тоже могут быть причислены к группе потенциальных ксенофобов. Если принять это

допущение, тогда социальная база потенциальных этнофобов может вырасти почти до сорока процентов от числа взрослых жителей страны.

Звуки чужого языка в той или иной степени раздражают каждого пятого (19,8%) участников нашего опроса. Вкупе с 7,7% уклонившихся от ответа максимальный процент «лингвофобов» достигает 27,5%, т.е. более четверти населения Беларуси.

Разумеется, далеко не все жители Беларуси, с подозрением относящиеся к иным народам, дойдут до радикальных проявлений своего этнического неприятия. Но этнофобия является благоприятной почвой для развития бацилл этнического радикализма вплоть до самых кровавых её форм. Национальное самосознание народа может быть радикализировано по любому значимому для людей поводу и в различной степени, начиная с безобидных, на первый взгляд, его проявлений и заканчивая откровенным геноцидом. Учитывая это, мы и начнём с той формы этнической дискриминации, которая и радикализмом-то не всеми обществоведами признаётся. Речь пойдёт об одном из самых популярных лозунгов идеологов этнической нетерпимости, согласно которому преимущественное право на проживание на определённой территории раз и навсегда закреплено за так называемой «коренной» нацией. Оставим в стороне весьма спорный тезис о возможности самого наличия где бы то ни было «коренной» нации вообще, учитывая многочисленные переселения народов на протяжении долгой истории человечества. Например, отечественные историки до сих пор не определились с тем, какой этнос является первичным на территории современной Беларуси. Скорее всего, сама постановка вопроса является абсурдной. Но предоставим возможность ломать копья по этому поводу историкам. Нам же здесь важно подчеркнуть, что пресловутое «естественное» право является формой дискриминации по национальному признаку и недопустимо в современном глобализирующемся мире. Тем не менее, страхи, связанные с «распродажей родной земли инородцам», обуревают немало людей в самых разных странах, в том числе и в Беларуси.

Одной из форм этнической дискриминации выступает его местная разновидность, основная фикс-идея которой состоит в лозунге: «Беларусь – только для белорусов». Для нас не вызывает сомнения тот факт, что любой подобный лозунг полностью тождественен по своему идеологическому значению девизу немецких нацистов «Германия –

только для немцев». Поэтому оба эти лозунга, равно как и все прочие утверждения подобного рода, в какой бы стране они ни провозглашались, свидетельствуют о наличии на бытовом уровне признаков идеологии этнической дискриминации. Насколько популярны идеи «естественного права» среди граждан Беларуси, как они относятся к лозунгу «Беларусь – только для белорусов»? Это можно увидеть на диаграмме рисунка 2, на которой представлены результаты наших опросов взрослых жителей Беларуси в 2007 году (1147 участников опроса) и в 2018 году (595 респондентов).

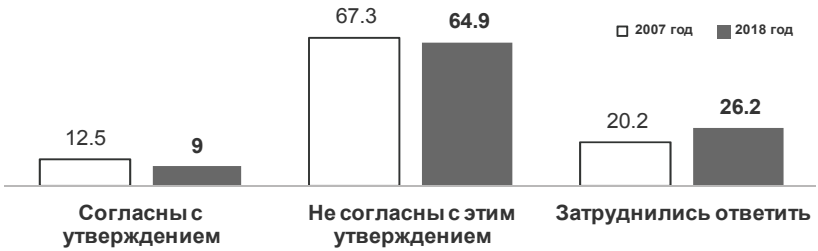

Рисунок 2 – Отношение участников опроса к утверждению: «Беларусь – только для белорусов», в %

Оказывается, сторонников откровенно дискриминационного лозунга среди граждан Беларуси оказалось примерно десятая часть (12,5% в 2007 году и 9,0% в 2018 году). Эти данные можно считать адекватным свидетельством минимального зафиксированного уровня бытовой ксенофобии в нашей стране. Минимального потому, что к ним придётся присовокупить какое-то (какое, вряд ли можно на данном этапе определить) количество респондентов, из числа воздержавшихся от ответа на данный вопрос. Ну а явно проявившаяся часть потенциальных нацистов в Беларуси составляет, повторим, примерно десятая часть взрослого населения страны.

За последнее десятилетие нами зафиксирована тенденция к снижению уровня потенциального национализма примерно на треть. Причём это проявляется во всех возрастных группах, что ярко демонстрируют гистограммы рисунка 3.

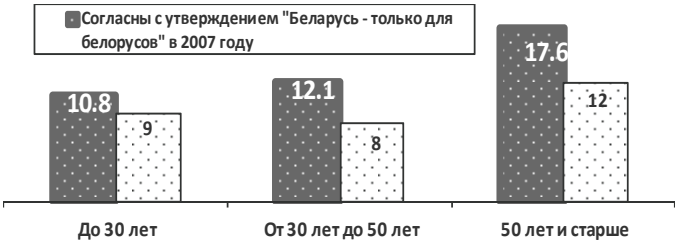

Рисунок 3 – Отношение граждан различного возраста к утверждению: «Беларусь – только для белорусов» по итогам опросов 2007 и 2018 гг. в процентах

На рисунке 3 исходные социологические данные, характеризующие удельный вес респондентов разных возрастов, согласившихся с лозунгом «Беларусь – только для белорусов» в 2007 и в 2018 гг., представлены гистограммами. Отметим явные межпоколенческие различия в степени приверженности наших сограждан идеологии этнической дискриминации. Уровень этнической нетерпимости среди молодёжи оказался в полтора раза ниже, чем у представителей старшего поколения. Вероятно, этот факт можно объяснить влиянием на современную молодёжь интернационального, по сути, процесса глобализации и, в частности, через разнообразные Интернет-технологии, обеспечивающие более широкий круг общения молодых людей с ровесниками в разных странах мира. Интернет и открытые границы оказались более действенным фактором этнической толерантности, чем идеологический интернационализм советской эпохи, воспитанниками которой остаются наши земляки, успевшие отпраздновать свой полувековой юбилей.

Посмотрим, в какой степени подвержены влиянию «местечкового» потенциального национализма мужчины и женщины. Половозрастные показатели этнической нетерпимости белорусской разновидности показаны на рисунке 4 (по результатам опроса в 2018 году).

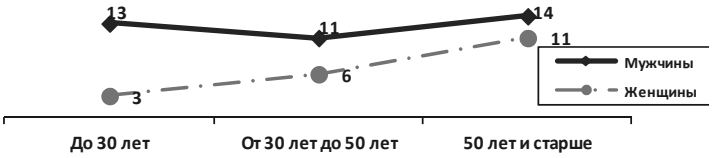

Рисунок 4 – Половозрастное распределение сторонников лозунга «Беларусь – только для белорусов», в процентах

Мужчины оказались более подверженными идеологии национализма, чем женщины. Особенно очевидно это проявилось в группе самых юных респондентов. Предположим, что это может быть обусловлено матримониальной готовностью девушек к межнациональным связям. Это наше предположение косвенным образом подтверждается тем фактом, что с возрастом отношение мужчин и женщин к лозунгу потенциальных нацистов сближается.

Другим фактором, влияющим на усвоение людьми националистических принципов, оказался тип поселений. В этом можно убедиться, взглянув на рисунок 5, на котором мы отобразили поселенческую зависимость этнической нетерпимости.

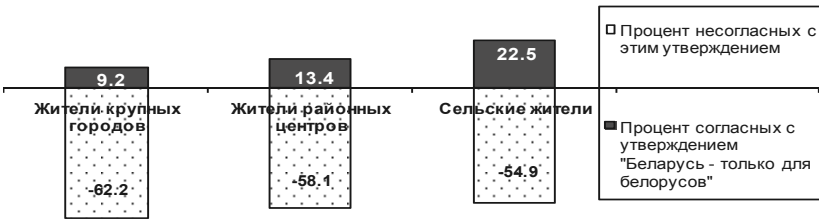

Рисунок 5 – Отношение граждан, проживающих в поселениях разного типа, к утверждению: «***Беларусь – только для белорусов***», в процентах и в баллах

На рисунке явно прослеживаются повышенные дискриминационные ориентации сельских жителей по сравнению с горожанами. Этим фактом отображаются культурные различия сельского и городского образа жизни. Конкретно это может выражаться в различном уровне образования основной массы населения в сёлах и крупных городах. Во всяком случае, понижающее влияние образования на склонность людей к этнической нетерпимости прослеживается совершенно отчётливо. Это можно воочию увидеть на рисунке 6.

Рисунок 6 – Отношение граждан с различным уровнем образования к утверждению: «Беларусь – только для белорусов», в процентах и в баллах

На примере данных, представленных на рисунке 6, можно видеть эвристические достоинства социологического метода, выражающиеся, в частности, в способности фиксации особенностей проявления ксенофобии как по временному вектору, так и под влиянием того или иного фактора. В данном случае налицо обратно пропорциональное влияние уровня образования на приверженность людей к соблазнам дискриминации инородцев в пользу «коренного» этноса. Чем выше у человека уровень образования, тем выше у него иммунитет против бацилл этнической нетерпимости. Это – обнадёживающий факт, учитывая как мировую, так и национальную тенденцию к повышению общей культуры населения и уровня его образования. Можно надеяться на то, что в грядущем обществе высокообразованных людей ксенофобия станет таким же анахронизмом, как и каннибализм в первобытную эпоху.

Однако даже нынешняя эпоха всеобщего высшего образования пока не стала «золотым веком» этнической толерантности. Важно попытаться ответить на вопрос: «Почему?». Вероятно, есть веские материальные причины исторического бессмертия этого первобытного рудимента. На наш взгляд, тайна ксенофобии состоит в том, что она открывает доступ к различного рода преимуществам для так называемых «коренных» этносов.

Получение привилегий и преимуществ, основанных не на личных достоинствах (знаниях и умениях) граждан, а по причине их самоидентификации с «коренной» нацией, всегда было безотказно работающим «пряником» для социальных групп с низкими конкурентными способностями. Эти привилегии касаются, прежде всего, исключительной для представителей «коренного» этноса возможности приобретения земли и недвижимости, а также их преимущественного доступа к высокостатусным рабочим местам. Дискриминация инородцев по этим двум параметрам и составляет ценностное «ядро» этнической нетерпимости независимо от эпохи или страны. Посмотрим, насколько привлекательными эти националистические «пряники» являются для наших сограждан – жителей Беларуси. На рисунке 7 дано визуальное отображение общественного мнения Беларуси в 2007 и 2018 гг. по поводу того, стоит ли запретить представителям иных этносов покупать на территории Беларуси землю и недвижимость.

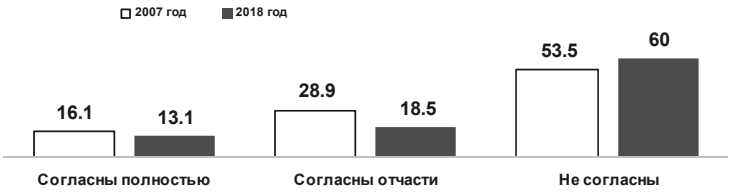

Рисунок 7 – Отношение жителей Беларуси к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов покупать недвижимость и землю», в %

Оказалось, что 16,1% наших земляков в 2007 году и 13,1% в 2018 году твёрдо уверены в необходимости подобного запрета и ещё более четверти

(28,9%) в 2007 году и около пятой части (18,5%) жителей Беларуси в году 2018 хотя бы отчасти склоняются к такому мнению. Таким образом, почти половина наших сограждан в 2007 году и около трети в 2018 году полностью или частично поддержали бы эту, откровенно дискриминационную по отношению к некоренным этносам, меру.

Подобным же образом измерим уровень «статусной» этнической нетерпимости, которая дискриминирует инородцев в их возможности занимать важные посты во властной иерархии. На рисунке 8 приведено общее соотношение граждан Беларуси, как согласных, так и несогласных с гипотетическим запретом на высокостатусные должности для представителей нежелательных наций.

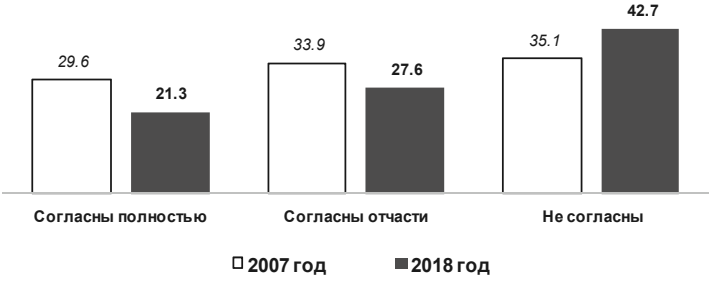

Рисунок 8 – Отношение жителей Беларуси к утверждению:
«Необходимо запретить представителям иных этносов занимать важные посты», в %

Сторонников запрета для инородцев на важные посты оказалось даже больше, чем «защитников» родной земли. Почти треть участников опроса (29,6%) в 2007 году и примерно пятая часть (21,3%) в 2018 году согласились бы с таким предложением полностью и ещё примерно столько же (соответственно, 33,9% в 2007 году и 27,6% в 2018 году) – частично. Мы будем считать ядром социальной базы «статусной» этнической нетерпимости только тех участников опроса, кто выразил безусловную поддержку гипотетическому запрету инородцам на высокие должности. Дополнение их теми респондентами, которые согласились с подобными ограничениями инородцев, обозначит максимальные социальные параметры статусной дискриминации в сознании белорусов. Причём среди мужчин уровень «статусной» этнической нетерпимости превышает женский на четверть.

Ещё одной зоной дискриминации по этническому признаку являются брачные отношения. Очевидным признаком наличия в обществе бацилл бытовой дискриминации выступает этническая эндогамия, т.е. предпочтительный характер брака между представителями одного этноса. Рассмотрим повнимательнее матримониальный контекст этнической нетерпимости в белорусском обществе. Учитывая значительные гендерные различия в общественном мнении по этому щекотливому поводу, представим раздельно мужские и женские оценки. Вопросы-индикаторы матримониальной этнической нетерпимости в социологической анкете звучали так: «*Как Вы относитесь к предложению запретить представителям иных этносов выходить замуж за наших парней?»,* а также «*Как Вы относитесь к предложению запретить представителям иных этносов жениться на наших девушках?*». Для выявления радикально настроенных граждан мы дали возможность участникам опроса высказать как частичное, так и полное согласие с подобными гипотетическими предложениями. Понятно, что признаки этнического радикализма проявят лишь те респонденты, которые выразят полную поддержку матримониальной дискриминации.

Итак, каков же уровень матримониальной этнической нетерпимости среди жителей Беларуси. Это мы увидим на примере материалов нашего опроса 595 взрослых жителей нашей страны, проведённого нами в 2018 году. На рисунке 9 показано распределение мужчин и женщин, выразивших различное отношение к провокационному вопросу о запрете женщинам иных этносов выходить замуж за наших парней.

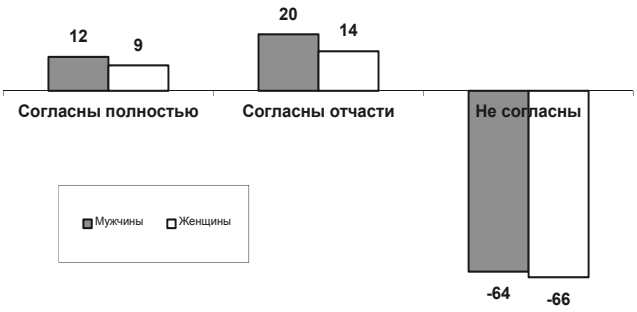

Рисунок 9 – Отношение жителей Беларуси к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов выходить замуж за наших парней», в %

Стоит отметить, что полную или частичную поддержку матримониальной дискриминации для девушек из числа нежелательных этносов высказала треть (32%) мужчин и почти четверть (23%) женщин. Однако откровенными ксенофобами следует признать лишь каждого десятого из числа опрошенных мужчин и женщин. И это притом, что категорически против такой дискриминации выступили две трети мужчин и женщин.

Посмотрим теперь на рисунке 10, как отнесутся наши земляки к гипотетическому запрету парням-инородцам жениться на наших девушках.

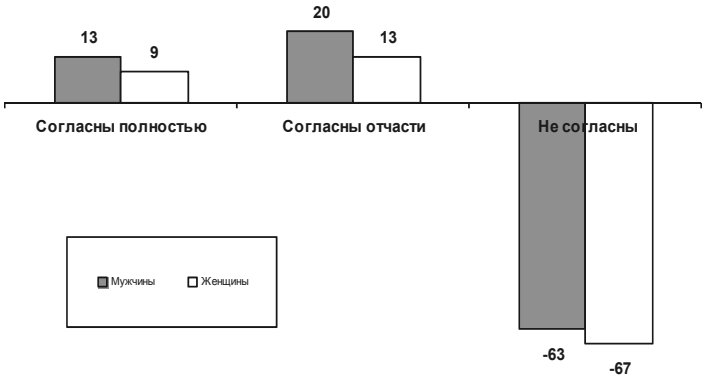

Рисунок 10 – Отношение жителей Беларуси к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов жениться на наших девушках», в %

К матримониальной активности мужчин-инородцев наши соотечественники относятся с такой же степенью неприятия, как и к женщинам из некоренных этносов, «уводящих» белорусских мужчин. Каждый третий (33%) мужчин и пятая часть (22%) женщин в той или

иной мере поддержали бы запрет для представителей нежелательных этносов жениться на белорусских женщинах.

До сих пор мы имели дело с формами этнической дискриминации, лишь в скрытой форме содержащими в себе бациллы радикализма. Подчеркнём ещё раз, что мы качественно не разделяем друг от друга этническую дискриминацию и этнический радикализм. Первая содержит в себе второе как свое потенциальное осуществление. Подобно тому, как из куколки при благоприятных условиях всегда появится бабочка, этническая нетерпимость чревата этническим радикализмом. Однако всё-таки следует учитывать различную степень радикализации этнической нетерпимости. Понятно, что отказ выдать дочку за инородца совсем не то, что застрелить его из-за цвета кожи. Настала пора поговорить о наиболее радикальной форме этнической нетерпимости, связанной с моральной готовностью некоторой части населения применить крайнюю меру по отношению представителям нежелательных этносов. С помощью социологического метода можно указать точное количество граждан, морально готовых к самой радикальной мере дискриминации к представителям иных этносов – к убийству. На рисунке 11 мы предлагаем читателю убедиться в том, что среди нас есть люди, готовые истребить физически тех, кто отличается от них внешним видом, языком или образом жизни.

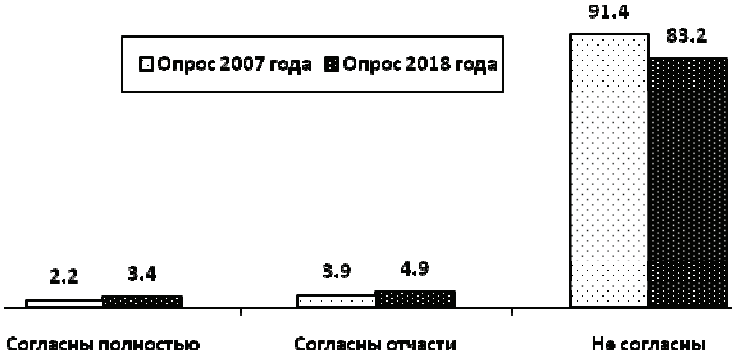

Рисунок 11 – Отношение жителей Беларуси к утверждению:
«Необходимо представителей нежелательных этносов истребить физически», в %

На первый взгляд, гистограммы, отображающие процентные доли участников опроса, полностью и частично согласных физически устранять нежелательные этносы, невелики. Однако в абсолютных цифрах это означает, что, например, в 2018 году 34 человека из каждой тысячи взрослых жителей нашей страны не испытывают сомнений по поводу того, что инородцев необходимо истребить. С ними в какой-то мере согласны ещё около 50 человек из каждой тысячи граждан. В итоге, может собраться отнюдь не маленький отряд потенциальных убийц на национальной почве. Отчасти успокаивает лишь то, что пока эта готовность высказывается этническими экстремистами вербально и до её практической реализации дело не дошло. Однако вряд ли стоит долго на это уповать. У нас не происходит массовых драк между молодёжью различных национальностей, не говоря уже о вооружённых инцидентах на этнической почве. Внешне в межнациональных отношениях всё выглядит вполне благопристойно. Однако наши социологические замеры свидетельствуют о наличии спор этнического радикализма даже в нашем, внешне вполне толерантном обществе. Причём удельный вес потенциальных погромщиков отнюдь не снижается. Этнофобные споры при благоприятных обстоятельствах вполне способны развиться в разрушительные межнациональные конфликты. Спровоцировать их могут как внутренние экономические проблемы, так и внешние воздействия. Не учитывать эти риски было бы политически опрометчиво и недальновидно. Этнический фактор, да ещё подправленный религиозной нетерпимостью, всегда был и остаётся самым горючим «детонатором» для начала беспорядков и революций. Для того чтобы подобные инциденты не стали роковой неожиданностью, необходимо постоянно отслеживать направленность и динамику количественных и качественных изменений радикалистских настроений в общественном мнении.

Таким образом, этнофобия как социально-психологическая установка рудиментального характера всё ещё наличествует в массовом сознании жителей Беларуси, представляя собой потенциальную угрозу межнациональному миру в нашей стране.

Зададимся вопросом о том, какие страхи порождают у наших соотечественников неприятие людей иной национальности, проявившейся в ответах граждан Беларуси. У нас есть возможность сравнить данные на этот счёт, полученные в 2018 году с результатами

наших опросов в 1997 и 2007 гг.. В предыдущие годы мы опрашивали молодёжную когорту, поэтому среди участников опроса 2018 года мы отобрали подвыборку респондентов от 16 до 30 лет, чтобы сравнение было сопоставимым. Итак, о причинах неприятия нашей молодёжью людей по этническом признаку можно узнать, взглянув на таблицу 1.

Таблица 1. Причины неприятия молодыми (до 30 лет) жителями Беларуси некоторых наций (по материалам наших опросов в 1997, в 2007 и 2018 гг.), в %.*

Причины этнического неприятия	Доля опрошенных		
	1997 г.	**2007 г.**	**2018 г.**
Создают напряженную обстановку	32,7	48,4	**45,0**
Совершают преступления	-	-	**38,8**
Пренебрежительно относятся к нашей культуре	33,8	47,8	**38,8**
Ведут себя, как хозяева	37,2	41,9	**33,2**
Надменно держатся	20,6	17,2	**19,0**
Стараются обмануть нас	27,2	29,4	**17,0**
Стремятся поработить нас	11,4	18,0	**10,2**
Раздражают особенности внешнего вида	15,8	13,9	**11,0**
Хотят скупить все ценное	12,4	17,5	**8,5**
У них низкая культура	8,0	6,6	**7,2**
Живут лучше нас	16,1	10,3	**6,5**
Иные причины	1,3	1,5	**0,2**
Не ответили	-	-	**5,5**

**Примечание*: Сумма ответов в столбцах превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Сравнивая результаты опросов сопоставимой по возрасту части населения Беларуси, приходится констатировать, что за двадцать с лишним лет в массовом сознании (вернее, подсознании) жителей нашей страны мало что изменилось. Этнофобия по-прежнему затмевает разум заметной части жителей Беларуси. Среди мотивов этнической антипатии представлены и страхи («стараются обмануть нас», «хотят скупить всё ценное», «стремятся поработить нас»), и зависть («живут лучше нас»), и комплекс неполноценности («ведут себя как хозяева», «пренебрежительно относятся к нашей культуре», «надменно держатся»), и высокомерие («у них низкая культура», «раздражает внешний вид»). Вряд ли стоит

пояснять образованному читателю, что совершают преступления, обманывают и хамят отдельные люди, а не нации.

Воспитание этнической толерантности

На первый взгляд, может показаться, что проблематика этнической нетерпимости для Беларуси не столь актуальна, как, например, для нашей ближайшей во всех отношениях соседки - России, где время от времени происходят вспышки межнациональных «разборок». Однако вряд ли стоит уповать на то, что подобные проблемы обойдут Беларусь стороной. Заслуга в относительном спокойствии принадлежит отнюдь не природной толерантности белорусов или политическому искусству правителей, а всего лишь моноэтнической структуре населения нашей страны, более 97 процентов которого составляют социокультурно мало различающиеся белорусы, русские, поляки и украинцы. Если Беларусь не свернёт на обочину мирового мейнстрима к полиэтничности, ей не избежать и обострения межнациональных отношений. Поэтому думать и говорить о проблемах, связанных с этнической нетерпимостью, нужно уже сегодня. В предлагаемом материале рассматриваются некоторые возможные и целесообразные, на наш взгляд, конкретные меры, направленные на снижение уровня дискриминации и, соответственно, на создание атмосферы межэтнической толерантности в белорусском обществе.

Латинский корень слова «***толерантность***» (tolerantia) указывает на смысл этого термина – терпение, терпимость, снисходительность к кому-нибудь или чему-нибудь[91]. Толерантность – это: принятие другого таким, каков он есть, признание, наряду со своим, его картины мира, это уважение к особенностям его вида, образа мысли и стиля жизни, это терпимость к слабостям и недостаткам другого, это психологическая совместимость, взаимопонимание, понимание и признание особенностей национальной психологии, гендерной, конфессиональной, возрастной, профессиональной и любой иной групповой и индивидуальной специфики, признание прав других быть самим собой, это отсутствие силового навязывания своей картины мира другим людям. Толерантность не означает отказа от своей собственной картины мира. Толерантность не

[91] Словарь иностранных слов.- 18-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с. – С. 510.

означает и отсутствие борьбы различных картин мира. Но борьба эта должна вестись только ненасильственными методами, а исключительно убеждением и добрым примером.

В «Декларации принципов толерантности»[92], утвержденной резолюцией 5.61 на генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, утверждается, что *«толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира»*.

Русский аналог понятия «толерантность» – терпимость – наводит на мысль о пассивном терпении чужих особенностей. Однако, как подчёркивает Декларация принципов толерантности, *«толерантность — это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность — это, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства»*. В статье 1.4 Преамбулы Декларации подчёркивается, что «*проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим»*.

[92] http://www.tolerance.ru/declar.html

Сфера применения толерантности отнюдь не ограничивается межличностными взаимоотношениями. Политическую направленность толерантности нельзя недооценивать. «Декларация принципов толерантности» не оставляет сомнений на этот счёт, определяя толерантность как «*обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека».*

Подобно тому, как для врача интерес представляет не здоровье, а болезнь, так и у социолога, изучающего толерантность, внимание фокусируется на различных проявлениях нетерпимости. Нетерпимость, соответственно, представляет собой качество, противоположное толерантности. По мнению Дж. Локка, нетерпимость является результатом «развращенной, честолюбивой человеческой природы»[93]. Однако вряд ли стоит видеть в многообразных проявлениях этнической нетерпимости исключительно порчу толерантной человеческой природы. Скорее, наоборот, исконное человеческое естество явственно просматривается в широко распространённых актах нетерпимости к инородцам, иноверцам, инакомыслящим и всем прочим, отличающимся внешним видом, поведением или идеями, чужакам. Дело в том, что нетерпимость выступает первичным, самым примитивным фактором этнической идентичности. «Свои» осознаются таковыми поначалу только в противопоставлении с «чужими». Осознание человеком своей этнической идентичности многими учеными признаётся базовым, чаще всего даже рационально не осознаваемым чувством. Важнейшим условием становления и укрепления этнической идентичности человека является обособление себя и себе подобных от всех остальных, не принадлежащих к его этнической группе. Такое обособление может иметь различную степень выраженности, вплоть до крайней враждебности к чужакам. Отношение недоверия и враждебности к представителям других этнических, религиозных или идеологических групп имеет глубокие

[93] Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3.— М.: Мысль, 1988.— 668 с.— (Филос. Наследие. Т.103).- С.66-90. - С. 70.

исторические корни. Самоназвания многих древних этносов переводятся «*человек*», «*люди*». Само собой разумеется, что все иные, не принадлежащие к «людям», людьми для наших далёких предков не являлись. Поэтому их можно было убивать и даже в исключительных случаях употреблять в пищу, как животных. Моральные нормы практически всех народов имели этническую (позже – также и социально-классовую) сферу применения, за пределами которой понятия добра и зла зачастую менялись местами. Так, например, Ветхий Завет запрещает евреям давать деньги в рост своим соплеменникам, однако не предусматривает никаких ограничений по отношению к клиентам-иноверцам. Подобные нормы существовали в Средние века у многих народов. К слову сказать, этим, в частности, можно объяснить тот факт, что евреи издревле преобладали на мировом рынке ростовщических услуг, зазорных или запрещённых для местных жителей. Этническое размежевание, часто доходящее до прямого геноцида, приходится считать одним из важнейших факторов человеческой истории вплоть до сегодняшнего дня.

Современность добавила новые сюжеты к многовековой истории межэтнических отношений. Наше время не без основания называют веком прогрессирующей глобализации. И действительно, сформированы и всё более эффективно действуют политические, экономические, культурные, информационные и разные прочие структуры, учреждения, организации и предприятия, сфера деятельности которых – весь земной шар. Процесс глобализации в той или иной мере сказывается на очень многих сторонах жизни всех народов, населяющих Землю. Особенно остро процесс глобализации затрагивает наиболее ранимые национальные чувства людей. Это и понятно, ведь глобализация во многих отношениях унифицирует образ жизни подвергнувшихся её влиянию людей, принуждая их покупать одни и те же товары, смотреть одни и те же фильмы, слушать одну и ту же музыку, говорить на одном языке. Подавляющее большинство людей воспринимает этот процесс как благо, открывающее перед ними новые, более широкие возможности обеспечить себе и своим близким высокий общественный статус и материальное благосостояние. Однако заметная часть представителей народов, вовлечённых в процесс глобализации, проявляет беспокойство по поводу утраты своей этнической идентичности. На этой основе могут

активизироваться различные формы этнической нетерпимости, вплоть до экстремистских, насильственных мер воздействия на представителей других этносов, как правило, составляющих меньшинство в данном сообществе. Обращает на себя внимание тот факт, что как среди апологетов, так и среди противников глобализации преобладают молодые люди, среди которых немало и тех, кто облекает свой протест против утраты собственной этнической идентичности в формы насильственных действий по отношению к представителям других народов.

В европейской философской традиции терпимость сначала рассматривалась почти исключительно как ***веротерпимость***, как «терпимость по отношению к тем, кто в религиозных вопросах придерживается других взглядов»[94] (смотри, например, «Опыт веротерпимости» Дж. Локка или «Трактат о веротерпимости» М.-Ф. Вольтера). Посредством веротерпимости пробивала себе дорогу свобода совести, которая в тех конкретных исторических условиях означала право протестантов на выбор вероисповедания. Затем лозунг толерантности подхватила укрепившаяся буржуазия, заинтересованная в расширении рынков получения сырья и сбыта товаров за счёт освоения чужих национальных территорий. Современная глобализация является следствием экономической экспансии транснациональных корпораций. Идеология и политика толерантности расчищают им путь к доселе закрытым национальным рынкам. Такова политэкономическая подоплёка идеологии толерантности. Однако нельзя не признать и тот факт, что только толерантность позволяет жить в мире людям, социальным группам и народам, различающимся этническими признаками, религиозными верованиями, политическими взглядами, культурными ценностями и образом жизни. Невнимание к вопросам толерантности чревато ситуацией «войны всех против всех», что ставит крест на будущем всей человеческой цивилизации. Поэтому иного пути, кроме расширения зоны всесторонней толерантности, у современного глобализированного общества нет.

Демографический взрыв предыдущего столетия, вызванный стремительным повышением материального благосостояния широкий

[94] Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3.— М.: Мысль, 1988.— 668 с.— (Филос. Наследие. Т. 103).- С. 91-134.. – С. 93.

масс населения Земли, беспрецедентно уплотнил среду обитания людей. Им пришлось выбирать между двумя необходимостями: либо уничтожать инородцев, либо постараться уживаться с ними. Такова одна из основных альтернатив современности, определяющая характер ближайшего будущего земной цивилизации. Воспитание этнической толерантности оказывается, по большому счёту, одним из условий выживания человеческого рода.

Человечество дожило до глобальной фазы своего развития. Однако в нагрузку ко всем преимуществам глобализированной жизни оно получило проблему сосуществования народов с различными социокультурными основаниями. Если в эпоху преобладания механической солидарности (по известной терминологии Эмиля Дюркгейма) эта проблема решалась порабощением или уничтожением инородцев, то органическая солидарность, характерная для наиболее развитой части современного мирового сообщества, выстраивает принципиально иные основания взаимоотношений народов, предполагающие взаимовыгодное сотрудничество представителей различных этнокультурных образований. В связи с этим стала актуальной проблематика этнокультурной нетерпимости, препятствующей углублению глобальной интеграции народов.

Этому историческому тренду противостоит могущественная сила в лице рудиментов общественной психологии, сохранившихся в социальном подсознании. А подсознательные механизмы, как известно ещё от З. Фрейда, влияют на поведение людей особенно сильно, мало поддаваясь воздействию разума. Деление людей на «своих» и «чужих» по этническому признаку всё ещё остаётся преобладающим критерием социальной дифференциации не только для многих несведущих граждан, но и, к сожалению, для некоторой части получивших высшее образование индивидов. К тому же в самое последнее время этническая нетерпимость всё чаще получает политическое оформление и поддержку со стороны государственных органов в целом ряде регионов мира.

Главным игроком на поле противодействия этнической нетерпимости должно быть государство в лице законодателей и чиновников, стоящих на страже общественного спокойствия. Верховенство закона, а не жизнь «по понятиям», искоренение коррупционных каналов «решения вопросов» чиновниками выступают тем минимальным условием успешного

противодействия этнической нетерпимости, без которого все разговоры о достижении межнациональной гармонии лишены смысла. В основании всех без исключения межэтнических конфликтов, имевших место в последнее время, например, в России, обнаруживались неправомерные действия коррумпированных чиновников и работников правоохранительных органов. Население, громившее торговые точки и овощные базы инородцев, всего лишь стремилось восстановить правовые основы их деятельности, искажённые нечистыми на руку «своими» чиновниками. Никоим образом не оправдывая насильственных действий погромщиков, следует всё-таки всю вину за имевшие место в России массовые межэтнические столкновения возложить на коррумпированных государственных служащих, создавших в обход закона конфликтные ситуации, которые и вывели из равновесия местных жителей.

С целью упрочения межэтнической гармонии первейшей задачей современного многонационального государства выступает создание антидискриминационного правового поля. Основные вехи антидискриминационного законодательства заложены в международных документах, среди которых, в первую очередь, следует упомянуть Устав ООН и Всеобщую Декларацию прав человека 1948 года, а также Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международную конвенцию о ликвидации расовой дискриминации (1965 г.), Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. На этих основополагающих документах базируется множество международных документов, акцентирующих своё внимание на отдельных аспектах общественных отношений. Так, например, Конвенция ООН о беженцах (1951 год), Международная конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Конвенция Международной организации труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий, Конвенция ЮНЕСКО о дискриминации в области образования и т.д. Эти правовые документы регулируют антидискриминационную деятельность важнейших международных органов. К таковым, в первую очередь, относятся Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации и Европейский суд по правам человека.

С точки зрения правового обеспечения противодействия дискриминации, у нас всё на самом высоком уровне. Беларусь признала все международные правовые акты, касающиеся прав человека. В целом

ряде статей Конституции наша страна провозгласила равенство всех граждан перед законом (статьи 22 и 23) и недопустимость любой дискриминации в экономической деятельности (статья 13), в получении образования (статья 49), в приобщении к своей национальности и использовании родного языка (статья 50), в развитии национальной культуры (статья 15), а также по отношению к той или иной религии (статья 16).

Однако было бы непростительным заблуждением считать наличие прогрессивных законов панацеей от межэтнических эксцессов. Помимо хороших законов, для обеспечения межнациональной гармонии необходимо ещё, как минимум, два важнейших условия. Во-первых, соответствие антидискриминационным правовым нормам такой же толерантной общественной морали и психологии, а во-вторых, готовность правоохранительной системы осуществлять эффективную правоприменительную практику в области противодействия этнической нетерпимости. Причём первое условие оказывается первичным и по значению, поскольку милиционеры с прокурорами – тоже люди, носители господствующей в данном обществе массовой психологии. И если общественное мнение настроено резко негативно, скажем, к какой-то этнической группе, то что бы там ни было написано в Уголовном Кодексе, конкретный участковый N при встрече с представителями этой народности реализует на практике установки, исходящие, скорее, из общественных предрассудков, нежели от статей Конституции. Поэтому в первую голову следует целенаправленно морально дискредитировать общественные стереотипы этнической нетерпимости, гнездящиеся в глубинах массового подсознания. Но работа эта, учитывая консервативность общественного мнения, чрезвычайно долгая и кропотливая. Поэтому проводить её должны специально созданные государственные структуры, восходящие к самой вершине пирамиды власти.

В России, с которой Беларусь экономически и политически пытается интегрироваться, в структуре Общественной палаты, совещающейся с самим Президентом, имеется координационный совет по противодействию терроризму, а также комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. Эти органы периодически издают обширные доклады, определяющие стратегию и

тактику противодействия экстремизму вообще и этнической нетерпимости, в частности. Если бы была создана система подобных органов при первых руководителях регионов, то, вероятно, количество межэтнических столкновений стало бы меньше. Разумеется, одними комиссиями столь сложное и деликатное дело не решить, однако подобные государственные органы, поддерживаемые статусом первых лиц государства и регионов, смогли бы оказать существенное влияние на общественное мнение в направлении смягчения межнациональных нравов. Мы полагаем целесообразным воспользоваться опытом восточных соседей и сформировать совещательные органы при первых руководителях государства и регионов, в составе которых работали бы специальные комиссии по предотвращению межэтнической напряжённости. И пусть критиков такого предложения не обнадёживает кажущееся межнациональное спокойствие на просторах Беларуси. Это – всего лишь иллюзия штиля. На самом деле, как показывают результаты наших социологических исследований, бациллы этнической нетерпимости весьма распространены и в белорусском социальном организме. Белорусы отнюдь не более толерантны, чем любой другой народ. Просто удельный вес так называемых «некоренных» этносов в нашем обществе не достиг того критического уровня, после которого болезнь нетерпимости будет прорываться наружу в виде разрушительных поведенческих симптомов.

Актуализация проблематики этнической нетерпимости и дискриминации обусловлена глубинными могущественными процессами, имеющими глобальный характер. Однако исторические тенденции прокладывают свой путь посредством социальной активности личностей и общественных объединений. Поэтому не следует, уповая на объективность происходящих процессов, игнорировать общественную инициативу. Все усилия самых честных чиновников будут тщетны, а законы не будут работать, если государство в деле обеспечения межнационального мира не будет поддержано широкой общественной инициативой. Активное участие гражданского общества в создании атмосферы толерантности выступает решающим фактором в обеспечении межнациональной гармонии. Широкое социальное движение «снизу» в лице общественных объединений всех уровней организации вплоть до политических партий, кровно заинтересованных во взаимовыгодном

взаимодействии между представителями различных этносов, способно эффективно дополнить усилия государства по предотвращению межнациональных конфликтов.

Социальная активность граждан постепенно ломает лёд во взаимоотношениях между коренными и приезжими, помогает им лучше узнать друг друга, способствует менее болезненной адаптации переселенцев к нормам жизни в новых условиях и, пожалуй, самое важное, – ликвидирует вековые предрассудки так называемых «титульных» наций по отношению к нацменьшинствам.

Яркие примеры общественных инициатив, направленных против этнической нетерпимости, можно найти как на западе, так и на востоке от Беларуси. Так, например, на итальянском острове Лампедуза, где находится перевалочная база нелегальных мигрантов в Европу из Африки, работают сразу несколько волонтёрских общественных организаций, помогая попавшим в беду людям. А в Санкт-Петербурге с 2007 года действует Антидискриминационный центр «Мемориал», который специализируется на защите прав цыган и трудовых мигрантов, оказывая им помощь в случаях неправомерных действий работников правоохранительных органов, в частности, по сносу домов цыган. Считаем целесообразным создать в Беларуси на базе республиканского и областных советов общественных объединений комитеты из представителей национальных движений с целью координации и организационного обеспечения правозащитной деятельности в сфере противодействия дискриминации на этнической почве. Проведение такой работы с участием государства и организованной общественности позволит предотвратить стихийные межнациональные конфликты. Помимо прямого или долевого участия государства в деятельности общественных объединений, специализирующихся на гармонизации межэтнических отношений, целесообразно, на наш взгляд, поддерживать подобную гражданскую инициативу путём учреждения специальных фондов, через которые на конкурсной основе они могли бы финансироваться.

Антидискриминационное законодательство лишь создают условия для снижения уровня этнической нетерпимости. Для широкого распространения принципов этнической толерантности необходимо их позитивное восприятие массовым сознанием с последующим антидискриминационным реверсом общественной психологии. Вот здесь и начинается необозримое поле для социального творчества на уровне

конкретных трудовых и учебных коллективов, местных соседских и религиозных общин, общественных объединений и политических партий. За очень редким исключением создание толерантной социальной среды в коллективах и на уровне административно-территориальных образований осуществляется стихийно, «по наитию» руководителей. Далеко не всегда интуиция руководителя придаёт такой работе правильные ориентиры. Так, например, руководство какого-либо учебного заведения, желая создать наилучшие условия для иностранных студентов, заселяет их в новое общежитие и закупает мебель и дополнительное оборудование (к примеру, холодильники), в то время как «свои» учащиеся испытывают бытовые проблемы. Казалось бы, всё правильно с точки зрения обеспечения прав нацменьшинств. Однако в перспективе именно такая политика руководства может спровоцировать межэтническое напряжение между местными и иностранными студентами.

Любые привилегии или незаслуженные преимущества по национальному или иному признаку рано или поздно вызовут равную или превышающую их ненависть на той же почве. Поэтому чрезвычайно важно соблюдать принцип равенства прав и обязанностей граждан безотносительно к их национальности. На страже принципа равенства призвано стоять правовое государство с некоррумпированными чиновниками. На основе этого принципа, суть которого сформулировал в своей «Политике» ещё Аристотель («равные должны иметь равное»[95]), зиждется понятие социальной справедливости. Однако сам философ считал трудным вопросом выяснение того, «в чём заключается равенство и неравенство». Как у древнего философа, так и у наших современников вряд ли возникнет соблазн абсолютизировать принцип равенства в нынешнем сложноорганизованном обществе. В противном случае любое функциональное распределение представителей разных национальностей, обусловленное разделением труда, а также их политическая или производственная дифференциация на руководителей и подчинённых могут вызывать подозрения в этнической дискриминации. Для того чтобы свести к минимуму риск дискриминационной интерпретации обусловленной технологией управления дифференциации людей, следует воспользоваться ещё одной рекомендацией великого греческого

[95] Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. – С. 409-411, 462-492, 506-574.

аналитика. Он советовал для обеспечения общественной гармонии создать единую нерасчленённую социальную массу с тем, «чтобы все сословия в государстве по возможности мешались между собою». Применительно к нашей теме совет Аристотеля относится, соответственно, к «перемешиванию» национальностей в коктейле народа. А сделать это можно, как бы это ни казалось парадоксальным, лишь устранив из разряда сколько-нибудь существенных критериев признак национальности. «Перемешивание» этносов в народ, а народов – в глобальное человеческое сообщество подспудно осуществляется уже сегодня. Глобальными «миксерами» этого социального процесса являются США и Объединённая Европа. Постоянно преодолевая как стихийное, так и политически организованное сопротивление «националистов», «глобалисты» устраняют одно за другим символы национальной принадлежности. Страны, имеющие сложную этническую структуру населения и добившиеся заметных успехов на поприще межнациональной гармонии, исключили из документов, удостоверяющих личность, графу «национальность». Показательно, на наш взгляд, и то, что во всех сколько-нибудь заметных футбольных клубах Европы играет немало иностранцев, которых местные болельщики воспринимают никак не менее восторженно, чем этнически «своих» игроков.

Национальный признак людей в идеале не должен вообще приниматься во внимание, когда речь идёт об их общественно значимой деятельности. На деле этот принцип уже вовсю проводится в жизнь в передовых странах мира. Причём на самом высшем уровне, на уровне президентов. К примеру, французы спокойно избирали на высший пост в государстве выходца из Венгрии и голландца по происхождению, а подавляющее большинство американцев, выбирая президента, уже не замечают расовых различий претендентов.

Прогрессирующая социальная девальвация этничности, наряду с родством и гендером, особенно явственно прослеживается в высокотехнологичных областях экономики. В сфере производственных отношений практически полное игнорирование национальных признаков людей обусловлено господством технологических регламентов, безразличных к такого рода социальным различиям. Подобно тому, как за станком, хирургическим столом или преподавательской кафедрой фактически унифицируются пол и отношения родства работника, точно так же технология индифферентна к его национальной принадлежности.

Поэтому можно смело утверждать, что экономика является тем плавильным тиглем, в котором рудиментальные остатки этнической идентификации людей преобразуются в наднациональное видовое сообщество Homo sapiens. Вполне закономерно, с этой точки зрения, что наименее чувствительны к так называемому «национальному вопросу» квалифицированные работники сферы высоких технологий, которые принимают во внимание не цвет кожи и форму носа коллеги, а его знания, умения и навыки.

Однако в неформальных межличностных отношениях национальность, по-видимому, ещё долго останется для определённой части населения важным критерием самоидентификации. Здесь всё ещё актуальны унаследованные от предков подсознательные механизмы идентичности, подразделяющие людей на «своих» и «чужих» в зависимости от их внешнего вида. Если не брать во внимание ментальные рудименты первобытного происхождения, то следует учитывать вполне оправданный страх людей перед социокультурной унификацией и их стремление к неповторимости. Такого рода потребности людей в этнической самоидентификации следует всячески поддерживать, тщательно следя за тем, чтобы они не выходили за пределы неформальных отношений. Права представителей различных этносов на свой родной язык, религию, обычаи и ритуалы должны неукоснительно осуществляться при условии соблюдения действующих в данной стране законов, а также интересов непосредственного социального окружения в лице соседей или коллег. Правда, при этом важно не допустить, чтобы реализация прав отдельных национальных групп, в том числе и национальных меньшинств, оплачивалась за счёт других этнических сообществ. Даже малейшее нарушение принципа справедливости в этом щепетильном вопросе может надолго испортить взаимоотношения между людьми различных национальностей.

Признание права каждого этноса на свою культуру в рамках единого государственного образования предполагает выработку определённых механизмов межкультурного взаимодействия. Только наличие таких механизмов в состоянии предотвратить неизбежные в противном случае межнациональные конфликты. На протяжении всей своей предыдущей истории люди вырабатывали более-менее эффективные механизмы межкультурного взаимодействия стихийно, порою, ценой немалых жертв. Только в самое последнее время учёные-обществоведы принялись за

научное обоснование этой проблемы. Появились многочисленные концепции мультикультуральности, мультикультурализма, интеркультурализма. В широком смысле под мультикультурализмом понимается признание и поддержка культурных особенностей индивида в публичной сфере. А на уровне практической политики мультикультурализм трактуется «как социальная интеграция иммигрантов и создание для них в принимающем обществе … комфортных условий, учитывающих их традиции и культурные особенности»[96]. Под «комфортными условиями» для иммигрантов сторонниками этих концепций чаще всего подразумевается создание особого правового режима. На наш взгляд, образование комфортных правовых «лагун» для одних народов за счёт других неприемлемо уже хотя бы по той причине, что подобный «гуманизм» со стороны государства неизбежно порождает у одних иждивенчество, а у других – ненависть к «облагодетельствованным» за их счёт этносам. С целью минимизации подобных «перекосов» в национальной политики необходимо проводить социологическую экспертизу управленческих решений на всех уровнях, начиная с субъектов хозяйствования и кончая уровнем государственной политики.

Очень чувствительной к проблеме межнациональных отношений является сфера политики. Распределение власти между представителями различных национальностей всегда вызывало особенно горячие споры, нередко доходившие до вооружённых столкновений. И это не случайно, ибо, в отличие от экономики, которая может и должна быть конкурентной, власть на стадии реализации – всегда монопольная. Даже в демократических сообществах конкуренция допускается лишь на этапе борьбы за власть, сами же властные функции осуществляются, хотя и временно, однако персонально и монопольно. В полной мере это относится к исполнительной ветви власти. Понятно стремление различных этносов заполучить в своё распоряжение общенародные ресурсы путём обретения влиятельных государственных должностей. Народ, делегировавший на вершину власти своего представителя, почти всегда оставался в выигрыше. Правда, и потеря власти была чревата для этноса, не удержавшегося у власти, большими потерями. Современное многонациональное общество стремится избежать подобных перекосов в

[96] Осипов Александр. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? – М..: Центр Сова», 2012. – 152 с. – С. 53-57.

системе государственной власти и старается выработать политические механизмы балансировки влияния различных этнических групп. Многонациональный характер государственности утверждается в современных условиях в разных формах. Это, в первую очередь, федеративное государственное устройство и национально-территориальное деление страны, создание параллельных институтов власти для разных этнических групп, пропорциональное численности народов распределение мандатов в представительной ветви власти, резервирование мест для представителей меньшинств в выборных органах (например, в Словении, Хорватии и Новой Зеландии). Некоторые страны (к примеру, Германия и Румыния) законодательно установили преимущества для общественных объединений этнических меньшинств на выборах, в частности, отменили для них так называемый «электоральный порог» прохождения в земельные парламенты. Насколько целесообразен и применим этот опыт для Беларуси? Унитарное государственное устройство Беларуси не предусматривает существование национально-территориальных образований. Более того, их наличие может спровоцировать в перспективе тенденцию некоторых этносов к сепаратизму, как это произошло, например, в Косовском крае Сербии. В царской России и в современных США при всём многообразии их национального состава удавалось избегать значительных сепаратистских эксцессов как раз исключительно территориальным принципом региональной структуры.

Полагаем, что Беларуси пока нет оснований отказываться от апробированного временем вектора национальной политики. При этом не стоит убаюкивать себя сказками о природной толерантности белорусов и упускать из виду те подспудные процессы в межнациональных отношениях, которые всё более ускоряются под воздействием экономической глобализации и современных средств коммуникации. В первую очередь, это относится к сфере образования и труда, где рост мигрантов из близких и далёких стран наиболее заметен. Пристальное внимание к «национальному вопросу» и научно обоснованные ответы на него позволят во всеоружии встретить грядущее неизбежное усложнение этносоциальной структуры населения нашей страны.

ГЛАВА 4. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ

Включение стран пост-советского пространства в мировые цивилизационные процессы происходит на фоне глобализации, которая формирует единую экономическую, информационную, технико-технологическую и социальную многокультурную среду. В теориях глобализации тесно переплетаются все аспекты: политический, экономический, образовательный, информационный, лингвистический и культурологический, глобализация оказывает как прямое, так и опосредованное влияние на уровень межэтнического взаимодействия народов и стран, а следовательно, и на духовно-нравственное развитие личности и национальную культуру, актуализирует исследования, связанные с развитием межкультурного и межрелигиозного диалога в динамике происходящих социально-политических процессов.

Как отмечает российский исследователь В.Л. Садохин, «История человечества, до недавнего времени бывшая лишь историей отдельных стран, народов и культур, сегодня превращается в глобальную единую историю. Границы между локальными (этническими) культурами все более стираются и исчезают. Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным вопрос о культурной самобытности и культурных различиях. Культурное многообразие современного человечества увеличивается, и составляющие его народы должны находить все больше средств, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Становится чрезвычайно важным уметь определять культурные особенности народов, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания»[97] .

Глобализация, одновременно с социально-политическими трансформациями конца 20 - начала 21 вв. в постсоциалистическом лагере, повлияла на распространение не только идей политического, национального, культурного плюрализма, но и расистских, религиозно-экстремистских, профашистских настроений, ксенофобии, национального

[97] Введение в теорию межкультурной коммуникации/ А.П. Садохин. — М.: Высш. шк., 2005. — 310 с.

эгоизма и шовинизма. Следовательно, необходимо рассматривать глобализацию как процесс социальных изменений, оказавший огромное влияние именно на увеличение, расширение и интенсификацию глобальных культурных связей, потенциально влияющих на радикальные тенденции в обществе, возникновение межрасовых, межрегиональных и т.п. конфликтов, и искать пути достижения взаимопонимания и неконфликтного сосуществования носителей различных культур, воспитания способности к сотрудничеству, толерантности и терпимости к чужому мнению, умение вести диалог, стремление искать и находить компромиссы, избегать радикализации отдельных групп и когорт.

Республика Беларусь, как поликультурное, многоконфессиональное государство, интегрирована в общемировую культуру, где происходит смешение различных этнических культур. С учетом географического расположения, на исторической территории Беларуси идея воспитания толерантности, поликультурного образования и воспитания достаточно часто приобретала особую актуальность. Очередной виток актуальности проблемы возник в постсоветское время, в 90-е годы XX века, в связи с формированием национально-культурных объединений и землячеств (армяне, грузины, [illegible]намцы и др.), ростом количества церквей и конфессий, что могло привести к проявлению межэтнических конфликтов, вызванных социально-экономическими, политическими и социокультурными факторами. В 21 столетии, в свете различных геополитических процессов, расово-национально-этнический состав Беларуси обновляется практически ежемесячно. Это беженцы и лица без гражданства, представители разных конфессий и церквей, мигранты. Так по данным последней переписи населения (2009 года) на территории страны постоянно проживали представители почти 140 национальностей и народностей[98].

[98] Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Население по национальности и родному языку (человек). – Минск, 2018. - Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/uploads/file/GU_demogr/5.8-4.pdf. - Дата доступа: 12.12.2018.

Таблица 1 - Этно-национальный состав жителей Республики Беларусь

Национальность	Численность, тыс.			Доля во всем			1999 в % к 1989 г.	2009 в % к 1999 г.	2009 в % к 1989 г.
	1989 г.	1999 г.	2009 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.			
Все население	10152	10045	9504	100	100	100	99	94,6	93,6
Белорусы	7905	8159	7957	77,86	81,22	83,73	103,2	97,5	100,7
Русские	1342	1142	785,1	13,22	11,37	8,26	85,1	68,8	58,5
Поляки	417,7	395,7	294,5	4,11	3,94	3,1	94,7	74,4	70,5
Украинцы	291	237	158,7	2,87	2,36	1,67	81,4	67	54,5
Евреи	112	27,8	12,9	1,1	0,28	0,14	24,8	46,5	11,5
Армяне	4,9	10,2	8,5	0,05	0,1	0,09	206,6	83,5	173,5
Татары	12,6	10,1	7,3	0,12	0,1	0,08	80,8	72,4	57,9
Цыгане	10,4	9,9	7,1	0,1	0,1	0,07	92,2	71,5	68,3
Литовцы	7,6	6,4	5,1	0,07	0,06	0,05	84	79,5	67,1
Азербайджанцы	5	6,3	5,6	0,05	0,06	0,06	127	88,4	112
Немцы	3,5	4,8	2,5	0,03	0,05	0,03	136,6	51,5	71,4
Молдаване	5	4,3	3,5	0,05	0,04	0,04	86	80,6	70
Грузины	2,8	3	2,4	0,03	0,03	0,03	106,7	80	85,7
Латыши	2,7	2,2	1,5	0,03	0,02	0,02	84,2	70,4	55,6
Чуваши	3,3	2,2	1,3	0,03	0,02	0,01	67,5	58	39,4
Мордва	2,6	1,7	0,9	0,03	0,02	0,01	64	51,6	34,6
Узбеки	3,5	1,6	1,6	0,03	0,02	0,02	44,4	99,6	45,7
Казахи	2,2	1,2	1,4	0,02	0,01	0,01	54,7	112,9	63,6
Башкиры	1,3	1,1	0,6	0,01	0,01	0,01	87,1	55,2	46,2
Другие национальности	17	19,1	246,1	0,17	0,19	2,59	112,4	1288,5	1447,6

По переписи 2009 года к белорусам себя относят 7 957 252 человек, что составляет 83,7% населения. Доля остальных национальностей, проживающих на территории Беларуси, составляет 16,3% соответственно. Наиболее многочисленными из них являются русские 8,3%, поляки 3,1%, украинцы 1,7%. Евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы и литовцы, а также другие национальности, составляют от 0,1% до 0,05 и менее доли от общей численности населения страны.

В контексте совместного исследования, следует отметить, что численность армян, живущих на территории Беларуси, во второй половине XX столетия быстро увеличивалась. По сравнению с данными переписи 1959 г. на дату переписи 1999 г. она увеличилась примерно в пять раз и составила 10,2 тыс. человек. Особенно активно росла

численность армян проживающих в Беларуси в 90-е годы. В последнее десятилетие численность представителей армянской национальности в Беларуси несколько уменьшилась, но особенностью является значительное преобладание лиц мужского пола, что объективно было связано с их увеличением за счет трудовой иммиграции (Рисунок 1).

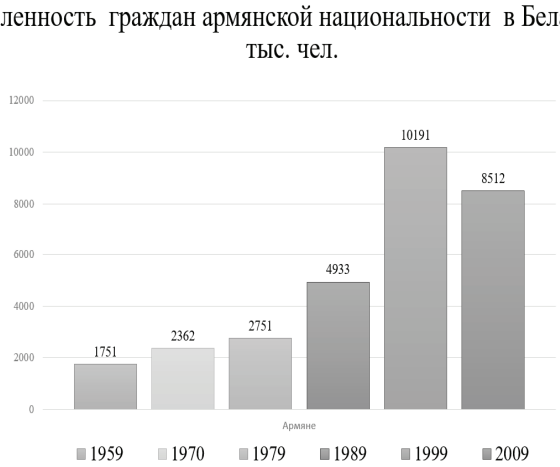

Рисунок 1 – Численность граждан армянской национальности в РБ

Также с точки зрения эстимации рисков радикализации общества важен языковой вопрос, ведь язык не только отражает мир человека и его культуру, но и хранит и передает ее из поколения в поколение. И именно язык народа играет значительную роль в становлении национального характера, интеграции этнической общности, народа, нации и формировании толерантной личности. Важно подчеркнуть, что в ходе подготовки к переписи населения 1999 года, вопросы переписи, связанные с национальным языком, вызвали спор между государственными структурами и общественными организациями, которые настояли на том, чтобы одновременно с вопросом «Каким языком Вы пользуетесь дома?», был внесен вопрос «Назвать свой родной

язык». 7 млн. чел. назвали белорусский язык родным, из них 3683 тыс. чел. (37%) отметили, что пользуются им в повседневной жизни[99].

Согласно данным переписи населения 1999 года, представленным в официальном отчете, дома разговаривают на белорусском языке – 37% (92% из них составляют белорусы). На русском языке общаются дома 6308 тыс. человек (63%) от общего количества населения республики. Из них 4783 тыс. чел. – белорусы. Среди белорусов доля использующих в повседневном общении русский язык составлял 59%. Сравнение данных переписей населения 1999 и 2009 годов указывает на 2 тенденции: это увеличение коммуникативной распространенности русского языка в Республике Беларусь и тенденция уменьшения количества тех, кто выбирает в качестве родного язык своей национальности среди представителей всех национальностей, проживающих на территории нашего государства. Хотя большинством опрошенных было отмечено, что в повседневном общении (обычно разговаривают дома) используют русский язык. Представим сравнительные данные переписи населения 1999 и 2009 года в таблице ниже в таблице 2.

Таблица 2 - Распределение населения РБ по национальности и языкам, 1999, 2009 гг.

	Численность лиц данной национальности, тыс. человек		Из общей численности лиц данной национальности, в процентах							
			считают родным язык своей национальности		указали язык, на котором обычно разговаривают дома					
					белорусский		**русский**		**другие**	
	1999г.	**2009г.**	**1999г.**	**2009 г.**	**1999 г.**	**2009 г.**	**1999г.**	**2009г.**	**1999г.**	**2009г.**
Все население	10045	9503	81,9	59,8	36,7	23,4	62,8	70,2	0,5	6,3
Из них:										
Белорусы	8159	7957	85,6	60,8	41,3	26,1	58,6	69,8	0,1	4,1
Русские	1142	785	90,7	96,3	4,3	2,1	95,7	96,3	–	1,6
Поляки	396	294	16,5	5,4	57,6	40,9	37,7	50,9	4,7	8,2
Украинцы	237	159	42,9	29,2	10,2	6,1	83,6	88,4	6,2	5,5
Евреи	28	13	5,4	1,89	3,8	2,0	95,7	95,9	0,5	2,1

[99] Коряков, Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дис. канд. фил. наук: 10.02.19 / Ю.Б. Коряков. – М., 2002. – 129 л.

На социально-культурную ситуацию влияют не только национальности и этносы, но и представленность религий и культов. Спецификой Беларуси является поликонфессиональный уклад ее религиозной жизни, на ее исторических территориях не было религиозных войн, бок о бок жили и исповедовали свою религию православные, католики, иудеи, приверженцы ислама, протестанты и униаты. Так, по данным Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей в Республике Беларусь, на 1 января 2019 года зарегистрировано 25 религиозных конфессий и направлений. Общая численность религиозных организаций в настоящее время составляет 3550 (православные, римско-католические, христиан веры евангельской, евангельских христиан баптистов, адвентистов седьмого дня, лютеранские, иудейские, мусульманские и общины других религиозных направлений)[100]. В соответствии со своими уставами действуют 175 религиозных организаций, имеющих общеконфессиональное значение. Из них: 49 религиозных объединений, 37 миссий, 44 монастыря, 16 братств, 10 сестричеств, 19 духовных учебных заведений.

Еще одна составляющая изменения национально-этнической ситуации в стране - беженцы и люди без гражданства. По сведениям Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, по состоянию на 1 июня 2018 года признаны беженцами 938 человек включая несовершеннолетних детей, а получили дополнительную защиту на территории Беларуси - 2870 человек (для сравнения - в 2007 году было 798 беженцев из 13 стран, на 1 июня 2014 года были признаны беженцами 891 человек, а получили дополнительную защиту на территории Беларуси - 51человек)[101] (таблица 3).

[100]Заседание коллегии аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей [Электронный ресурс] / Беларусь21. Минск, 2018. 1 февр. – Режим доступа: http://belarus21.by/New/zasedanie-kollegii-apparata-upolnomochennogo-po-delam-religij-i-nacionalnostej-8. – Дата доступа: 20.12.2018.

[101]Статистические данные о вынужденной миграции в Республику Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Минск, 2019. - Режим доступа: http://www.mvd.gov.by/main.aspx?guid=69883. – Дата доступа: 02.02.2019.

Таблица 3 - Сведения о лицах без гражданства и получивших дополнительную защиту на территории Республики Беларусь на 1 июня 2018 года, чел.

Государство	Признаны беженцами	Получили дополнительную защиту
Азербайджан / Azerbaijan	30	
Армения / Armenia	4	
Афганистан / Afghanistan	631	10
Грузия / Georgia	136	2
Египет / Egypt		9
Индия / India	2	
Ирак / Iraq	3	14
Иран / Iran	12	1
Йемен / Yemen		44
Казахстан / Kazakhstan		2
Камерун / Cameroon	1	
Кыргызстан / Kyrgyzstan		1
Либерия / Liberia	1	
Ливан / Lebanon	1	1
Ливия / Libya	1	9
Молдова / Moldova		1
Пакистан / Pakistan	5	
Палестина / Palestina	10	
Руанда / Rwanda	1	
Сирия / Syria	36	127
Сомали / Somalia	1	
Таджикистан / Tajikistan	32	
Турция / Turkey	3	
Украина / Ukraine	4	2649
Эритрея / Eritrea	1	
Эфиопия / Ethiopia	23	
Всего	938	2870

Также в Беларуси по состоянию 1 июня 2018 года было зарегистрировано 6000 человек без гражданства, прибывающих из различных регионов и стран. Еще один источник увеличения количества иностранных граждан в Беларуси, это сложившаяся ситуация после известных украинских событий. В связи с общностью границ Беларуси с Украиной и массовым притоком беженцев после начала вооруженного конфликта в Донецкой и Луганской областях Украины был принят Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2014 г. № 420 «О пребывании граждан Украины в Республике Беларусь». По официальным данным, в Беларусь, с 2014 по 2016 год прибыло более 160 тысяч украинцев, с ходатайствами о защите обратились около 2900 украинских

граждан. По результатам рассмотрения их ходатайств 2649 человек получили дополнительную защиту (по состоянию на 01.06.2018).

Цифры и их динамика характеризуют актуальную национально-культурную ситуацию в Республике Беларусь как относительно спокойную. Но следует отметить, что, если в советское и постперестроечное время на территорию страны переселялись в основном выходцы из 15 дружественных республик Советского Союза, то сейчас прибывают представители этнокультурных групп, незнакомые ни с одним из государственных языков (китайцы, пакистанцы, палестинцы, арабы и др.). Часто прибывают целые семьи, среди них есть люди разного возраста, в том числе дети и подростки. Именно поэтому становится архиактуальной проблема социализации, включения в детский коллектив, обучения детей мигрантов и беженцев, профориентации и трудоустройства взрослых, их инкультурации, аккультурации.

Следовательно, проблема выстраивания взаимоотношений, умения жить в многонациональном и мультикультурном мире должна быть решена различными инстанциями и как можно раньше. Иностранные граждане на территории Беларуси объединяются по национальному и этническому признаку, создают свои общности и землячества. В республике действует более 180 общественных культурно-просветительных объединений, представляющих 26 национальностей. Основные направления деятельности общественных объединений – защита прав и свобод человека, помощь в адаптации, сохранение своей культуры. При объединениях существуют школы, клубы, культурные центры, они издают свои газеты и журналы. В Законе РБ «Об общественных объединениях» предусматривается создание и деятельность общественных организаций этнокультурных групп, проживающих на территории Республики Беларусь.

Конституция и законодательство нашего государства гарантируют защиту прав и законных интересов каждого гражданина на национально-культурное самоопределение и вероисповедание. Статьи 14, 15 и 16 Конституции Республики Беларусь как Основного Закона Республики Беларусь, имеющего высшую юридическую силу и закрепляющего основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений, указывают, что государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими

общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов и государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь Статья 15), а религии и вероисповедания равны перед законом. Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа (Статья 16). Защиту права на труд осуществляет Трудовой кодекс Республики Беларусь. Согласно ему, при трудоустройстве и в дальнейшем не допускается (Статья 14) и преследуется по закону (Статья 241) дискриминация по национальному, языковому, расовому, религиозному признакам. Представители этнокультурных групп как особая категория населения имеют равные трудовые, социальные и иные права с белорусами.

Поддержка культуры представителей разных национальностей, проживающих на территории Республики Беларусь является неотъемлемой частью культурной политики государства и гарантирует представителям национальных меньшинств возможность и широкие права сохранять историю и культуру своей нации, свое этническое самосознание и самобытность. Работу в данном направлении в Беларуси координируют различные ведомства, среди которых Министерство иностранных дел, Министерство Культуры, Министерство образования, Министерство внутренних дел, Аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей, Республиканский центр национальных культур, Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Сегодня в Республике Беларусь реализуется Программа развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2016-2020 годы. Главными задачами органов по делам религий и национальностей в сотрудничестве с другими заинтересованными по регулированию этноконфессиональной сферы и взаимодействию с соотечественниками за рубежом в 2019 году являются: дальнейшее развитие сотрудничества с религиозными организациями, национально-культурными общественными объединениями и соотечественниками, проживающими за рубежом на основе национальных ценностей белорусского народа; патриотическое воспитание молодежи в условиях неразрывной связи свободы выбора с

нравственной ответственностью в целях обеспечения национальной и стратегической безопасности страны; недопущение вовлечения религиозных организаций и национально-культурных общественных объединений в политическую деятельность, предупреждение нарушений ими законодательства в процессе реализации уставных задач и требований, выполнение мероприятий Программы развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2016 – 2020 годы.

Во исполнении конституционных норм, в Беларуси созданы условия для сохранения и изучения национальных языков. В государственных учебных и воспитательных учреждениях в соответствии с пожеланиями родителей абитуриентов организовано изучение ряда языков этнокультурных групп либо обучение и воспитание на этих языках. На базе общеобразовательных школ, внешкольных, клубных, библиотечных учреждений созданы школы, классы, факультативы, кружки по обучению на родном языке, а также по исследованию истории и культуры этнокультурных общностей. Действуют 2 школы с польским и 2 школы с литовским языками обучения. В некоторых общеобразовательных школах введен этнокультурный компонент. Предоставлена также возможность неформального образования детей в специализированных классах. Силами диаспор организованы воскресные школы для представителей польской, армянской, грузинской, азербайджанской, греческой, еврейской, корейской, латышской, литовской, немецкой, татарской и украинской национальностей, курсы по выбору, кружки, отдельные группы в детских садах, где организуется обучение на языке национального меньшинства. Образовательно-воспитательный процесс в них обеспечивается зачастую учебниками и учебно-методическими пособиями из стран исторического происхождения учащихся, но мало из них обладают грифом рекомендованных Министерством образования Республики Беларусь. В отличие, например, от Германии, в Беларуси не практикуется обучение детей младшего школьного возраста на родном для них языке и дальнейший перевод на обязательное изучение государственного языка. Этот подход сопрягается не с требованиями современного мультикультурализма, а, скорее, с устаревшей и непродуктивной идеей «плавильного тигля», со старой советской практикой, когда русский язык был единым или первым языком

коммуникации. Это предполагает конечно ассимиляцию, которая не отвечает ожиданиям представителей этнокультурных групп. Следует отметить недостаточное развитие СМИ на национальных языках, хотя и существуют определенные каналы и операторы кабельного телевидения, транслирующие некоторые телепрограммы этнокультурных групп, но они весьма малочисленны и распространены в приграничных районах. Хотя современное развитие IT-технологий во многом упростило каналы коммуникации и связь с родиной представителей различных этно-национальных групп.

Как представляется, в современной Беларуси актуальна проблема этнического, культурного радикализма, а не политического. Основными социологическими индикаторами радикализма в современном обществе являются: характер и проявление идентичности, и уровень толерантности к иным этническим группам.

В советские времена феномен этнической идентичности рассматривался в терминологии этнического (национального) самосознания в рамках трех основных подходов:

1) как один из признаков этнической общности и до 1970-х годов не всегда рассматриваемый самостоятельно;

2) как феномен, жестко детерминированный экономическими, политико-культурными факторами в рамках формационного подхода;

3) этническое (национальное) самосознание изучается главным образом в концепции социально-исторического примордиализма. Для приверженца «классического» примордиализма человек не мыслится вне этноса или лишенным этнического самосознания. Любой член социума, по убеждению сторонников этой парадигмы, появляясь на свет, уже по происхождению принадлежит к определенной этнической общности, а в процессе социализации неизменно осознает эту свою принадлежность. Таким образом, этническая идентичность (этническое чувство) объявляется древним и неотъемлемым элементом человеческого сознания.

Научным достижением 1970-80-х гг. было утверждение представлений о национальном (этническом) самосознании как значимом и самостоятельном признаке этноса. Наиболее существенный прорыв в изучении был сделан в 1980-ые гг.: а) выделены уровни функционирования групповой и личностный этнической идентичности; б)

выделено рассмотрение этнической идентичности как компоненты множественной идентичности и роли социально-профессиональной идентичности как фактора (Л.М. Дробижева); в) началось комплексное рассмотрение этнической идентичности на уровне дискурса, институциональных установок и ориентаций в массовом сознании и поведении; г) в структуре этнического самосознания стали изучаться не только содержательные компоненты, когнитивные представления, но и эмоциональные и регулятивные. Существенное влияние на развитие представлений об этнической идентичности оказали разработки социологами проблем установок и ценностных ориентаций (В.А. Ядов). Развитие национальных движений, возможность общения с западной литературой привело к проникновению в этносоциологию деятельностного подхода, широкому использованию теории социальной идентичности Г. Теджфела, проникновению идей гуманистической психологии (А. Маслоу, Дж. Дэвис).

Широкую перспективу открыло распространение в социологии и этнологии конструктивистского подхода, который фиксирует внимание на изменчивости, ситуативности и субъективной природе этнических феноменов. Дискутируя с «примордиалистами», приверженцы конструктивистской концепции выступают против «органического» видения этноса, предполагающего его «рождение, жизнь и смерть», предлагая вместо бесконечного расширения списка «объективных» признаков этноса добавить в любой их перечень элемент «представления об этих признаках». Ряд авторов выделяют три основных направления в рамках конструктивистской концепции этничности: когнитивизм, релятивизм (или контекстуализм) и инструментализм. Иногда последнее направление рассматривается в качестве отдельного (третьего) подхода к этническим феноменам или квалифицируется как «посредническое» между конструктивизмом и примордиализмом. Представители «когнитивистского» подхода (идеолог – А. Эпштейн) рассматривают этничность, прежде всего, как способ адаптации индивида к сложной социальной реальности путем создания «когнитивной карты» окружающего социума, которая позволяет типизировать и, следовательно, «упрощать» восприятие окружающего мира в целом и «иных» групп и индивидов в частности.

Этот «синтетический» подход получил развитие в теории «символического конструктивизма» П. Бурдье. Рассматривая этнические группы в одном ряду с другими социальными группами, исследователь доказывает их существование одновременно в двух планах: «на бумаге» (как теоретического конструкта) и «на деле» (как элемента социальной реальности). Таким образом, этнические группы, по П. Бурдье, объективно существуют благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и благодаря институтам, которые способствуют воспроизводству этой веры.

Относительно белорусской нации выделяются несколько основных концепций [102]:

1. Этнокультурная концепция нации. В основании ее лежит комплекс идей о белорусской этнической общности. Белорусский народ – это, прежде всего, этническая группа с соответствующими признаками: общее происхождение, язык, совместная история и культура. К представителям данного направления относятся: Л. Лыч [103], С. Дубовец [104], У. Конан[105] , С. Санько [106].

2. Культурно-политическая концепция. Нация понимается как политическое и культурное сообщество. Под политическим понимается связь с политическими институтами, в частности с институтом гражданства; культурное подразумевает наличие общих культурных символов, практик, понимания прошлого. Нация представляет, в первую очередь, сообщество граждан Беларуси, однако подчеркивается, что граждане формируют культурную общность, а национальная культура есть интегрированная часть нации. Основными представителями данного

[102] Казакевіч, А. Канцэпцыі (ідэі) беларускай нацыі ў перыяд незалежнасці, 1990-2009 / А. Казакевіч // Палітычная сфера. – 2010. - №14 - С. 21-40.
[103] Лыч, Л. Беларуская нацыя і мова / Л. Лыч. – Минск : Мастацкая літаратура, 1994. – 327с.
[104] Дубовец, С. Падставы нацыянальнага нацыянализму / С. Дубовец // Анталегія сучаснага беларускага мыслення [Электронный ресурс]. - 2003. - Режим доступа: http: // baj.by/belkalehium/antalohija/art10.htm. – Дата доступа: 03.02.2019.
[105] Конан, У. Беларуская нацыянальная ідэя: гістарычныя аспект і сучасныя праблемы / У. Конан // Беларуская думка XX стагоддзя: філасофія, рэлігія, культура. - Варшава, 1998. – С. 11-115.
[106] Санько, С. «Традыцыяналістскі погляд на традыцыю: “прэзумпцыя аўтахноннасьці” і “дэканструкцыя традыцыі”/ С. Санько // Фрагменты. – Минск, 1999. - №1-2. - С.98-115.

направления являются: М. Плиска[107] , В. Глушаков [108], Я. Яскевич [109], Е. Бабосов[110].

3. Государственно-политическая концепция, в основе которой лежит понимание нации как населения Республики Беларусь. Основными политическими институтами являются государство, советская культурная и политическая преемственность этнографической специфики Беларуси. Данная концепция является самой общей и размытой по сравнению с остальными[111].

4. Русоцентризм. В основе – идея единого русского народа, который складывается из белорусов, русских и др. Центр белорусского сообщества выносится за пределы Беларуси. Яркие представители: А. Казакевич[112], Л. Криштапович[113] , Я. Трещенок [114].

Анализируя проблемы, связанные с концептуализацией феномена «белорусская идентичность», Т. Водолажская отмечает, что в большинстве работ, посвященных проблеме белоруской идентичности, она рассматривается с точки зрения становления белоруской нации как коллективного социального субъекта, ее самоопределения в качестве социальной общности. Такого рода исследования обращены, прежде всего, к историческим материалам, среди которых рассматривается: 1) история идей и проектов, имеющих конституирующее влияние на процесс нациогенеза и содержание белорусской идентичности и 2) «непосредственная» история становления белорусской нации и ее нынешнее состояние, в которых отслеживаются этапы и факторы

---

[107] Пліска, М. Кансерватызм і лібералізм / М. Пліска // Ад “тутэйшасці” да нацыянальная дзяржаўнасці. – Мінск, 1999. - С. 18-31.

[108] Глушаков, В.Е. Вызов времени: Беларусь на пороге тысячелетий / В.Е. Глушаков. – Минск: БЕЛБИЗНЕСПРЕСС, 1999. – 224с.

[109] Яскевич, Я.С. Общенациональная идея современного белорусского общества: приоритеты и ценности / Я.С. Яскевич // Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики. – Минск, 1998. - С.66-69.

[110] Бабосов, Е.М. Идеология белорусской государственности – идеология единения/ Е.М. Бабосов // Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики. - Мн., 1998. – С. 43-52.

[111] Мельник, В.А. Государственная идеология Республики Беларусь. Концептуальные основы / В.А. Мельник. – Минск : «Тесей», 2007. – 352с.

[112] Казакевич, А. Про колонию / А. Казакевич // Перекрестки. - 2005. - №3-4. - С.17-27.

[113] Криштапович, Л.Е. Белоруссия и русская цивилизация / Л.Е. Криштапович. - Минск, 1999. – 302с.

[114] Трещенок, Я.И. Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь / Я.И. Трещенок. - Могилев : МГУ им. Кулешова, 2006. – 249с.

формирования тех или иных элементов национальной идентичности – язык, государственность, культура и т.д.[115]

Среди первого типа автор выделяет работы И. Бобкова, посвященные генеалогии белорусской идеи и «пограничью» как месту где формируется белорусская субъективность и белорусская субъектность[116]. На фрагментарность белорусского культурного пространства указывает В. Акудович[117]. Описывая культурно-лингвистическое единство белорусов в форме архипелага, он констатирует невозможность для Беларуси формирования национальной идентичности по «традиционной» языковой модели. П. Рудковский[118], рассматривая попытки концептуализации белорусской идентичности, также констатирует фрагментарность белорусской национальной культуры и отсутствие консенсуса по поводу оснований идентичности. Со своей стороны, он предлагает решить эту проблему через определение белорусской идентичности как формы различий (в противоположность единству). При этом он видит проблему в неадекватности категории «идентичность» для понимания характера белорусского сообщества и предлагает использовать понятие «соборность». Противоположная позиция находит отражение в работах В. Булгакова[119] и А. Казакевича[120]. Эта противоположность состоит не столько в отстаивании культурно-лингвистической версии национальной идентичности, сколько в признании возможности ее осуществления в современной Беларуси.

Примером исследований второго типа – непосредственного анализа содержания белорусской идентичности – является работа Ю. Лихтаровича и В. Иванова[121]. Они рассматривают белорусскую идентичность с точки

---

[115] Водолажская, Т. К постановке проблемы белорусской идентичности / Т. Водолажская [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://methodology.by/?p=693. – Дата доступа: 26.01.2019.

[116] Бабкоў, І. Генэалёгія беларускай ідэі / І. Бабкоў // ARCHE. –Минск, 2005. - №3. – С.136-165.

[117] Акудовіч, В. Разбурыць Парыж. / В. Акудовіч. – Менск: Логвінаў, 2004. – 247с.

[118] Рудкоўскі, П. Ад ідентычнасці да саборнасці / П. Рудкоўскі // ARCHE. –Минск, 2006. - № 1-2. – С. 16-22.

[119] Булгакаў, В. Мой Багушэвіч / В. Булгакаў // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. – Спб.: Невский простор, 2003. – 328 с.

[120] Казакевіч, А. Беларуская сістэма: марфалогія, фізіялогія, генеалогія/ А. Казакевіч // ARCHE. – Минск, 2004. - № 4. — С. 16-20.

[121] Ліхтаровіч, Ю. Беларуская нацыя: міф альбо рэчаіснасць / Ю. Ліхтаровіч, Ў. Іваноў // Грамадзянская альтэрнатыва. - 1999. - № 1. - С. 5-10.

зрения представленности в ней необходимых компонентов национальной идентичности: языкового, территориального, конфессионального и т.д. Набор этих компонентов исходит из классических теорий нации, которые используются в качестве универсальных моделей. В итоге авторы отмечают незавершенность в формировании национальной идентичности и указывают на обстоятельства и факторы этой незавершенности. Анализ белорусской идентичности через сравнение с классической моделью национальной идентичности проводит и И. Бугрова[122]. Хотя здесь используется другая – государственно-политическая - модель. Автор обращается к поиску идентичности Беларуси и белорусского народа через реконструкцию политической культуры, восстанавливая исторические условия и факторы ее формирования. В итоге определяется тип политической культуры – «консенсусный», – который задает границы и возможности формирования белорусской идентичности, а также степень и характер ее несоответствия (специфику) относительно универсальных образцов.

Выделяется также несколько работ, в которых белорусская идентичность рассматривается через выявление белорусской самобытности и уникальности, которую следует обнаруживать и развивать. Предлагается восстановление диалога белорусской и европейской культуры[123], возрождение белорусской культурной традиции через исследование «подлинного этнического субстрата»[124]; обращение к «тутэйшасці» как к основанию этнокультурного самоопределения[125] .

Особо следует выделить теоретическую схему исследования белорусской идентичности, разработанную Л. Науменко, которая предполагает измерение и сравнение совокупности переменных, объединяющих и представляющих такие феномены и механизмы группового и индивидуального сознания, как этническая, гражданская, территориальная, культурная субидентичности и соответствующие идентификации и самокатегоризации, значения этнической и гражданской принадлежности и их субъективная значимость, установки по отношению

---

[122] Бугрова, І. Ідэнтычнасць Беларусі: з вопыту “разумеючай паліталогіі / І. Бугрова // Грамадзянская альтэрнатыва. - 1999. - № 1. - С. 33-46.

[123] Екадумов, А. Бездомная нация европейского дома / А. Екадумов // ARCHE. – Минск, 1999. - № 1. – С. 24-31.

[124] Санька, С. Традыцыяналіскі погляд на традыцыю: “прэзумпцыя аўтахтоннасці” й “дэканструкцыя традыцыі” / С. Санька // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. – Спб.: Невский простор, 2003. – С.46-63.

[125] Насута, А. Харызма тутэйшасці / А. Насута // Druvis. - 2005. - №1. — С. 15-28.

к этнической принадлежности, чувства принадлежности, преданности и общности с различными социальными группами и их представителями[126] .

Белорусский социолог А. Ластовский, рассматривая историческую память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности, приходит к следующим выводам:

1) Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую национальную идентичность, является память о победе в Великой Отечественной войне; непротиворечивость и упрощенность этой памяти лишь способствуют согласованности представлений о прошлом.
2) Наиболее насыщен и разнообразен в белорусской исторической памяти топос современной истории, но за это приходится платить противоречивостью оценок и интерпретаций.
3) Память о советском периоде в истории Беларуси отмечена гегемонией памяти о победе в войне, за которой уходят в тень другие события.
4) Наибольшим потенциалом для укрепления белорусской национальной идентичности обладает топос социальных представлений об истории Беларуси до начала XX в. Этот топос обладает двумя важнейшими характеристиками: незаполненность и позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании [127].

Белорусский социолог Л. Титаренко выделяет закономерности развития белорусской национальной идентичности:

1. Диалектическая взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов, которые имеют место в процессе формирования и поддержания на соответствующем уровне развития национальной идентичности. Так, при усилении воздействия глобальных тенденций снижается влияние внутренних факторов, и общее направление развития национальной идентичности приобретает больше универсализма, нежели сохраняет специфики. В обратном случае, когда на первый план выходят внутренние факторы (внутренняя мобилизация населения, сильная национальная идеология, либо политическая изоляция страны), националистические элементы могут

[126] Науменко, Л.И. Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси: монография. / Л.И. Науменко, Т.В. Водолажская. – Минск : Белорусская наука, 2006. – 183 с.

[127] Ластовский, А.Л. Историческая память как фактор укрепления белорусской национальной идентичности / А.Л. Ластовский // Социологический альманах. – Минск, 2007. - №1 – С.187-195.

приобретать большее развитие в рамках тех или иных форм и типов национальной идентичности. Хотя эта закономерность выявлена на данных Беларуси, она имеет общенаучное значение. Например, она прослеживается на изменениях польской идентичности: после вступления страны в Евросоюз и культивирования общеевропейских ценностей, там имеет место рост европейской идентичности[128].

2. Рост гражданской идентичности как приоритетного (но далеко не единственного) паттерна, на который в последующем могут ориентироваться другие постсоветские страны. Сегодня гражданскую идентичность как важную выбирает часто только одна треть. Однако этот процент из года в год растет.
3. Замедление уровня самоопределения населения по европейскому критерию[129].
4. Относительно медленный темп изменения типов идентичности населения. Эта закономерность проявляется в сохранении территориального и локального типов наравне с этнонациональным, что связано с устойчивыми стереотипами сознания[130].

Представленные концепции свидетельствуют о разноплановости в изучении феномена «белорусская национальная идентичность». Данное понятие рассматривается на междисциплинарном уровне, однако целостного представления о специфике национальной белорусской идентичности достичь так и не удалось.

В данном разделе мы изучаем специфику белорусской идентичности через следующие основные социологические показатели[131]:

– степень осознания себя представителем национальности;

---

[128] Titarenko, L.G. On the Shifting Nature of Religion during the on-Going Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine / L.G. Titarenko // Social Compass. - 2008. - № 55 (2). - P.241-258.

[129] Титаренко Л.Г. Перспективные модели развития национальной идентичности белорусов / Л.Г. Титаренко // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы : сб.науч.трудов. - Вып.6. – Брест : БрГТУ, 2009. - С. 295-300.

[130] Титаренко, Л.Г. Развитие национальной идентичности населения Беларуси в условиях современных глобализационных и интеграционных процессов / Л.Г. Титаренко // Взаимодействие устойчивости и инновационности в развитии белорусского общества: сб. науч. трудов. – Минск : Белорусская наука, 2009. - С.182-196.

[131] В данной работе представлены результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси по национальной выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, региону проживания и типу населенного пункта (выборочная совокупность составила 1545 респондентов)

– значимость принадлежности к национальности;
– характеристики, объединяющие представителей белорусской национальности;
– социальные стереотипы восприятия белорусской национальности («Быть белорусом – это…»);
– чувства, испытываемые по отношению к современной Беларуси.

Данные, полученные в ходе анализа вторичных данных социологических исследований Института социологии НАН Беларуси (20107-2018 гг.), свидетельствуют о том, что достаточно высокий уровень осознания себя представителем своей национальности (формулировка вопроса «В какой степени Вы чувствуете (осознаете) себя представителем своей национальности?») демонстрируют все этнические общности, проживающие на территории Республики Беларусь. Однако наиболее высокие оценки у белорусов и поляков (Рисунок 2). Следует отметить, что национальность респондентов определялась по самоидентификации, то есть респондент сам отмечал ту национальность, к которой, по его мнению, он принадлежит.

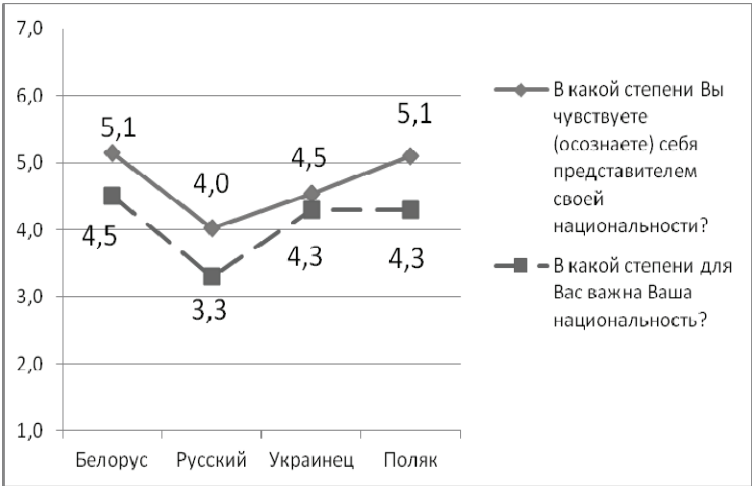

Рисунок 2 - Степень осознания представителем своей национальности и значимость принадлежности к ней (средний балл от 1 до 7)

Данные, представленные на Рисунке 2, свидетельствуют также и о том, что по уровню значимости принадлежности респондентов к своей национальности (формулировка вопроса «В какой степени для Вас важна Ваша национальность?») лидируют белорусы, украинцы и поляки. В целом по выборке осознание представителем национальности выше значимости принадлежности к ней.

С целью выявления специфики самоопределения белорусов из выборочной совокупности данного социологического исследования была целевым образом отобрана группа респондентов, являющихся белорусами по самоидентификации. В дальнейшем тексте речь пойдет именно об этой категории. Так, по результатам проведенного исследования выявлено: чем старше респондент, тем в большей степени выражена и степень осознания себя представителем белорусской национальности, и значимость принадлежности к ней (Рисунок 3).

Рисунок 3 - Осознание / значимость белорусской национальности по возрастным группам

Статистический анализ полученных в ходе социологического исследования данных зафиксировал также достоверные различия значимости принадлежности и степени осознания себя белорусом в зависимости от региона проживания (Рисунок 4).

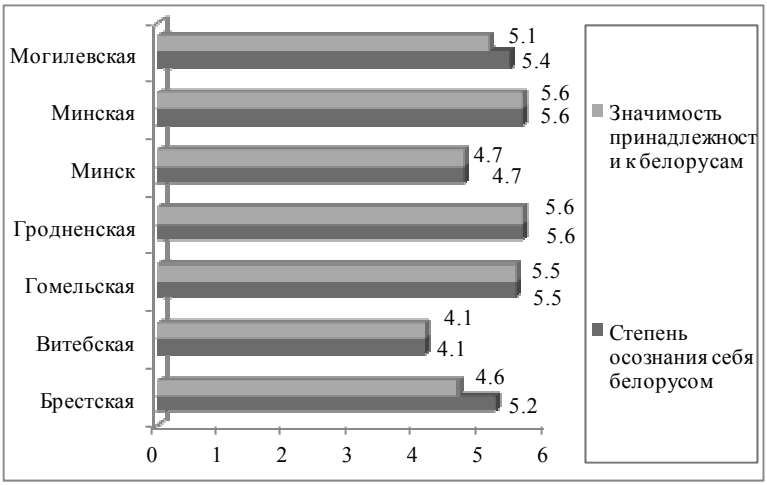

Рисунок 4 - Осознание / значимость белорусской национальности в зависимости от региона проживания, %

Данные, представленные на Рисунке 2.3, свидетельствуют о том, что наиболее высокие оценки показателей национальной принадлежности демонстрируют жители Минской и Гродненской областей, самые низкие – Витебской области. В зависимости от типа населенного пункта отмечается, что сельчане проявляют более высокий уровень белорусской этнической приверженности, чем горожане.

Одной из задач проведенного социологического исследования являлось изучение характеристик, объединяющих белорусов (по мнению самих респондентов). В результате получена ранговая структура интегрирующих белорусов оснований (в порядке убывания):

1. Территория проживания.
2. Государство.
3. Традиции (праздники, обряды и др.).
4. Национальная культура.
5. Происхождение (национальность).
6. Менталитет, черты характера.
7. Национальные интересы.
8. Язык.
9. Религия, вероисповедание.

Объединяющими белорусов критериями, по мнению представителей белорусской национальности, являются (в порядке убывания): территория проживания («жить в Беларуси»); любовь к Беларуси и белорусам и уважение к белорусской культуре (Рисунок 5).

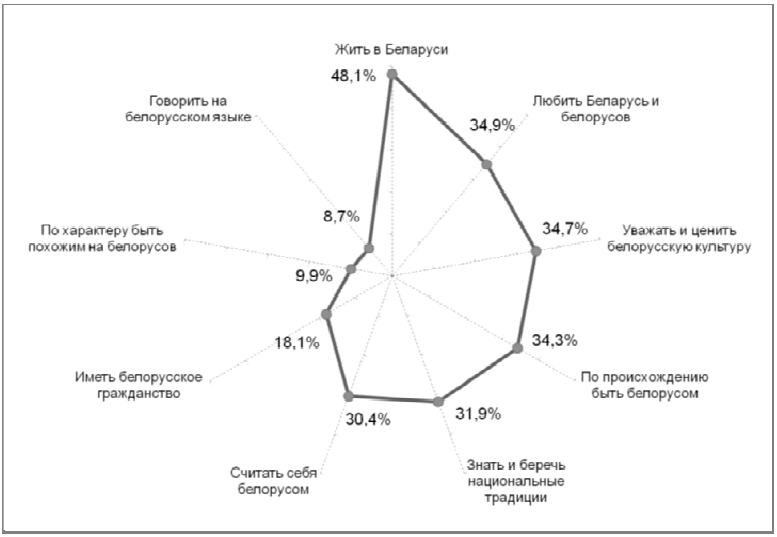

Рисунок 5 - Социальные стереотипы восприятия белорусской национальности («Быть белорусом – это…)

Следует отметить, что белорусский язык не является на сегодняшний день интегрирующим фактором для белорусской нации.

Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что критерии, объединяющие белорусов, существенно различаются в зависимости от возрастных особенностей респондентов. Так, если сравнить самую молодую возрастную группу (до 24 лет) и самую старшую (55 и старше), то обнаруживается, что для старшего поколения наиболее значимыми являются территориальная составляющая («жить в Беларуси») и происхождение (по происхождению быть белорусом), для наиболее младшей возрастной когорты более существенными являются: «уважать и ценить белорусскую культуру» и «знать и беречь национальные традиции» (Рисунок 6).

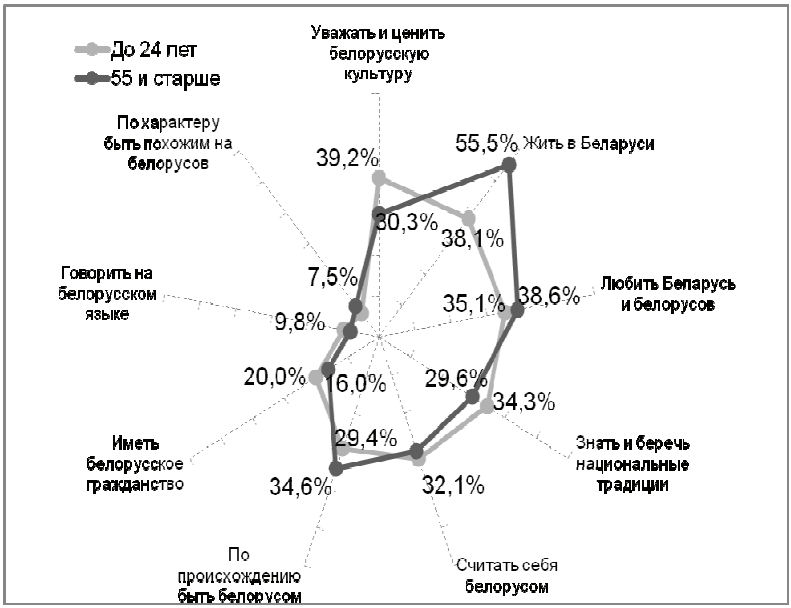

Рисунок 6 - Социальные стереотипы восприятия белорусской национальности в зависимости от возраста, %

Из полученных данных, следует, что на современном этапе развития белорусского общества в молодежной среде формируется иной тип национальной белорусской идентичности, основанный уже не на территории проживания и происхождении, а скорее на «культурных» условиях.

Зафиксированы также различия в восприятии белорусской национальности в зависимости от типа населенного пункта, в котором проживает респондент. Так, белорусских сельчан в большей степени объединяет жизнь в Беларуси и уважение к белорусской культуре в отличие от горожан, которые интегрированы на основании происхождения и любви к Беларуси и белорусам, хотя территориальная составляющая у горожан также имеет высокие позиции (Рисунок 7).

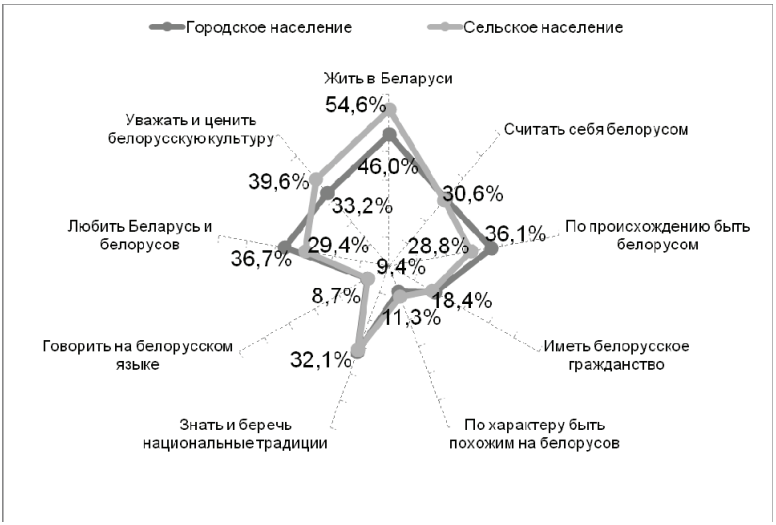

Рисунок 7 - Социальные стереотипы восприятия белорусской национальности в зависимости от типа населенного пункта, %

Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что молодежь Беларуси, как и население в целом, эмоционально позитивно относится к современной Беларуси – формулировка вопроса «Насколько часто Вы испытываете следующие чувства, когда речь идет о современной Беларуси?». Данные, представленные в таблице 2.2, свидетельствуют о том, что наиболее часто по отношению к Беларуси белорусская молодежь, как и население в целом, испытывает надежду, гордость, достоинство и ответственность. Однако следует отметить, что наиболее позитивное эмоциональное отношение к современной Беларуси демонстрируют лица старше 55 лет в отличие от молодежи, которая проявила большую критичность.

Таблица 4 – Эмоциональное отношение к современной Беларуси (средний балл[132])

	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Надежда	3,76	3,97
Гордость	3,51	3,75
Достоинство	3,51	3,72
Ответственность	3,32	3,46
Уверенность	3,31	3,61
Сопричастность	2,84	3,14
Превосходство	2,78	2,88
Боль	2,22	2,15
Неполноценность	2,18	1,93
Безнадежность	2,05	1,95
Стыд	1,96	1,86
Равнодушие	1,88	1,76

Сравнительный анализ эмоционального восприятия современной Беларуси в 2008 и 2013 годах показал, что за последние 5 лет уменьшилась значимость как позитивных, так и негативных чувств у жителей Беларуси. Это свидетельствует о нивелировании как позитивных, так и негативных эмоций по отношению к современной Беларуси (Рисунок 8).

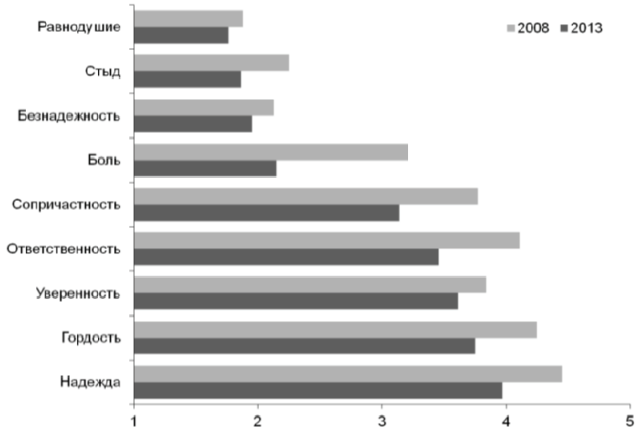

Рисунок 8 - Эмоциональное восприятие современной Беларуси (средний балл)

[132] В данной таблице представлен средний балл от 1 до 5, где 1 – никогда не испытываю это чувство; 5 – постоянно испытываю это чувство)

Для выявления субъективной оценки Беларуси как страны в целом в данном социологическом исследовании использовался метод семантического дифференциала, когда респондентам предлагалось оценить современную Беларусь по ряду параметров социально-политического, экономического и духовного развития посредством биполярных семибальных шкал (от 1 до 7). Для анализа рассчитывалась средняя оценка по таким характеристикам, как: миролюбивая-воинственная, сильная-слабая, богатая-бедная, прогрессивная–отсталая, духовная-бездуховная, независимая-зависимая, развитая-неразвитая и т.д. Анализ полученных в исследовании данных продемонстрировал высокую степень устойчивости субъективной оценки по вышеназванным параметрам. Как видно из представленного на Рисунке 2.8 графика оценки, данные респондентами в 2013 году практически идентичны оценкам 2008 года (Рисунок 9).

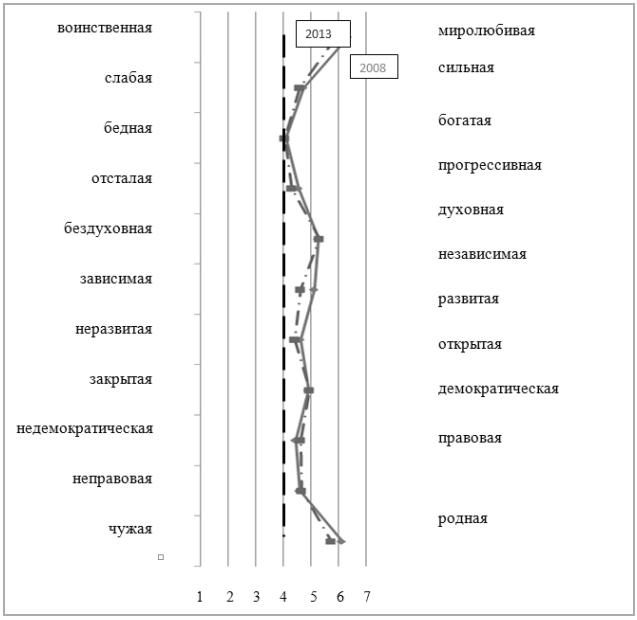

Рисунок 9 - Восприятие Беларуси: динамика по годам
(метод семантического дифференциала)

Анализ восприятия современной Беларуси в зависимости от возрастных особенностей респондентов показал, что наиболее критично настроенной группой является когорта 25-39 лет, соответственно наиболее позитивной - 55 лет и старше. Зафиксированы также значимые различия в зависимости от типа населенного пункта. Так, сельские жители демонстрируют более позитивное восприятие современной Беларуси, чем городские (Рисунок 10).

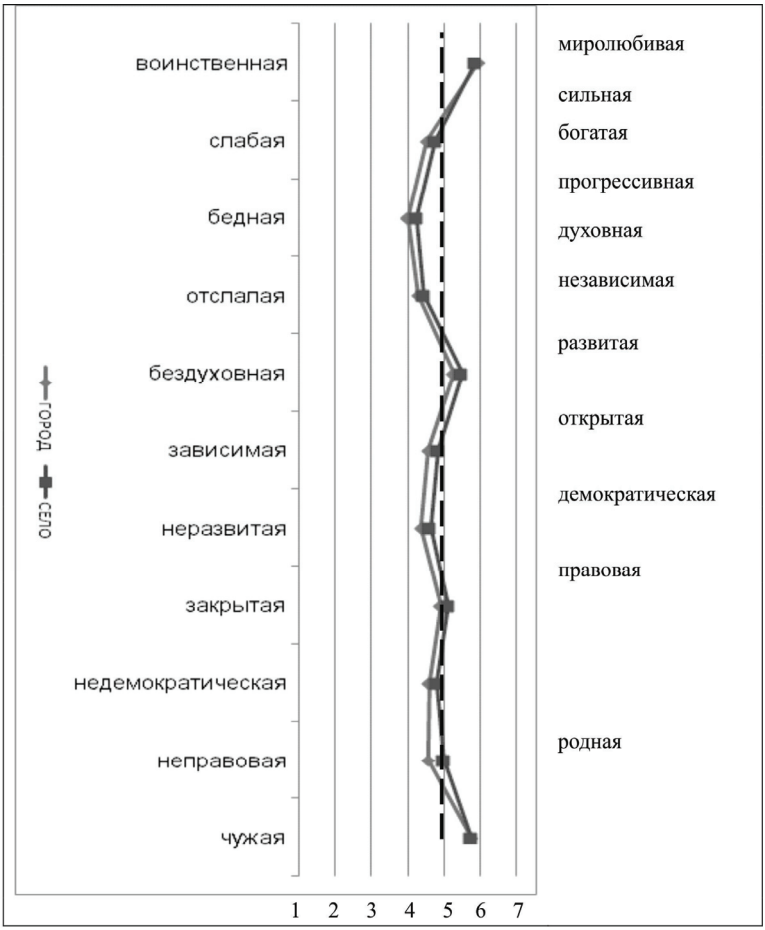

Рисунок 10 - Восприятие Беларуси городскими и сельскими жителями

Итак, по результатам проведенного социологического исследования выявлены следующие основные особенности национальной идентичности в Республике Беларусь:

1. Национальная принадлежность и значимость своей национальности:

- белорусы и поляки лидируют в осознании себя как представителей своей национальности;
- белорусы, украинцы и поляки демонстрируют высокую значимость принадлежности к своей национальности;
- по населению в целом осознания себя представителем национальности выше значимости принадлежности к национальности.

2. Степень осознания белорусом и значимость белорусской национальности:

- чем моложе белорус, тем меньше осознает себя белорусом и ниже оценивает значимость белорусской национальности;
- самые высокие показатели – в Гродненской и Минской областях, самые низкие – в Витебской области;
- сельские жители проявляют более высокий уровень этнической идентичности;
- белорусов главным образом объединяет общая территория проживания.

3. Социальные стереотипы восприятия белорусской национальности:

- наиболее распространенными стереотипами белорусской национальности являются: жизнь в Беларуси; любовь к Беларуси и белорусам; уважение к белорусской культуре;
- восприятие белорусской национальности различается в зависимости от возраста и типа населенного пункта.

4. Эмоциональное восприятие современной Беларуси:

- жители страны испытывают по отношению к Беларуси чувства надежды, гордости и достоинства;
- молодежь Беларуси отличается от других возрастных групп более негативным эмоциональным восприятием страны, хотя преобладают положительные оценки;
- сельские жители испытывают более позитивные эмоции по отношению к Беларуси, чем городские.

Вторым важным индикатором проявления радикализма в современном обществе является толерантность. Само понятие толерантности так, как

оно употребляется в декларации принципов толерантности принятой ЮНЕСКО, подразумевает терпимость к различиям среди людей, умение жить, не мешая другим, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других.

Как отмечает В. Н. Петров, социологическое исследование толерантности обнаруживает взаимосвязь этого феномена с условиями ситуации (объективная реальность) и субъективными факторами (субъективная реальность), а также его принадлежность всем компонентам системы социального действия, включающего такие подсистемы, как личность, ситуация действия, сами акты социального действия и взаимодействия. Понимание толерантности в контексте теории социального действия опирается на представление о том, что это свойство принадлежит всем элементам его структуры: потребностям, интересам, находит свое воплощение в идеях (как проекте движения к удовлетворению потребностей), мотивах и целях[133]. А. В. Логинов предлагает рассматривать толерантность в связи с понятием идеологии. Толерантность определяется как форма сосуществования идеологий[134]. Д. В. Зиновьев выделяет понятие «социокультурная толерантность». Это, по его мнению, моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к другим людям, независимо от их этнической, национальной либо культурной принадлежности, терпимое отношение к иного рода взглядам, нравам, привычкам; по отношению к особенностям различных культурных групп или к их представителям[135] .

В исследовании, проведенном Институтом социологии НАН Беларуси, была предпринята попытка исследования этнической толерантности жителей Беларуси. Этническая толерантность рассматривалась в рамках подхода Дробижевой Л.М. как характеристика процесса социального взаимодействия. Инструментом измерения стала шкала социальной дистанции Богардуса.

---

[133] Петров, В. Н. Этнические мигранты и полиэтническая принимающая среда: проблемы толерантности / В. Н. Петров // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 84–91.

[134] Логинов, А. В. Толерантность: от понятия к проблеме / А.В. Логинов // Толерантность: Вестник Уральского межрегионального института общественных отношений. - Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2001. - 170 с.

[135] Зиновьев, Д. В. Социокультурная толерантность – её сущностные характеристики / Д. В. Зиновьев // Парадигма. – 1998. – № 1. – С. 50-61

Шкала социальной дистанции Э. Богардуса состоит из четырех уровней:

1. Открытость. Означает ту или иную степень открытости к непосредственным контактам (семейным, дружеским, соседским, производственным).

2. Обособленность. «Пусть живут в Беларуси, но мне бы не хотелось вступать с ними в непосредственные контакты».

3. Изолированность. Высокие значения данного показателя характеризуют ориентацию на изолированность людей, не желающих видеть представителей других национальностей в качестве граждан своей страны, но не возражающих, чтобы они посещали Беларусь в качестве гостей и туристов.

4. Ксенофобия. Высокие баллы данного показателя характеризуют распространенность открытых ксенофобических установок. Открытое нежелание вообще допускать в свою страну представителей какой-либо другой культуры отражает восприятие ее представителей как «совершенно чужих» и является показателем открытой ксенофобии.

Респондентам предлагалось определиться, могут ли они принять представителей предложенных в анкете национальностей в качестве членов семьи, близких друзей, соседей, коллег по работе, жителей страны либо туристов. Таким образом, минимальная дистанция определялась гипотетическим принятием представителя национальности членом семьи, а максимальная соответственно – допуском в страну в качестве туриста. (В основу формулировок, определяющих социальную дистанцию, положен вариант методики, адаптированный Н.В. Паниной). Ответ необходимо было дать по каждой позиции. На основании полученных ответов для каждой национальности подсчитывался индекс «социальной близости», т.е. частота согласия с позициями социальной дистанции. Чем ближе значения индекса к единице, тем более высокий уровень толерантности демонстрируют респонденты по отношению к представителям национальных групп.

Полученные данные свидетельствуют о том, что жители Беларуси проявляют открытость по отношению к представителям разных национальностей, проживающих на территории страны, однако степень открытости к представителям разных этносов различается. Рассмотрим

далее степень открытости белорусских жителей на разных уровнях социальной дистанции.

Самый близкий уровень социальной дистанции – принятие представителей разных национальностей в качестве членов семьи. Полученные данные свидетельствуют о том, что самый высокий уровень открытости жители Беларуси демонстрируют по отношению к представителям, конечно, белорусской национальности, следующие ранговые места занимают (в порядке убывания): «русские», «украинцы», «поляки».

Наименьший уровень открытости на уровне принятия в качестве члена семьи проявляется у жителей Беларуси по отношению к цыганам и темнокожим (Рисунок 11).

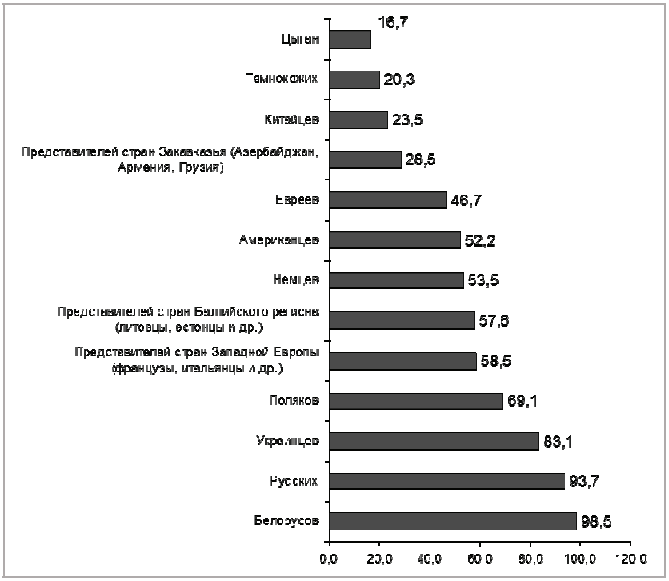

Рисунок 11 – Принятие жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве членов семьи, %

Второй по уровню близкой социальной дистанции – принятия представителей разных национальностей в качестве близкий друзей. Здесь по уровню открытости также лидируют (в порядке убывания):

«белорусы», «русские», «украинцы». Наименьший уровень открытости – по отношению к цыганам и темнокожим (Рисунок 12).

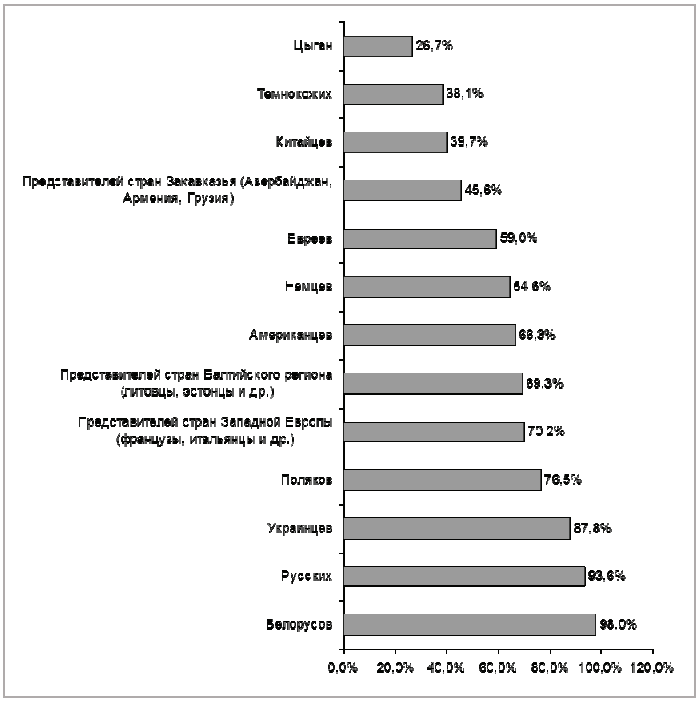

Рисунок 12 – Принятие жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве близких друзей, %

Относительно принятия жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве коллег по работе следует отметить увеличение показателя толерантности по отношению к тем национальностям, к которым зафиксирован низкий уровень открытости на более близких социальных уровнях (Рисунок 12). В качестве коллег по работе жители страны согласны видеть цыган – 40,4%, темнокожих 59,7%, китайцев – 61,5%, представителей стран Закавказья – 62,7%. Самый высокий уровень принятия – «белорусов», «русских», «украинцев», «поляков».

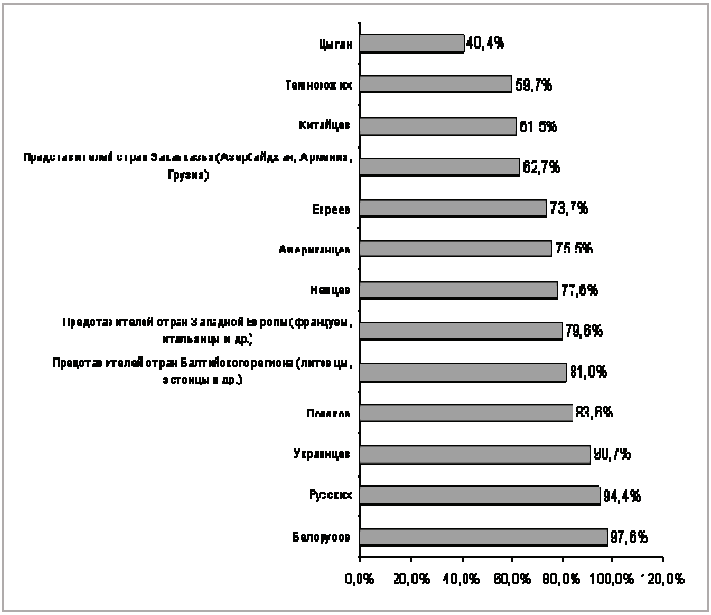

Рисунок 13 – Принятие жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве коллег по работе, %

На более далеком уровне социальной дистанции (принятие представителей разных национальностей в качестве жителей страны) ситуация нивелируется, что проявляется в уменьшении разницы между уровнем открытости по отношению к белорусам, русским, украинцам и цыганам, китайцам и темнокожим. Следует также отметить, что темнокожие на данном уровне социальной дистанции повысили свой ранг по отношению к представителям других национальностей (Рисунок 14).

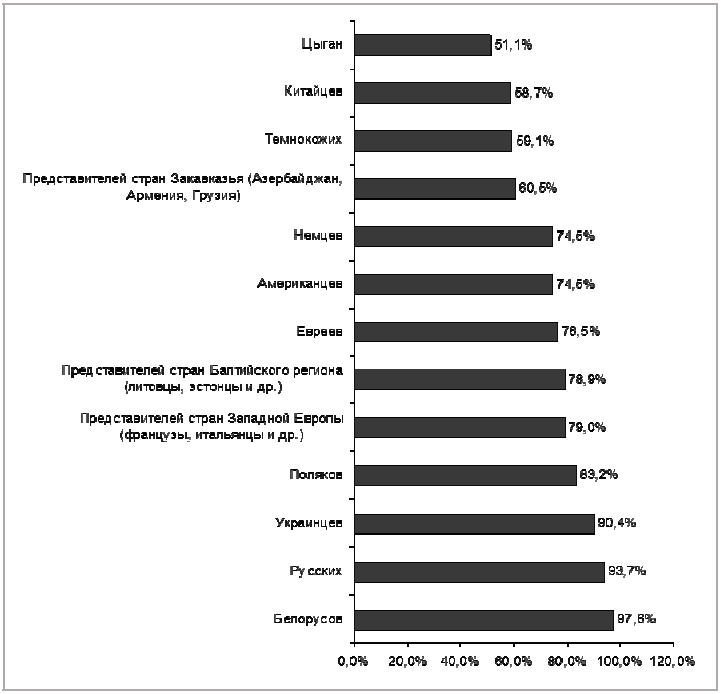

Рисунок 14 – Принятие жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве жителей страны, %

Относительно принятие жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве туристов отмечено, что представители стран Закавказья на данном уровне социальной дистанции уступили свои позиции темнокожим и китайцам. Следует также отметить усилившуюся тенденцию нивелирования уровня толерантности, которая проявляется в уменьшении разницы в уровне открытости к представителям разных национальностей (Рисунок 15).

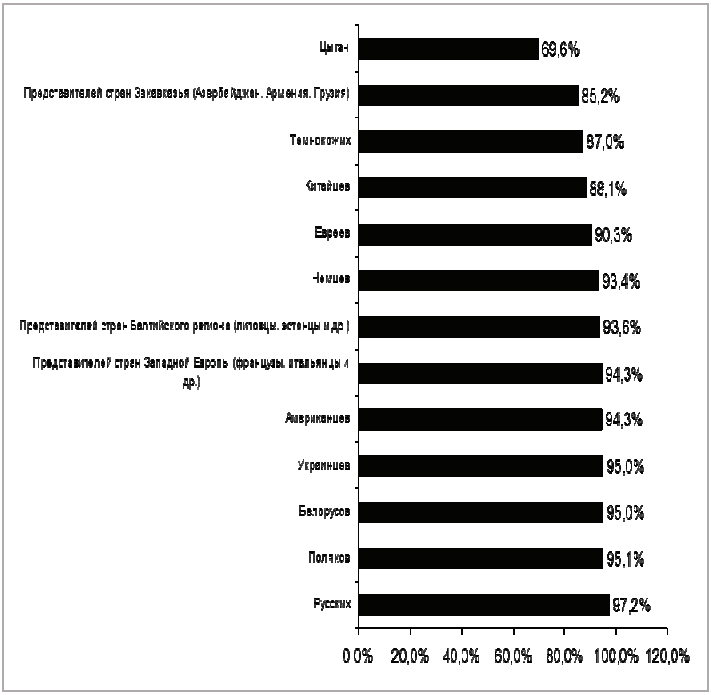

Рисунок 15 – Принятие жителями Беларуси представителей разных национальностей в качестве туристов, %

По результатам проведенных эмпирических замеров на разных уровнях социальной дистанции с применением методов математического анализа был сконструирован совокупный индекс общей толерантности разных этнических групп белорусского общества. В результате самый высокий уровень открытости зафиксирован по отношению к белорусам, русским, украинцам; соответственно, менее открыты жители Беларуси к цыганам и темнокожим (Рисунок 16).

В целом, по результатам проведенного социологического исследования зафиксировано, что по отношению ко всем этническим группам, проживающим на территории Беларуси, жители страны толерантны, однако уровень открытости различается в зависимости от степени социальной близости.

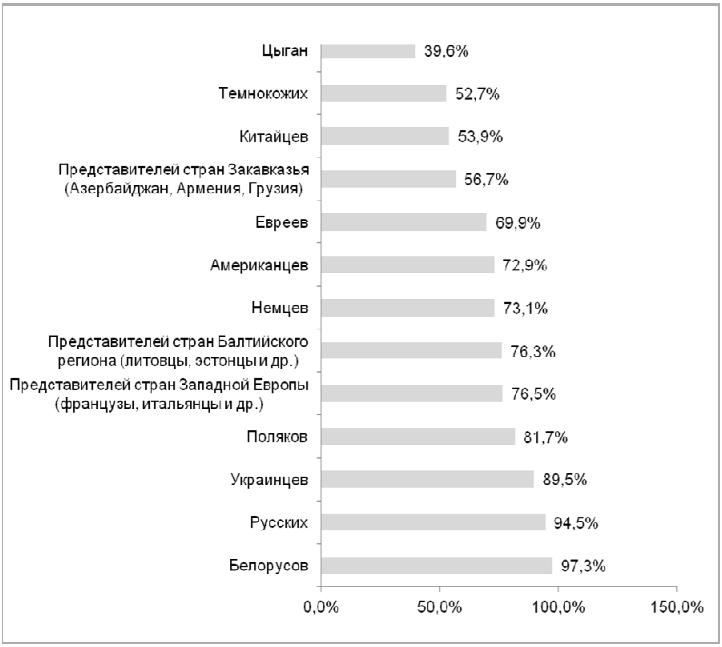

Рисунок 16 – Совокупный индекс общей толерантности белорусского населения, %

Итак, в процессе реализации научно-исследовательского проекта путем анализа первичных и вторичных социологических данных выявлены следующие особенности национальной идентичности в Республике Беларусь, среди которых распространены позиции, описанные ниже.

1. Национальная принадлежность и значимость своей национальности:

– Респонденты, обозначившие себя по национальной принадлежности как «белорусы» или «поляки», лидируют в осознании себя представителями своей национальности;
– Среди участники опроса, идентифицировавших себя по национальной принадлежности как «белорусы», «украинцы» или «поляки», достаточно высока значимость принадлежности к своей национальности.

– Данные по населению в целом указывают на то, что осознание себя представителем национальности выше значимости принадлежности к национальности.

2. Степень осознания белорусом и значимость белорусской национальности:

– Чем моложе белорус, тем меньше осознает себя белорусом и ниже оценивает значимость белорусской национальности.
– Самые высокие показатели – в Гродненской и Минской областях, самые низкие – в Витебской области.
– Сельские жители проявляют более высокий уровень этнической идентичности.
– Белорусов главным образом объединяет общая территория проживания.

3. Социальные стереотипы восприятия белорусской национальности

– Наиболее распространенными стереотипами белорусской национальности являются: жизнь в Беларуси; любовь к Беларуси и белорусам; уважение к белорусской культуре.
– Восприятие белорусской национальности различается в зависимости от возраста и типа населенного пункта.

4. Эмоциональное восприятие современной Беларуси

– Жители страны испытывают по отношению к Беларуси чувства надежды, гордости и достоинства.
– Молодежь Беларуси отличается от других возрастных групп более негативным эмоциональным восприятием страны, хотя преобладают положительные оценки.
– Сельские жители испытывают более позитивные эмоции по отношению к Беларуси, чем городские.

Новые реалии и расстановка сил, возникшие на пространстве бывшего СССР в постперестроечные годы, возникновение новых государств, отношения между государствами и этносами обусловили необходимость осмысления актуальных политических, социально-экономических, этно-культурных, правовых и иных процессов в этих государствах.

Борьба за власть и собственность закончилась становлением не массового среднего класса, а узкого класса крупных собственников, в чьих руках сосредоточилась вся полнота государственной, экономической, финансовой и информационной власти. По мнению исследователей, образовалась новая финансово-промышленная элита,

поставившая государство со всеми его атрибутами на службу своим узкогрупповым интересам. Борьба националистических, региональных, предпринимательских и финансовых элит определила характер и содержание верхушечных переворотов в структурах власти, ставших источником социально-политической и духовной деградации человека и общества[136].

Объединение исследовательских усилий белорусских и армянских ученых при изучении проблемы радикализма и экстремизма позволило умножить полезный эффект от научной деятельности в деле гармонизации общественных отношений в наших странах.

Для Беларуси наблюдается конформизм, нежелание и неготовность включаться в процессы неповиновения властям. Только 10% опрошенных готовы участвовать в забастовках, 9,5% в несанкционированных демонстрациях, 6,8 в акциях гражданского неповиновения, а 5,2% в пикетировании правительственных зданий (Рисунок 17).

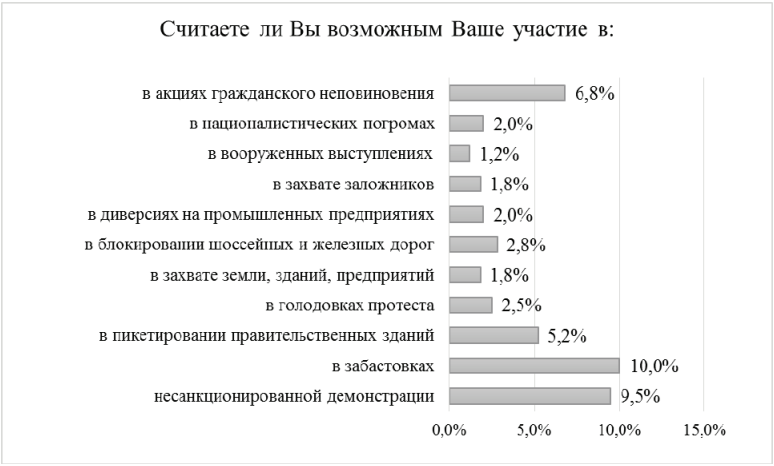

Рисунок 17 - Готовность населения Беларуси участвовать в акциях протеста, % .

[136] Погосян, Г.А. Армянское общество. Тенденции и риски радикализации / Г.А. Погосян // Социологический Альманах. – Минск: Беларуская навука, 2018. - №9. - С.43-51.

Белорусское правительство отслеживает возможные проявления экстремизма, радикализма. Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. «О противодействии экстремизму» претерпевает перманентные изменения в сторону ужесточения ответственности за определенные действия, вплоть до уголовной. Так к расовой, национальной, религиозной вражде добавилось понятие «социальная» вражда, а в статью 130 Уголовного кодекса вводится ответственность за разжигание социальной вражды или розни. Наказание для нарушителей предусмотрено в виде штрафа, ареста на срок до 6 месяцев, ограничения свободы на срок до 5 лет или лишения свободы на срок до 5 лет[137].

Ниже представим сравнительную ретроспективу уровня доверия белорусов к социальным институтам по состоянию на 2007 и 2016 годы (Рисунок 18).

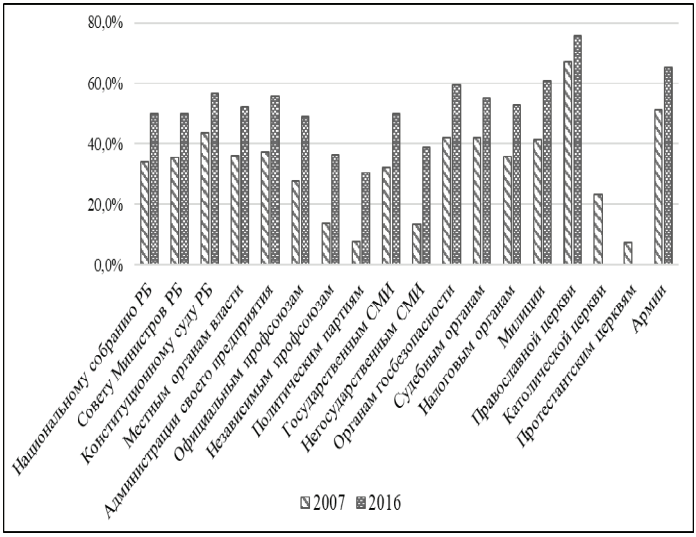

Рисунок 18. Сравнительные данные уровня доверия белорусов к социальным институтам (2007-2009), в %

[137] https://news.tut.by/society/493571.html?crnd=44043 Подписаны поправки в закон об экстремизме, добровольцах-наемниках и разжигании социальной вражды- Дата доступа 21.02.2019

Представленные данные демонстрируют как изменились оценки белорусов по отношению к социальным институтам с 2007 года. Так, в 2016 г. наибольший уровень доверия имели церковь – 75,7 %, армия – 65,2% (позиции, схожие с позициями армян), милиция – 60,8% и органы госбезопасности – 59,4%. Данные институты и в 2007 году занимали высокие позиции в рейтинге доверия населения, но с меньшими показателями (рисунок 18). В 2016 г. также повысилось доверие к органам госуправления и местным органам власти (что является прямой противоположностью ситуации с доверием этим органам в Армении), к профсоюзам, политическим партиям и СМИ (государственным и негосударственным).

Выявление индикаторов радикальных настроений в обществе важно с точки зрения прогнозирования событий и анализа их динамики. Так, представители армянского исследовательского коллектива предвосхитили события, запустив очень актуальное эмпирическое исследование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде всего следует отметить, что данная совместная исследовательская работа способствовала обмену научно-практическим опытом и углублению знаний об особенностях общественного развития Беларуси и Армении в современных условиях. Она помогла развитию новых направлений в исследовании актуальных проблем социально-культурного развития, политических отношений и экономического развития. Результаты совместного исследования обогатились теоретическими подходами и взглядами по вопросам разработки и создания антикризисных программ, разрешения противоречий, возникающих в сфере политических, экономических, социально-культурных, правовых и иных отношений.

Практическая значимость исследовательской работы интернационального коллектива была направлена на разработку алгоритмов выявления актуальных проблем и на содействие решению стоящих перед государственными органами Беларуси и Армении актуальных задач предотвращению углубления кризисных явлений. Полученные результаты пригодны для использования армянской стороной при решении вопросов стабилизации политической обстановки в стране, легитимного регулирования отношений между субъектами политической борьбы, устранения противоречий в политической, экономической, социальной, религиозной и других областях общественных отношений. Материалы исследования могут быть использованы при решении проблем национальной безопасности и внешней и внутренней политики Беларуси и Армении. А также результаты эмпирического исследования могут быть использованы для создания концепции нового политического и экономического курса Армении, что сегодня весьма актуально.

Основные научные результаты совместного исследовательского проекта в течение 2017-2018 гг. армянской стороной были представлены на трех международных и двух республиканских конференциях, в 11 научных статьях (на армянском, русском, английском языках в Армении, России, Беларуси, Молдове, США и Канаде) и в настоящей коллективной монографии; белорусской стороной на 6 конференциях и в 3 научных статьях. Кроме того, члены армянского коллектива публиковали и озвучивали научные результаты исследования в различных СМИ.

В рамках реализации проекта были получены следующие основные результаты:

1. Разработан концептуальный подход к исследованию радикальных и экстремистских моделей поведения; разработана методика измерения этнического радикализма.
2. Разработаны общие методологические (концептуальные) основания изучения радикальных тенденций в обществе.
3. Проведена операционализация понятий «современный радикализм», «современный экстремизм»; систематизированы методологические основания понятий «этнический радикализм», «этнокультурный радикализм», определена специфика феноменов экстремизм и радикализм, а также факторы и причины, влияющие на возникновение интолерантности.
4. Разработана общая программа социологического исследования для определения степени и уровня радикальных тенденций в обществе.
5. Выявлены радикально-экстремистские конструкты в контексте современных этно-религиозных, культурных и пр. репрезентаций.
6. Определены социально-культурные, психологические, политические и другие факторы и причины, влияющие на возникновение интолерантности, ксенофобии и экстремистских установок личности.
7. Разработаны практические предложения по эстимации радикальных настроений в обществе.

Следует также подчеркнуть научную значимость исследования в виде следующих основных достижений:

1. Проведены социологические исследования на территории трех самых крупных городов Армении и в Беларуси.
2. Собраны и обработаны теоретические и эмпирические данные по исследуемой тематике; осуществлен обмен данными и полученными сведениями.
3. Организованы два визита в Беларусь и Армению, в рамках которых были проведены круглые столы с обсуждением инструментария проекта (ноябрь 2017, Минск) и с обсуждением полученных результатов (ноябрь 2018, Ереван).
4. Опубликованы статьи в белорусских, армянских и других зарубежных научных изданиях.

5. Подготовлена коллективная монография «Тенденции и риски радикализации общества (На материалах социологического исследования в Армении и Беларуси)».

6. Разработаны методические рекомендации для органов исполнительной власти, ВУЗов и общественных организаций по выявлению индикаторов этнокультурного радикализма и разработке социальных проектов и программ формирования толерантности в обществе.

В рамках подписанного между Институтом философии, социологии и права Академии наук Армении и Институтом социологии НАН Беларуси Соглашения о сотрудничестве будет продолжено совместное взаимодействие по следующим направлениям:

- осуществление научно-исследовательской работы по экономическим, политическим, социальным, правовым и иным аспектам фундаментальных и прикладных проблем;
- организация сотрудничества в осуществлении фундаментальных и прикладных научных исследованиях;
- совместная издательская деятельность в области научной, учебной и методической литературы, информационных материалов и иной аналогичной печатной продукции;
- проведение совместных конференций, форумов, семинаров, практикумов и иных научно-практических мероприятий и обмен информацией об организуемых в стране мероприятиях;
- обмен научными визитами научных сотрудников и аспирантов.

На сегодняшний день Институт социологии НАН Беларуси и Институт философии, социологии и права Академии наук Армении на перманентной основе:

- обмениваются информацией о достижениях в сфере организации научно-исследовательских и учебно-методических разработок;
- планируют и разрабатывают совместные научно-исследовательские проекты и программы;
- предоставляют друг другу право пользования результатами исследований, полученных в рамках двустороннего сотрудничества при условии письменного согласия;
- обеспечивают проведение совместных научных и научно-практических конференций и семинаров;

– публикуют результаты совместных исследований и обмениваются публикациями, учебной и методической литературой, справочными и статистическими материалами, представляющими взаимный интерес.

В перспективе, обе стороны проекта предполагают продолжить исследования в области радикализации общественного сознания в обеих странах с целью научного прогнозирования возможных тенденций развития социально-политической и этно-культурной ситуации и общественной атмосферы на ближайшую перспективу. Подобные сравнительные прогностические исследования могут представлять определенный практический и политический интерес для государственных структур в целом и, в том числе, для новых властей Армении; также они смогут оказать неоценимую консультативную помощь для активно развивающегося гражданского общества и гражданских движений.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

АРМЯНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

(На материалах социологического исследования в Армении и Беларуси)

ARMENIAN SOCIOLOGICAL ASSOCIATION

TENDENCIES TOWARD AND RISKS OF RADICALIZATION OF THE SOCIETY

(Based on the findings of the sociological study conducted in Armenia and Belarus)

“Europrint” LLC Printing house
70 Baghramyan str., 0033 Yerevan, RA
Phone: (374 10) 26 01 93